

№ 1 (64) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2017

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям

- *Муравьев К. В.* Уголовный процесс как форма применения уголовного закона. 3
- *Урда М. Н.* Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы. 8
- *Пичугин С. А., Петров А. М.* Уголовная ответственность за побои: проблемы и перспективы в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ 14
- *Дядюн К. В.* Анализ обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в ракурсе охраны репродуктивной сферы. . . . 18
- *Овчинников Ю. Г.* Порядок осуществления контроля за исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста 22
- *Пропастин С. В.* Модульная система формирования обстоятельств, подлежащих установлению по интернет-преступлениям 26
- *Тамбовцев А. И.* Коллизии норм федеральных законов, регулирующих содействие лиц правоохранительным органам. 31

Право и общество

- *Горев А. И.* Принятие новой Доктрины информационной безопасности как этап развития информационного общества в России 37

- *Кашкаров А. А.* Структура и полномочия органов публичной власти в Крымском федеральном округе 40

Философский инструментарий

- *Яркеев А. В.* Производство субъективности на пределе прав человека 45
- *Петракова А. С.* Конструирование процессов идентификации и самоидентификации личности в социальной философии Аристотеля 49
- *Антипов М. А.* Философско-методологические основы развития экологического сознания. . . 53
- *Синченко Г. Ч.* Язык права. Статья II. Терминологический ажиотаж 57

Диссертационный процесс

- *Герасименко Ю. В.* Отзыв официального оппонента на диссертацию Т. А. Прудниковой «Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы)». 65
- *Бавсун М. В.* Отзыв официального оппонента на диссертацию К. П. Семенова «Животные как предмет и как средство совершения преступления» 68

Информация для авторов. 72

Information for Authors 74

Contents 76

Abstracts and Key Words 77

Сведения об авторах. 80

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук, профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Бабури, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. К. Бекряшев, кандидат экономических наук, доцент (Омск, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. Е. Веретенникова, кандидат педагогических наук, доцент (Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

- Т. Е. Грязнова**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)
Е. А. Клоков, кандидат юридических наук, доцент — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор — *заместитель главного редактора* (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор — *главный редактор* (Омск, Россия)
В. В. Хильюта, кандидат юридических наук, доцент (Гродно, Республика Беларусь)

The editorial council:

- V. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
A. K. Bekryashev, PhD in Economics, Associate Professor (Omsk, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
A. Ye. Veretennikova, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)

- A. S. Dezhnyov**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Ye. A. Klovov, PhD in Law, Associate Professor — *assistant editor* (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Y. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor (Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor — *chief editor* (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, PhD in Law, Associate Professor (Grodno, Belarus)

Вниманию подписчиков!

18630 — наш индекс в издании «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство „Роспечать“»

Главный редактор *Г. Ч. Синченко*

Редактирование *А. Н. Великих*

Корректурa *М. В. Виноградовой*

Дизайн и компьютерная верстка *А. В. Сергеева*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25982 от 13 октября 2006 г. выдано Роскомнадзор.

Выход в свет: 13.03.2017. Тираж 120 экз. Уч.-изд. л. 9,2. Усл. печ. л. 9,3. Заказ № 35.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2017

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

УДК 343 © К. В. Муравьев, 2017

Уголовный процесс как форма применения уголовного закона

К. В. Муравьев

Анализируются основные теоретические представления о соотношении уголовного (материального) и уголовно-процессуального права. Отмечается, что уголовное право и уголовный процесс имеют собственное содержание и форму. Автор разграничивает категории «применение» и «реализация» и приходит к выводу, что уголовный процесс представляет собой форму применения уголовного закона, необходимую для констатации соблюдения, установления правомерности использования или дальнейшего исполнения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовный процесс, форма, применение, реализация, уголовный закон.

Вопрос о соотношении уголовного (материального, статутного) и уголовно-процессуального права является дискуссионным. Большинство авторов, обращающихся к рассматриваемой проблеме, определяют *уголовный процесс как форму применения уголовного закона*.

Такой подход получил распространение еще в дореволюционной юридической литературе. Так, Я. И. Баршев отмечал, что высшее и коренное начало уголовного судопроизводства должно состоять в правдивом осуществлении и приведении в действие законов уголовных¹. С. И. Викторский определял уголовно-процессуальное право как совокупность норм, созданных для решения вопросов о применении норм материального уголовного права в каждом отдельном случае правонарушения². И. Я. Фойницкий указывал, что уголовный процесс существенно необходим для применения уголовно-правовых норм³.

Данная позиция получила развитие в советский период. Причем в работах Я. О. Мотовиловкера⁴, М. С. Строговича⁵ и других авторов обращалось внимание на то, что оба феномена стоят на страже одних и тех же отношений, но именно материальное уголовное право определяет процесс, а не наоборот. Н. Н. Полянский, в частности, отмечал: «Не уголовные законы существуют для того, чтобы людей суди-

ли, а судят для того, чтобы обеспечить надлежащее применение уголовного закона»⁶. В. М. Горшенев указывал на производность процессуального права от материального через такое промежуточное звено, как правоприменительный процесс (правоприменительная деятельность)⁷.

Сходный подход к соотношению уголовного материального и процессуального права можно найти и в работах юристов-современников. Так, по мнению В. П. Божьева, «уголовный процесс, как и уголовно-процессуальное право, детерминирован уголовным правом... налицо его производный характер... применить нормы уголовного права можно лишь одновременно с применением норм уголовно-процессуального права, причем сделать это вправе лишь субъекты уголовно-процессуальных отношений»⁸. А. П. Гуляев обращает внимание, что смысл всей уголовно-процессуальной деятельности заключается в претворении в жизнь уголовного закона, применение его норм является неотъемлемой и важнейшей частью этой деятельности, а правильное применение уголовного закона — основной задачей уголовного процесса⁹. Ю. К. Якимович полагает, что «и как право, и как законодательство, и как деятельность уголовный процесс нужен всего лишь для того, чтобы правильно применять нормы материально-

го права»¹⁰. Подобное мнение высказывают и другие юристы¹¹.

Вместе с тем ряд ученых определял уголовный процесс как *форму уголовного права*. Такой подход закреплен в трудах дореволюционных юристов М. А. Филиппова, А. Ф. Кистяковского, К. Д. Анциферова, М. В. Духовского и др.¹² Широкою известностью получили высказывания К. Маркса, изложенные в работе «Дебаты по поводу закона о краже леса»: «Материальное право... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни... форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания...»¹³. М. А. Чельцов, Б. А. Галкин, П. С. Дагель и другие исследователи отмечали, что этими тезисами обозначена мысль о том, что соотношение уголовного и уголовно-процессуального права проявляется в диалектическом единстве формы и содержания. По их мнению, уголовное право потому и называют материальным, что оно выступает как содержание по отношению к форме (процессу)¹⁴.

Однако подобную позицию разделяют (разделяли) не все авторы. Так, П. С. Элькин, В. Н. Шпилев и другие ученые, признавая, что взаимодействие норм уголовного и уголовно-процессуального права подчинено диалектике формы и содержания, указывали на то, что нельзя сводить процессуальное право только к форме уголовного права, ибо и та и другая отрасль права имеют свое собственное содержание, форму и ценность¹⁵. По мнению Е. В. Благова, взгляд на уголовный процесс как на форму уголовного права является, по меньшей мере, недостаточным. Формой существования уголовного права выступает уголовный закон. Уголовный процесс — это «специфическая форма именно применения уголовного права, ибо оно всегда облекается в одежды процессуальных актов»¹⁶. М. С. Строгович писал, что мысль о том, что содержание материального уголовного права и те процессуальные формы, в которых производится его применение, должны соответствовать друг другу, вовсе не означает, что отношение между материальным и процессуальным правом является отношением содержания и формы¹⁷; как уголовный процесс, так и уголовное право имеют свое содержание и форму (например, уголовно-процессуальные отношения представляют собой правовую форму деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них задачи в области борьбы с преступлениями, а сама эта деятельность есть содержание уголовно-процессуальных отношений)¹⁸. Е. Г. Васильева отмечает, что процесс и право не относятся друг к другу как форма и содержание хотя бы потому, что между ними нет такой зависимости, когда изменения в одном непременно влекли бы

трансформацию в другом. С одной стороны, смена процессуальных форм не отражается на материальном праве так, чтобы признать их связь принципиальной (например, из-за смены процессуальных правил ничего не поменяется в материально-правовой сущности убийства). С другой — и изменения в материальном праве (криминализация или декриминализация) сами по себе не меняют очертания процессуальных форм¹⁹. Приведенные воззрения авторов заслуживают одобрения. Считаем, что высказывание об «уголовном процессе как форме жизни уголовного закона» правильно толковать именно как о *форме применения материального уголовного права*.

В суждениях ряда ученых указывается, что в рамках уголовного процесса происходит не только *применение*, но и *реализация* уголовного закона. Например, П. А. Лупинская отмечала, что нормы уголовного права реализуются в процессуальной деятельности и принимаемых в ходе ее решениях²⁰. Ю. С. Жариков пишет, что нормы УК РФ могут быть реализованы исключительно в уголовно-процессуальной форме публичных отношений. Без надлежащего процессуального механизма уголовное право мертво²¹. Д. Ю. Гончаров считает, что как уголовно-процессуальные отношения предназначены для установления, реализации уголовно-правовых отношений, так и уголовно-процессуальные нормы предназначены для реализации материальных уголовных норм²². Ю. В. Козубенко указывает, что «материальное право реализуется в рамках судопроизводства, нормированного правом процессуальным»²³. По мнению С. Б. Россинского, материальные нормы не способны самореализовываться, т. е. автоматически применяться к лицам, совершившим преступление. Такая реализация возможна только в процессе осуществления специальной юрисдикционной деятельности²⁴. В качестве формы реализации (применения) уголовного закона рассматривал уголовный процесс В. Г. Даев²⁵. В работах П. С. Элькин, Д. Р. Гимазетдинова, Л. В. Головки отмечается, что уголовный процесс является необходимой и притом единственной формой реализации норм уголовного права²⁶, а Е. Г. Шадрин полагает, что уголовно-процессуальное право является одной из форм механизма реализации уголовного права²⁷.

В приведенных суждениях авторов категории «применение» и «реализация» не разграничиваются. Такой подход имеет объяснение. В общей теории права «применение» выделяется в качестве особой формы реализации правовых норм, которая существует наряду с обычными формами — соблюдением, исполнением и использованием²⁸. П. Е. Недбайло отмечал, что «применение» в практике осуществления права обособилось и приобрело специфический смысл по сравнению с другими способами их

реализации²⁹. К неординарной форме реализации уголовно-правовых норм относят «применение» и некоторые представители уголовно-правовой³⁰ и уголовно-процессуальной науки. Например, Р. Х. Якупов указывал, что применение не самоцель, а необходимый способ реализации материально-правовых норм; уголовный процесс выступает одной из особых правовых форм реализации уголовного закона³¹.

Рассмотрим внимательнее категорию «реализация». Принятие УК РФ, как и любых иных законов, предполагает достижение конечного результата, означающего полное соответствие между требованиями норм совершить или воздержаться от совершения определенных поступков и суммой фактически выполненных действий³². Таким образом, реализация уголовного закона — это итог правомерного поведения субъектов, которым адресованы уголовно-правовые нормы, т. е. граждан (физических лиц) и правоохранительных органов государства.

В первую очередь нормы УК РФ обращены к гражданам. При их правомерном поведении (добровольном, принудительном, а иногда и вынужденном) реализация уголовного закона осуществляется в форме соблюдения или использования. Участие компетентных правоохранительных органов государства в данных формах не требуется.

В форме *соблюдения* гражданами реализуются запрещающие нормы. Устанавливая, какое общественное деяние является преступлением, государство ставит под уголовно-правовую охрану конкретные общественные отношения и одновременно определяет необходимый образ действий их субъектов, следование которому позволяет исключить совершение противоправного деяния.

В форме *использования* происходит реализация управомочивающих норм, когда субъекты действуют при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (ст. ст. 37–42 УК РФ). Устанавливая рамки (границы) дозволенного поведения, критерии общественной полезности, уголовный закон предоставляет гражданам возможность не только соблюдать его запреты, но и использовать положения в собственных интересах и интересах третьих лиц³³.

Однако уголовный закон оказывает не только предупредительное и регулятивное воздействие. К предмету уголовного права относят в первую очередь те общественные отношения, которые возникают вследствие совершения лицом общественно опасного посягательства и применения к нему наказания³⁴. В качестве доминирующей выделяется охранительно-восстановительная функция уголовного законодательства, поскольку она имеет назначением охрану общественных отношений в целях восстановления социальной справедливости и недо-

пущения или минимизации подобных негативных проявлений в будущем³⁵.

Произошедшее общественно опасное деяние свидетельствует о том, что добровольная реализация уголовного закона в форме соблюдения или использования не состоялась. Исчезновение воли к повиновению правовым требованиям прекращает процесс реализации права, ведет к негативным социальным последствиям: правонарушениям, изменению в правовой системе и т. п. Поскольку неправомерное поведение препятствует достижению конечных целей права, оно является основанием к возбуждению процесса по реализации карательных норм³⁶. Нарушение содержащегося запрета, неправильное распоряжение предусмотренными возможностями требуют реализации санкций уголовно-правовых норм в форме *исполнения*. Причем такая форма включает в себя как поведение лица, совершившего преступление, так и деятельность учреждений и органов, исполняющих наказание, по поводу реализации взаимных прав и обязанностей³⁷. Нарушившие закон граждане не в состоянии добровольно и, главное, самостоятельно реализовать уголовно-правовые санкции: назначить и применить меру воздействия в отношении самих себя они не могут. Для уплаты штрафа, отбытия исправительных работ, лишения свободы и т. п. одних лишь действий субъекта, совершившего преступление, недостаточно. Реализация санкции уголовно-правовой нормы обязательно требует особой процедуры и применения легального насилия со стороны государства в отношении преступника³⁸. Праву государственной власти наказывать соответствует обязанность нарушителя уголовного закона подчиниться, дать себя наказать. Но за ним нельзя признать ни обязанности приводить в исполнение наказание, ни права присвоить себе принадлежащее государству и требовать наказания, как своего³⁹.

Итак, реализация уголовного закона в форме исполнения, претворение в жизнь санкций статей УК РФ осуществляется только при непосредственном участии государства в лице его специализированных (*уголовно-исполнительных*) учреждений и органов. При этом необходимо, чтобы материальный факт наказания строго сохранял свойства противодействия преступному деянию. Цель наказания достигается тогда, когда оно применяется при условиях, не оставляющих возможности сомнения в том, что является правомерным осуществлением права наказывать, когда в решении судьи и в способе его постановления заключается речательство связи между наказанием и виной⁴⁰. Поэтому при исполнении уголовно-правовых санкций недостаточно общего правового регулирования. В ситуации совершения общественно опасного посягательства реализация уголовного закона дополнительно требует наличия индиви-

дуального правового акта суда, в котором должны найти разрешение вопросы о характере правового деяния, вине правонарушителя, справедливой мере воздействия. Вынесению же данного документа, как правило, предшествует деятельность уполномоченных государством органов, подготавливающих уголовное дело к судебному рассмотрению. Целью применения закона органами, выступающими от имени и в интересах государства, является содействие претворению в жизнь норм, обращенных к другим субъектам права⁴¹.

Таким образом, следует признать правильность позиций авторов, указывающих на различие категорий «применение» и «реализация». Например, С. С. Алексеев, И. Я. Дюрягин, Л. Б. Зусь пишут, что если соблюдение, исполнение и использование представляют собой непосредственные формы реализации права, которые касаются итогов воплощения юридических норм в поведении субъектов, материальных и духовных результатов этого поведения, то применение права относится к процессу реализации, его ходу. Компетентный орган, наделенный государственно-властными полномочиями, включается в процесс реализации, принимает необходимые меры для претворения правовых предписаний в жизнь. Применение предполагает, как правило, дальнейшую реализацию предписаний правоприменительного акта, следовательно, и правовых норм, что и приводит к наступлению необходимых результатов⁴². Т. А. Сулейманов определяет применение уголовно-правовой нормы как посредническое звено между нормой права и ее осуществлением в правах и обязанностях субъектов уголовного права⁴³. А. С. Бахта отмечает, что применение закона выступает не в качестве одной из форм реализации (пусть даже особой, сложной), наряду с такими формами, как исполнение, соблюдение и использование, которые выражают итог реализации, а в качестве элемента процесса реализации, действующего до того момента, пока закон не будет исполнен⁴⁴.

В общей теории права высказано мнение, что правоприменительную деятельность следует рассматривать не как форму реализации права, а как деятельность «предреализационную» или «организационную», т. е. предшествующую воплощению предписаний в правомерном поведении⁴⁵. Отмечается, что с логической точки зрения применение права выпадает из общей классификации форм реализации права, так как в данной форме реализуются все виды правовых норм (нормы-запреты, нормы положительного поведения и нормы-управомочия), но осуществляются они особым способом — на основе властных полномочий⁴⁶. Поддерживаем авторов в том, что «применение» не следует относить к формам реализации права. Но должны отметить, что

приведенные теоретико-правовые позиции не являются абсолютно точными по отношению к уголовно-правовым нормам. Применение — это необходимый, обязательный элемент процесса реализации уголовного закона в форме исполнения. Соблюдение физическим лицом запретов и использование им субъективных прав, предоставленных уголовным законом, не требует решений, актов государства (его правоприменительных органов), о чем указывалось ранее. А. Д. Прошляков пишет: «Может даже сложиться впечатление, что без уголовно-процессуального права можно обойтись, если никто не будет нарушать закон. Вот только как, какими средствами и способами проверить — нарушен уголовный закон или нет? Очевидно, уголовно-процессуальными»⁴⁷. Таким образом, деятельность по применению УК РФ требуется при возникновении сомнений в правомерности действий (бездействия) граждан. Результатом применения уголовного закона может стать констатация состоявшейся ранее реализации норм (соблюдения запретительных, использования управомочивающих норм) или необходимость дальнейшей их реализации в форме исполнения. Уголовно-правовая оценка поведения человека может быть положительной либо отрицательной (представляет деяние преступление или нет). Но в любом случае в ней проявляется констатирующая функция применения уголовного права, без которой оно было бы беспредметным⁴⁸. Причем установление состоявшейся реализации норм УК РФ в форме соблюдения или использования исключает возможность их реализации в форме исполнения. Таким образом, применение уголовного права в одних случаях выступает условием, исключающим его реализацию, в других — ее следствием, в третьих — предпосылкой, но никогда не может быть и не должно рассматриваться формой либо стадией реализации права⁴⁹.

Правильным представляется подход, в соответствии с которым уголовный процесс является формой применения уголовного закона, но не формой его реализации. Либо реализация произойдет после применения посредством исполнения санкции уголовно-правовой нормы (уголовный процесс в этом случае допустимо рассматривать в качестве средства реализации материального права⁵⁰), либо будет констатирован вывод о состоявшейся реализации уголовного закона в форме соблюдения или использования, произошедшей до начала уголовного процесса (об этом, например, будет свидетельствовать постановление о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям). Но в любом случае реализация норм УК РФ происходит вне уголовного процесса⁵¹. Цель процесса как формы применения уголовного закона состоит не только в оказании органами, уполномоченными государством,

содействия претворению в жизнь норм, обращенных к другим субъектам права, но и (в случаях, когда для этого участия государства не требуется) в констатации состоявшейся реализации норм УК РФ, в подтверждении ее правомерности.

Таким образом, категории «применение» и «реализация» не равнозначны. Формами реализации уголовного закона являются соблюдение, использование и исполнение. Уголовный процесс представляет собой именно форму применения уголовного закона, т. е. деятельность уполномоченных органов, связанную с вынесением индивидуальных актов, констатирующих соблюдение, правомерность использования или необходимость исполнения уголовно-правовых норм. Непосредственно реализация норм УК РФ всегда происходит вне уголовного процесса.

¹ Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 41.

² Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1911. С. 2.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 4.

⁴ Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974. С. 5.

⁵ Строгович М. С. Соотношение и взаимосвязь уголовно-процессуального и уголовного законов // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 49.

⁶ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 242.

⁷ Горшенев В. М. О природе процессуального права // Правоведение. 1974. № 2. С. 47.

⁸ Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 119 ; Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 28.

⁹ Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Рос. следователь. 2012. № 16. С. 5–8.

¹⁰ Якимович Ю. К. О возможности достижения объективной истины в современном уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 72.

¹¹ Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17, 20 ; Толкаченко А. А. Некоторые проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в практике судов общей юрисдикции // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики. М., 2012. Ч. 2. С. 27 ; и др.

¹² Филиппов М. А. Судебная реформа в России : в 2 т. СПб., 1871. Т. 1 : Судостроительство, ч. 1. С. 42–44 ; Элементарный учебник общего уголовного права орд. проф. Ун-та Св. Владимира А. Ф. Кистяковского. Киев, 1875. Т. 1 : Общая часть. С. 2 ; Анциферов К. Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. СПб., 1898. С. 573 ; Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1905. С. 9.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 158, 159.

¹⁴ Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 23 ; Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон.

М., 1962. С. 121 ; Дагель П. С. Взаимодействие уголовного материального и процессуального права в регулировании общественных отношений // Правоведение. 1972. № 2. С. 84 ; и др.

¹⁵ Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд. М., 1972. С. 25–26 ; Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 22.

¹⁶ Благов Е. В. Учение о применении уголовного права. Ярославль, 1993. С. 14.

¹⁷ Строгович М. С. Указ. соч. С. 49.

¹⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 30, 86–93.

¹⁹ Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография. М., 2013. С. 57.

²⁰ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 23.

²¹ Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М., 2009. С. 15.

²² Гончаров Д. Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 19.

²³ Козубенко Ю. В. К вопросу о двусторонней координации процессуальных и материальных отраслевых конструкций в механизме уголовно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 1300.

²⁴ Россинский С. Б. Понятие и сущность уголовного процесса // Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А. П. Гуськовой, Ф. К. Зинурова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 6–7.

²⁵ Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 12, 13.

²⁶ Элькинд П. С. Содержание и особенности уголовного процесса // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976. С. 233 ; Гимазетдинов Д. Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 9 ; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 53.

²⁷ Шадрина Е. Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (проблемы рассогласования и согласования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 12.

²⁸ Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 448–449 ; Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2008. С. 423 ; Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 319–320 ; и др.

²⁹ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 126.

³⁰ Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 16 ; Литвинов А. Н. Механизм и формы реализации норм уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 26 ; и др.

³¹ Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. С. 30, 49.

³² Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 6.

³³ Жариков Ю. С. Указ. соч. С. 21.

- ³⁴ Бавсун М. В., Баландюк В. Н., Вишнякова Н. В. Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть : учеб. пособие. Омск, 2009. С. 4.
- ³⁵ Жариков Ю. С. Указ. соч. С. 20.
- ³⁶ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 9.
- ³⁷ Сулейманов Т. А. Реализация уголовно-правовой нормы в форме исполнения // Рос. следователь. 2006. № 9. С. 18–19.
- ³⁸ Сулейманов Т. А. Характеристика форм реализации уголовно-правовой нормы // Там же. № 5. С. 15.
- ³⁹ Руководство по уголовному процессу. Сочинение Ю. Глазера. Том первый. СПб., 1884. С. 19.
- ⁴⁰ Там же. С. 19–20.
- ⁴¹ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 29.
- ⁴² Алексеев С. С., Дюрягин И. Я. Функции применения права // Правоведение. 1972. № 2. С. 26; Зусь Л. Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 1976. С. 97.
- ⁴³ Сулейманов Т. А. Характеристика форм реализации уголовно-правовой нормы. С. 16.
- ⁴⁴ Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография. Хабаровск, 2010. С. 269.
- ⁴⁵ Фалькина Т. Ю., Шабуров А. С., Чашиников В. А. Формы реализации права и механизм их осуществления : монография. Екатеринбург, 2009. С. 50–58.
- ⁴⁶ Бро Ю. Н. Проблемы применения советского права : учеб. пособие. Иркутск, 1980. С. 7.
- ⁴⁷ Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. С. 8.
- ⁴⁸ Благов Е. В. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁹ Там же. С. 9.
- ⁵⁰ Ефимичев П. С. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения при привлечении в качестве обвиняемого по делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 46.
- ⁵¹ Благов Е. В. Указ. соч. С. 14 ; Сулейманов Т. А. Характеристика форм реализации уголовно-правовой нормы. С. 15–16.

УДК 343 © М. Н. Урда, 2017

Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы

М. Н. Урда

Рассмотрены проблемы толкования и применения объективных и субъективных признаков, составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 322² и 322³ УК РФ, а также проблемы их отграничения от аналогичных составов административных правонарушений и смежного состава преступления, предусмотренного ст. 322¹ УК РФ. Обращается внимание на низкий правоприменительный потенциал специальных оснований освобождения от ответственности, сформулированных в примечаниях к нормам. Предложены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: миграционный учет, фиктивная регистрация, проблемы толкования и применения норм, административная преюдиция, основание освобождения от ответственности.

В целях ужесточения ответственности за незаконную миграцию, а также нарушения в сфере миграционного учета 21 декабря 2013 г. был принят Федеральный закон № 376-ФЗ¹, призванный обеспечить, по замыслу его разработчиков, борьбу с так называемыми «резиновыми квартирами».

В результате его принятия уголовное законодательство пополнилось нормами, устанавливающими ответственность за фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства (в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 322² УК РФ), а также за фиктивную постановку на учет по месту пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 322³ УК РФ).

Следует отметить, что указанные новеллы весьма активно применяются². Вместе с тем практические работники сталкиваются с трудностями в их толковании и применении, что обусловлено несовершенством следующих законодательных конструкций.

1. *Проблема определения объекта посягательства.* Обращает на себя внимание, что на уровне одного непосредственного объекта в рамках ст. 322² УК РФ криминализируются различные по своей природе правонарушения: фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ.

Непосредственным объектом фиктивной регистрации гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства является порядок регистрации граждан по месту пребывания или месту жительства, с которым Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»³ связывает обеспечение необходимых условий для реализации гражданами своих прав и свобод, а также исполнения ими обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом. При этом собственно порядок регистрации определен Правительством РФ⁴.

Непосредственным объектом фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства является порядок миграционного учета, который обусловлен необходимостью государственного регулирования миграционных процессов и направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией РФ гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на российской территории, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации в сфере миграции (преамбула к Федеральному закону от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»⁵) (далее — Закон о миграционном учете). Правила и порядок осуществления миграционного учета устанавливаются Правительством Российской Федерации⁶.

Аналогичным образом следует определить и непосредственный объект фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания — уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 322³ УК РФ.

В связи с этим полагаем, что *действия, направленные на фиктивную регистрацию иностранных граждан (лиц без гражданства), должны получать оценку вне связи с регистрацией граждан РФ. Их криминализацию целесообразно осуществлять наравне с фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина (лица без гражданства) по месту пребывания в рамках одного состава. Объединяющим их фактором является то, что они имеют одинаковую правовую природу и по существу представляют собой фиктивную постановку на миграционный учет — посягательство, нарушающее порядок осуществления миграционного учета.*

Показательным в этом отношении является такое конструирование соответствующих административно-правовых норм, где наблюдается разграничение правонарушений в сфере миграционного учета

иностранцев и лиц без гражданства и регистрационного учета российских граждан.

2. *Проблема уголовно-правовой оценки признаков объективной и субъективной стороны рассматриваемых деяний.* Вина как основополагающий признак субъективной стороны преступления представляет собой отражение в сознании субъекта признаков объективной стороны. Сформулированные в законе признаки объективной стороны оказывают определяющее воздействие на содержание вины. В связи с этим целесообразно рассмотреть обозначенную проблему через определение указанных элементов составов в их взаимосвязи.

В качестве альтернативных форм фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 322² УК РФ) закон определяет их регистрацию по месту жительства: на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации (1); без их намерения проживать в соответствующем жилом помещении (2); без намерения нанимателя (собственника) соответствующего жилого помещения предоставить им это жилое помещение для проживания (3). Те же альтернативные формы противоправного поведения предусмотрены применительно к фиктивной постановке на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания (ст. 322³ УК РФ).

Вместе с тем, в отличие от ст. 322² УК РФ, не раскрывающей понятие фиктивной регистрации, ст. 322³ УК РФ содержит примечание, определяющее признаки фиктивной постановки на учет указанных лиц по месту их пребывания, что представляется излишним, поскольку оба этих термина сформулированы в ст. 2 Закона о миграционном учете.

На исключительно умышленный характер деяния указывает один из способов совершения правонарушений — посредством представления заведомо недостоверных сведений или документов. Что касается двух других форм противоправного поведения, полагаем, что они могут совершаться и по неосторожности.

В то же время установление уголовной ответственности за совершение правонарушений в сфере миграционного учета по неосторожности, с нашей точки зрения, является социально и политически неверным.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение регулятивного законодательства, заметим, что представление соответствующих сведений относительно регистрации в жилом помещении на территории РФ в порядке и в сроки, установленные законодательством, — исключительно обязанность иностранного гражданина (лица без гражданства), пребывающего на территории России (глава 3 Закона о миграционном учете).

Предоставление же информации относительно места пребывания указанных лиц, напротив, возлагается на принимающую сторону и только в исключительных случаях — на иностранного гражданина (лица без гражданства) (глава 4 Закона о миграционном учете).

При таких обстоятельствах установление ответственности за постановку на миграционный учет по месту жительства (пребывания) иностранного гражданина в отсутствие у него намерения фактически пребывать или проживать в жилом помещении, равно как и в отсутствие намерения нанимателя или собственника предоставить ему помещение для проживания или пребывания, есть опасная грань объективного вменения. Установление зависимости наступления неблагоприятных последствий для одних лиц в виде привлечения к уголовной ответственности от совершения либо несовершения определенных действий другими лицами недопустимо.

Предположим, что человек добросовестно сообщил в Федеральную миграционную службу о месте проживания или пребывания, но в дальнейшем собственник жилья по каким-то причинам отказал в его предоставлении, или иностранец сам был вынужден отказаться от его использования. Возникает вопрос, есть ли основания считать, что имеются признаки фиктивной регистрации (постановки на учет по месту пребывания). Думается, что нет.

В то же время может возникнуть и обратная ситуация, когда совершение рассматриваемых форм фиктивной постановки на миграционный учет изначально предопределено представлением заведомо недостоверных сведений или документов контролирующему органу. Однако с точки зрения конструирования норм это исключается ввиду формулирования признаков деяний рассматриваемых составов как альтернативных с использованием разделительного союза «либо».

Отсутствие правовой определенности и опасность объективного вменения делают недопустимым установление уголовной ответственности за постановку на миграционный учет иностранного гражданина в отсутствие у него намерения фактически пребывать или проживать в жилом помещении, равно как и в отсутствие намерения нанимателя или собственника предоставить ему помещение для проживания или пребывания.

Если признавать необходимым установление уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет, то она должна быть обусловлена исключительно представлением заведомо недостоверных сведений или документов.

3. Проблема разграничения указанных норм с аналогичными административными правонарушениями.

Анализ рассматриваемых преступлений высвечивает еще одну малоизученную проблему — разграничение указанных норм с административными правонарушениями, предусмотренными ст. 19.27 КоАП РФ, которые устанавливают ответственность за представление ложных сведений при осуществлении миграционного учета.

Подобного рода посягательства, когда признаки правонарушения одновременно подпадают под действие смежных отраслей законодательства, в литературе именуется правонарушениями (преступлениями) со смешанной противоправностью⁷. В таком случае с неизбежностью возникает вопрос, какую норму применять. Эта же проблема характерна и для анализируемых составов. Интересно, что, несмотря на различия в формулировании составов правонарушений, закрепленных в ст. 19.27 КоАП РФ, имеет место практически полное совпадение в толковании и применении их признаков.

Так, изучение практики применения административного законодательства показало, что привлечение лиц к административной ответственности за представление заведомо ложных сведений либо подложных документов при осуществлении миграционного учета (ст. 19.27 КоАП РФ) во всех случаях обусловлено отсутствием намерения мигрантов фактически проживать в месте учета или отсутствием у собственников (иных владельцев) намерения предоставлять им жилье.

Пример: В. был привлечен к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ. Суд установил, что «В... предоставил в ОУФМС по <адрес> в <адрес> ложные сведения о регистрации по месту своего проживания граждан Украины: А. и Б., не намереваясь предоставить им данное жилое помещение, чем нарушил законодательство РФ в сфере миграционного контроля»⁸.

Аналогичным образом можно охарактеризовать ситуацию при привлечении лиц к уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений, когда правоприменители вменяют либо все три признака, либо два, один из которых всегда представление заведомо ложных сведений (документов)⁹.

Таким образом, в условиях отсутствия рекомендаций по толкованию и применению норм правоохранительные органы в одних случаях за одни и те же по существу правонарушения привлекают к уголовной ответственности¹⁰, в других — к административной¹¹, а в некоторых — и к административной, и к уголовной.

Показательным в этом отношении является дело Е., обжаловавшего приговор о привлечении его к уголовной ответственности по ст. 322³ УК РФ

на том основании, что он ранее был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ за совершение того же правонарушения.

Отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы, суд апелляционной инстанции указал, что «объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 322³ УК РФ, заключается в фиктивной постановке на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации, в то время как часть 2 ст. 19.27 КоАП РФ имеет иную объективную сторону, а именно представление при осуществлении миграционного учета заведомо ложных сведений об иностранном гражданине или о лице без гражданства либо подложных документов принимающей стороной, в связи с чем довод о невозможности привлечения Е. к уголовной ответственности при наличии факта привлечения к административной, является необоснованным»¹².

Таким образом, как справедливо отмечают М. В. Бавсун и И. Г. Бавсун, в такой ситуации грань между преступлением и административным правонарушением размывается: правоприменитель вправе в каждом конкретном случае выбирать сферу правового регулирования исходя из собственного усмотрения. Подобное недопустимо, так как критерии квалификации правонарушения должны находиться только в ведении законодательного органа¹³.

Наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации могло бы стать использование при описании анализируемых составов преступления административной преюдиции (признак накопления общественной опасности деяния, в принципе исключающий свободную оценку правоприменителя в выборе законодательства, устанавливающего ответственность за нарушения в сфере миграционного учета).

4. *Проблема субъекта.* При квалификации рассматриваемых составов преступлений проблемы вызывают вопросы, связанные с определением признаков субъектов данных правонарушений.

Из текста законодательных формулировок рассматриваемых норм не совсем ясно, чем законодатель обуславливает криминализацию правонарушений: юридическим актом в виде постановления на миграционный учет, который осуществляется должностным лицом, или совершением юридически значимых действий, опосредующих постановку на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства.

Неточность законодательных формулировок породила разброс мнений относительно признаков субъекта таких преступлений. Одни авторы рассматривают субъект данных преступлений как общий¹⁴. Другие называют его специальным, при этом по-разному определяя признаки специального субъекта.

Так, А. Лейба и другие авторы полагают, что субъектом ст. 322³ УК РФ является должностное лицо ФМС России¹⁵. И. А. Петрова обращает внимание на санкции норм, которые в качестве дополнительного вида наказания содержат наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹⁶, что характерно для составов преступлений, где субъектом является должностное лицо.

По мнению А. А. Кык, субъект рассматриваемых преступлений должен обладать «специальным признаком в виде юридической возможности производить регистрационные действия по конкретному адресу». К таковым он относит собственника жилого помещения или лицо, которому выдана генеральная доверенность на право распоряжения жилым помещением. Спорным ученый считает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности регистрирующегося лица¹⁷.

Не оспаривая высказанное суждение, отметим только, что собственно регистрационные действия с точки зрения действующего законодательства указанные лица не осуществляют. Это прерогатива должностных лиц ФМС. В то же время мы полагаем, что должностное лицо не может нести уголовную ответственность за совершение рассматриваемых преступлений, поскольку постановка на миграционный учет носит не разрешительный, а уведомительный характер.

Так, согласно ст. 15 Закона о миграционном учете основанием для регистрации иностранного гражданина по месту жительства является наличие у данного иностранного гражданина права пользования жилым помещением, находящимся на территории РФ. Регистрация иностранного гражданина по месту жительства включает в себя фиксацию адреса конкретного жилого помещения в виде на жительство или в разрешении на временное проживание указанного гражданина, а также в учетных документах органа миграционного учета и в государственной информационной системе миграционного учета.

Согласно ст. ст. 20–21 названного Закона учетом места пребывания иностранного гражданина и лица без гражданства считается временное фактическое нахождение иностранного гражданина в месте, не являющемся его постоянным местом жительства. Учет по месту пребывания включает в себя фиксацию сведений о нахождении иностранного гражданина в месте пребывания в учетных документах контролирующего органа и в государственной информационной системе миграционного учета.

При этом должностное лицо не обладает полномочиями по отказу в совершении регистрационных и учетных действий при представлении всех необходимых документов соответствующими лицами.

Экспертиза представляемых в целях миграционного учета документов также не входит в их компетенцию. Факт фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет по месту пребывания может быть установлен должностными лицами ФМС уже после постановки на миграционный учет в рамках контрольных мероприятий, проводимых в порядке, предусмотренном действующим законодательством¹⁸.

Косвенным образом это подтверждается и судебными актами.

Так, в одном из апелляционных определений по делу по иску прокурора о признании фиктивной постановки иностранного гражданина на учет по месту пребывания суд указал, что «фиктивные сведения... были представлены Т. и носили заявительный характер, в силу которого орган УФМС должен был выполнить требования закона и совершить постановку иностранного гражданина на учет по месту пребывания»¹⁹. Тем самым подтверждается, что ответственность за подлинность соответствующих сведений для постановки на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства) возлагается исключительно на лиц, их представивших.

В этой части наши выводы подтверждаются и судебной практикой, которая идет по пути привлечения к уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет собственников (владельцев) жилых помещений, по месту жительства которых осуществляется учет иностранных граждан (лиц без гражданства). Что касается фиктивной постановки на миграционный учет по месту регистрации иностранного гражданина, то фактов привлечения их к уголовной ответственности по ст. 322² УК РФ нами выявлено не было²⁰.

Полагаем, это связано с тем, что совершение фиктивной постановки на миграционный учет в данной форме не будет широко распространенным нарушением. Поэтому считаем, что субъектом фиктивной постановки на миграционный учет по месту регистрации являются иностранные граждане (лица без гражданства), на которых законом возложена обязанность встать на миграционный учет по месту жительства (месту регистрации), в случае представления ими заведомо ложных (недостоверных) сведений (документов) относительно места их регистрации на территории РФ. Это могут быть, например, подложные договоры аренды жилого помещения, найма, ссуды и т. п.

Субъектами фиктивной постановки на миграционный учет по месту пребывания иностранных граждан (лиц без гражданства) выступают как иностранные граждане, так и граждане РФ, обладающие правом распоряжения жилым помещением на территории РФ. Это могут быть собственники, иные за-

конные владельцы жилых помещений (принимающая сторона), на которых законом возложена обязанность представления сведений о месте пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, но которые представили заведомо ложные (недостоверные) сведения (документы).

Совершение иных противоправных действий должностными лицами ФМС в виде неисполнения или ненадлежащего выполнения служебных обязанностей по осуществлению миграционного учета в зависимости от конкретных обстоятельств дела могут получать оценку в рамках должностных преступлений, предусмотренных ст. ст. 285, 286, 292 УК РФ.

5. Проблема применения основания освобождения от уголовной ответственности. Указанные нормы содержат идентичные примечания, устанавливающие условия освобождения от уголовной ответственности, следующего содержания: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

На наш взгляд, данное правило относительно перечисленных составов преступлений имеет крайне низкий правоприменительный потенциал. Трудно представить, какие действия необходимо совершить лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, с тем чтобы оно объективно могло каким-либо образом способствовать раскрытию преступления.

В этой части наши доводы подтверждаются и судебной практикой. Из изученных нами 587 судебных актов, вынесенных по фактам привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. ст. 322² и 322³ УК РФ, только в двух случаях решался вопрос об освобождении от уголовной ответственности по правилам примечаний к данным нормам. В одном случае лицо было освобождено от уголовной ответственности по ст. 322² УК РФ без указания в тексте постановления мотивов принятия такого решения²¹. В другом — постановление мирового судьи об освобождении от уголовной ответственности по ст. 322³ УК РФ было опротестовано прокурором. Отменяя постановление, суд апелляционной инстанции указал, что оно «является незаконным, в связи с неправильным применением судом... уголовного закона... суд не мог прекратить уголовное дело в соответствии с примечанием к ст. 322³ УК РФ, так как уголовное дело возбуждено... по сообщению о преступлении, зарегистрированном в КУСП № от... поступившем по постановлению прокурора Шпаковского района о направлении материалов проверки в орган предварительного расследования, для решения вопроса об уголовном преследовании, то есть в отношении

конкретного лица. В связи с этим признание подсудимой Манукян А. П. вины в инкриминируемом ей деянии нельзя расценивать как способствование раскрытию преступления»²².

Таким образом, в условиях очевидности рассматриваемых преступлений, когда исходная информация уже содержит данные о виновном и о совершенном им деянии, установление основания освобождения от уголовной ответственности в виде способствования раскрытию преступления является нелогичным.

Полагаем, такого рода правило об освобождении от уголовной ответственности целесообразно предусмотреть в норме, устанавливающей ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ), которая в настоящее время является общей по отношению к перечисленным составам. Отметим, что до включения в уголовное законодательство составов преступлений, закрепленных в ст. ст. 322² и 322³ УК РФ, действия по фиктивной постановке иностранных граждан (лиц без гражданства) на миграционный учет квалифицировались судебной практикой как организация незаконной миграции²³.

С появлением новелл суды не полностью отказались от квалификации данных деяний как организации незаконной миграции. Если соответствующие действия по фиктивной постановке иностранных граждан (лиц без гражданства) на миграционный учет есть часть общего преступного плана организованной группы, то судебная практика их расценивает как организацию незаконной миграции, совершенной организованной группой, и квалифицирует по п. «а» ч. 2 ст. 322¹ УК РФ²⁴.

Таким образом, рассматриваемые специальные основания освобождения от ответственности в ст. 322² и ст. 322³ УК РФ являются излишними. В то же время повысить эффективность борьбы с правонарушениями в миграционной сфере можно, установив специальное основание освобождения от уголовной ответственности в ст. 322¹ УК РФ для лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности за совершение данного преступления, которое часто совершается в составе преступной группы, активно способствующих его раскрытию и расследованию путем предоставления органам следствия информации о преступных схемах, связях и др.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51, ст. 6696.

² По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за полтора года существования норм к уголовной ответственности по ст. 322² УК РФ было привлечено 466 человек, по ст. 322³ УК РФ — 6086 человек.

³ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 : в ред. от 28 ноября 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию : постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ : в ред. от 28 ноября 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 : в ред. от 29 мая 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Пикуров Н. И. Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1988. 55 с. ; Бавсун М. В., Бавсун И. Г. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности со смешанной противоправностью // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 1(28). С. 8–11.

⁸ Постановление Красногвардейского районного суда Республики Крым от 20 октября 2015 г. по делу № 5-1126/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

⁹ См., напр.: Приговор Черноморского районного суда (Республика Крым) от 9 декабря 2015 г. по делу № 1-483/2015 // Там же.

¹⁰ См., напр.: Решение Березовского городского суда Кемеровской области от 14 декабря 2015 г. по административно-му делу № 12-143/2015 // Там же.

¹¹ См., напр.: Решение Сызранского городского суда Самарской области от 6 ноября 2015 г. по делу № 12-419/2015 // Там же.

¹² Апелляционное постановление Максатихинского районного суда Тверской области от 30 ноября 2015 г. № 10-2/2015 // Там же.

¹³ Бавсун М. В., Бавсун И. Г. Указ. соч. С. 9.

¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2. С. 588–589.

¹⁵ Лейба А. Анализ изменений законодательства РФ, направленного на борьбу с «резиновыми квартирами» // Жилищное право. 2014. № 3. С. 7–18 ; Герасимова Е. В., Зайков Н. В. Привлечение иностранных должностных лиц и должностных лиц международных организаций к уголовной ответственности за коррупционные преступления // Наука и мир. 2014. № 7. С. 64.

¹⁶ Петрова И. А. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2(59). С. 141.

¹⁷ Кык А. А. Преступления против порядка регистрационного учета в Уголовном кодексе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 198.

¹⁸ Об утверждении Административного регламента по исполнению Федеральной миграционной службой, ее территориальными органами и органами внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников : приказ ФМС России, МВД России от 31 июля 2015 г. № 367/807 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2016).

¹⁹ Апелляционное определение от 17 декабря 2014 г. № 33-10773/2014 по делу № 33-10773/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

²⁰ Как правило, к уголовной ответственности по ст. 322² УК РФ привлекаются граждане РФ за фиктивную регистра-

цию гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства.

²¹ Постановление Армянского городского суда Республики Крым от 23 октября 2015 г. № 1-190/2015 по делу № 1-190/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

²² Приговор Шпаковского районного суда (Ставропольский край) от 5 ноября 2014 г. по делу № 10-39/2014 // Там же.

²³ Об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции : постановление Московского городского суда от 8 сентября 2014 г. № 4у/7-5368/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ См., напр.: Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 13 января 2016 г. по делу № 1-40/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

УДК 343.3/7 © С. А. Пичугин, А. М. Петров, 2017

Уголовная ответственность за побои: проблемы и перспективы в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ С. А. Пичугин, А. М. Петров

В статье проводится анализ проблем уголовной ответственности за нанесение побоев в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Сформулирован вывод о том, что ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ противоречит принципам уголовного законодательства и содержит потенциальную угрозу разрушения института семьи и нарушения прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, побои, близкие лица, декриминализация.

3 июля 2016 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Федеральный закон № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (далее — Закон № 323)¹. Началом действия данного Закона является 15 июля 2016 г.

Согласно п. 4 ст. 1 Закона № 323 ст. 116 УК РФ изложена в новой редакции: уголовно наказуемым стало нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам по-

литической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данное деяние наказывается обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Статья 116 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ вместо двух частей теперь состоит из одной части и примечания, в котором законодатель дал определение понятия «близкие лица», используемого в тексте диспозиции ана-

лизируемой статьи. К указанной категории в ст. 116 УК РФ отнесены близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное данной статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

Фактически в действующей редакции уголовного закона преступным признается только дополненное альтернативным криминообразующим признаком потерпевшего деяние, которое предусматривалось ч. 2 ст. 116 УК РФ. Законодатель не затронул объективной стороны самого деяния, изменениям подвергся круг потерпевших от данного деяния, а также субъекты указанного преступления. Деяние, предусматривавшееся ч. 1 ст. 116 УК РФ, декриминализовано и отнесено к числу административных правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП РФ).

Санкция ст. 116 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ полностью заимствована законодателем из санкции ранее действовавшей ч. 2 ст. 116 УК РФ.

Кроме того, УК РФ дополнен ст. 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». В ней устанавливается ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, которые указаны в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления по ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. За деяние, предусмотренное ст. 116¹ УК РФ, установлено наказание в виде штрафа в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательных работ на срок до двухсот сорока часов, либо исправительных работ на срок до шести месяцев, либо ареста на срок до трех месяцев.

Как видим, разница между ст. ст. 116 и 116¹ УК РФ заключается в субъекте составов преступлений, а также в отсутствии в ст. 116¹ УК РФ некоторых обязательных для ст. 116 УК РФ признаков состава преступления (потерпевшего и мотива, указанных в ст. 116 УК РФ). Субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ, является лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, т. е. за совершение административного правонарушения, описанного в ст. 6.1.1 КоАП РФ. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым этому наказанию со дня вступления

в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Таким образом, субъектом состава преступления по ст. 116¹ УК РФ является лицо, подвергнутое административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, до истечения одного года со дня вступления в законную силу постановления о назначении указанного административного наказания.

Важно и то, что в соответствии со ст. 2 Закона № 323 законодатель перевел уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116 УК РФ, в категорию дел частного-публичного обвинения (а не частного, как было ранее). Тем самым уголовные дела о побоях, как и ранее, могут быть возбуждены по заявлению потерпевшего, но прекращению за примирением с потерпевшим теперь не подлежат (в отличие от имевшейся ранее практики, когда большинство уголовных дел о побоях, совершенных, например, одним супругом в отношении другого, прекращались за примирением сторон).

Норма об ответственности за побои имеет важное превентивное значение, так как ее практическое применение позволяет не допустить совершения обладающих более высокой степенью общественной опасности преступлений против жизни и здоровья. В связи с этим ст. 116 УК РФ справедливо можно отнести к нормам с двойной превенцией. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. по ч. 1 ст. 116 УК РФ судами общей юрисдикции осуждено 16 198 человек². Несомненно, декриминализация общественно опасного деяния, которое было предусмотрено ч. 1 ст. 116 УК РФ, приведет к росту побоев уже как административных правонарушений.

С учетом этого отдельные изменения, внесенные Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в ст. 116 УК РФ, вызывают недоумение. Следует отметить, что подготовленный и внесенный Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ 14 декабря 2015 г. законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»³, получивший в Государственной Думе РФ официальный № 953369-6⁴ (далее — законопроект № 953369-6) и ставший в итоге основой Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, предполагал декриминализацию ряда деяний, не представляющих большой общественной опасности, в том числе побоев, совершенных впервые.

Однако при работе над законопроектом № 953369-6 в Государственной Думе РФ его текст был существенно изменен поправками⁵. Прежде всего речь идет о включении в диспозицию ст. 116 УК РФ указания на близких лиц как специальных потерпевших (проект, подготовленный Верховным Судом РФ, не содержал ничего подобного). В результате новая редакция ст. 116 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, в том числе и для родителей, в воспитательных целях наказавших своего непослушного ребенка и причинивших ему физическую боль. Ранее действовавшая редакция ст. 116 УК РФ такой меры именно в отношении родителей не предусматривала (наказание до двух лет лишения свободы назначалось только при наличии квалифицирующих признаков).

В связи с этим еще на стадии рассмотрения в Государственной Думе РФ законопроект был подвергнут резкой критике. Как отмечает представитель международной неправительственной организации CitizenGO П. Парфентьев, указанный «закон, бесосновательно ограничивающий права родителей в воспитании детей... в народе уже прозвали „законом о запрете воспитания“»⁶.

Однако, несмотря на указанные возражения, 21 июня 2016 г. Государственной Думой РФ законопроект № 953369-6 был принят в третьем чтении.

На фоне попыток ряда членов Совета Федерации РФ (например, Е. Б. Мизулиной) воспрепятствовать дальнейшему движению законопроекта и тем самым защитить интересы семьи, обращений в Совет Федерации РФ и к Президенту РФ, требующих отклонить закон и направить его на доработку, исключив уголовное преследование родителей за применение физического наказания при воспитании детей (под обращениями подписалось более 15 000 человек), Совет Федерации РФ 29 июня 2016 г. одобрил этот закон и направил его на подпись Президенту РФ.

2 июля 2016 г. с официальным заявлением по поводу новой редакции ст. 116 УК РФ выступила Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства Русской Православной Церкви, указав следующее: «Патриаршая комиссия считает, что эта норма не имеет нравственных оправданий и юридических оснований, по своему содержанию направлена против семьи и принятого в российской культуре понимания прав родителей, дискриминационна, противоречит основным принципам здоровой государственной семейной политики и не учитывает традиционные семейные и нравственные ценности российского общества. Ее практическое применение принесет обществу и его нравственной жизни значительно больше вреда, чем пользы»⁷.

Как отмечается в указанном заявлении Патриаршей комиссии, введение в действие новой редакции ст. 116 УК РФ «может привести к уголовному преследованию добросовестных родителей (с наложением наказания до двух лет лишения свободы) за любое, даже умеренное и разумное использование физических наказаний в воспитании детей. При этом, как следует из текста закона, посторонние люди за такие же действия в отношении ребенка уголовной ответственности нести не будут»⁸.

Таким образом, Русская Православная Церковь в лице Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства выступает категорически против уголовного преследования родителей за разумное и умеренное применение физических наказаний в семейном воспитании.

Бывший Уполномоченный по правам ребенка в РФ П. А. Астахов так оценил новую редакцию ст. 116 УК РФ: «Такой подход криминологически не обоснован, а логически — просто абсурден... Принятые законодательные изменения носят дискриминационный характер по отношению к членам семьи и противоречат основным задачам государственной семейной политики, направленной на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества и авторитета родительства»⁹.

Новая редакция ст. 116 УК РФ и ст. 20 УПК РФ грубо нарушает и Стратегию национальной безопасности, согласно пп. 76, 78 которой защита семьи и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесены к «стратегическим целям обеспечения национальной безопасности»¹⁰.

В настоящее время сложилась следующая ситуация. До двух лет лишения свободы грозит родителям и некоторым родственникам, например, за нанесение несильного удара по телу своего непослушного ребенка, если при этом не был причинен вред его здоровью. Посторонний человек, не относящийся к категории близких родственников согласно примечанию к ст. 116 УК РФ (например, сосед), за нанесение такого же удара тому же ребенку подлежит только административной ответственности. Интересно, что с учетом содержания указанного примечания административной ответственности за побои будут подлежать, например, родная тетья или родной дядя ребенка, но супруги родной тети или родного дяди ребенка за те же действия подлежат уголовной ответственности, так как состоят в свойстве с потерпевшим. Очевидно, что в данном случае нарушены положения уголовного закона о принципе справедливости (ст. 6 УК РФ), так как при одинаковом ха-

¹² О проекте федерального закона № 1137251-6 «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункт 4 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответ-

ственности» : решение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 1 августа 2016 г. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1137251-6&02> (дата обращения: 02.10.2016).

УДК 343 © К. В. Дядюн, 2017

Анализ обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в ракурсе охраны репродуктивной сферы

К. В. Дядюн

Автор анализирует проблемы толкования и применения нормы об обстоятельствах, закрепленных в ст. ст. 61, 63 УК РФ, которые обусловлены репродуктивными факторами. В статье представлен сравнительный анализ законодательного подхода стран СНГ к исследуемой области. Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию УК РФ в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, репродуктивная сфера, несовершеннолетие виновного, наличие малолетних детей, беременность, специальный субъект.

В соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Однако соответствующая формулировка затрагивает в основном исключительно медицинскую сторону. В сфере же уголовно-правовой политики данный вопрос необоснованно проигнорирован.

Термин «репродуктивная сфера» можно рассматривать в узком и широком смысле. В узком понимании — это исключительно медицинская трактовка, связанная с вопросами деторождения и сопутствующими факторами (искусственное прерывание беременности, искусственное оплодотворение, медицинская помощь при бесплодии и т. п.). Однако даже в указанном ракурсе содержание данного понятия неоднозначно, так как единообразное толкование отсутствует. Существуют различные вариации относительно названия и содержания: «репродуктивное здоровье», «репродуктивные права» и т. д. Соответственно, содержательный компонент категории «репродуктивная сфера» варьируется в пределах от процессов, обуславливающих исключительно воспроизводство человека, до прав, методов, способов и услуг, сопутствующих и способствующих обеспечению государственной политики в области надлежущей охраны материнства и детства¹.

С учетом специфики уголовно-правовой сферы представляется целесообразным трактовать термин «репродуктивная сфера» в широком смысле, с учетом медицинских и уголовно-правовых аспектов, как область, обеспечивающую право граждан на воспроизводство потомства и взаимосвязанных с ним процессов, посредством гуманизации наказания на основе соответствующих особенностей субъектов и регламентации специальных норм, предусматривающих ответственность за преступные посягательства, причиняющие вред обозначенным интересам.

В рамках заявленной темы считаем важным рассмотреть институт смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Во-первых, данный институт влияет на назначение справедливого и обоснованного наказания. Во-вторых, в нем присутствует ряд факторов, непосредственно связанных с репродуктивными интересами. Адекватное толкование и применение соответствующих обстоятельств — залог надлежущей охраны означенных интересов в частности и реализации уголовно-правовой политики государства в данной сфере в целом.

В широком понимании в институте обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, к обусловленным защитой репродуктивных интересов можно отнести не только обстоятельства, непосред-

ственно взаимосвязанные с процессом деторождения (беременность, совершение преступления в отношении заведомо беременной женщины), но и обстоятельства с сопутствующими факторами (обеспечением нормального развития малолетних детей).

Первое обстоятельство — несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Основанием для смягчения наказания является возрастной критерий лица, совершившего преступление, поскольку его нравственное развитие находится в стадии становления. В то же время М. А. Скрябин полагает, что в случае осуждения несовершеннолетнего за преступление, наказуемое лишением свободы на срок свыше 10 лет, ссылка на несовершеннолетие виновного как на смягчающее обстоятельство недопустима², так как по действующему УК РФ максимальный срок лишения свободы для несовершеннолетних ограничен 10 годами.

Действующий УК РФ содержит специальную главу, предусматривающую лояльное отношение к этой категории лиц. Часть 2 ст. 89 данной главы указывает на учет при назначении наказания несовершеннолетнего возраста как смягчающего обстоятельства. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 71 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» ориентирует суды на назначение наказания, не связанного с лишением свободы. Как свидетельствует практика, суды существенно снижают меры наказания несовершеннолетним, несмотря на тяжесть преступления³. Таким образом, наличие в ст. 61 УК РФ п. «б» представляется излишним и нецелесообразным. Во-первых, чрезмерный гуманизм в отношении виновного фактически игнорирует необходимость гуманного отношения к охраняемым интересам общества и государства. Во-вторых, отрицательно сказывается на достижениях целей уголовного наказания.

В рассмотренном случае чрезмерный гуманизм в отношении несовершеннолетнего преступника не элемент охраны интересов ребенка, а возможность безнаказанности, что чревато весьма негативными последствиями. В последнее время средства массовой информации изобилуют сообщениями о жестокости и цинизме подростков, которые часто совершают противоправные деяния именно в силу осведомленности о своем «привилегированном» положении. По данным Федеральной службы государственной статистики, в январе 2015 г. число преступлений, совершенных лицами, не достигшими 18 лет, составляло около 4000, в конце 2015 г. — почти 55 000⁴. За последние 10 лет число преступных деяний, совершенных несовершеннолетними или с участием несовершеннолетних, возросло на 5%⁵. Указанная статистика — наглядное доказательство нецелесообразности действующего за-

конодательного подхода. Примечательным в данном вопросе представляется Уголовный кодекс Республики Беларусь, где «несовершеннолетие виновного» отсутствует в перечне смягчающих наказание обстоятельств, однако есть специальный раздел, посвященный особенностям уголовной ответственности лиц, не достигших 18 лет. В таком ракурсе нивелируется возможность двойного учета одного и того же смягчающего обстоятельства, присутствующая в российском законодательстве. Следует отметить, что, по данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, преступность несовершеннолетних характеризуется постоянным спадом. В частности, за последние пять лет отмечается снижение преступных деяний, совершенных подростками, более чем на 7,5%⁶. Разумеется, в данном вопросе нельзя не учитывать несовершенство статистических данных, многообразие факторов, влияющих на соответствующие показатели, однако адекватный подход к регламентации ответственности указанной категории лиц (без «перегибов» в сторону неоправданного гуманизма или излишней суровости) имеет важное значение. Излишняя лояльность в отношении несовершеннолетних преступников демонстрирует не особую заботу государства, а, скорее, индифферентное отношение как в отношении защиты интересов законопослушных граждан, так и касательно формирования личности подростка, совершившего преступное деяние.

Далее рассмотрим обстоятельство, закрепленное п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ (беременность). В советских уголовных кодексах (1926, 1960 гг.) акцент был на учете состояния беременности именно в момент совершения преступного деяния. В указанной формулировке принимались во внимание психофизиологические особенности беременной женщины (появление повышенной нервозности, раздражительности, вспыльчивости и т. п.). Примечательно, что в большинстве стран СНГ это смягчающее обстоятельство сформулировано именно с акцентом на наличие состояния беременности в момент совершения преступления (Украина, Азербайджан, Киргизия, Беларусь, Узбекистан, Армения).

В научной литературе отсутствует единообразное мнение по данному вопросу. Так, Г. З. Анашкин определяющим считает само состояние беременности вне зависимости от его наличия (влияния) на момент совершения преступления⁷. М. Н. Становский придает значение возможности влияния данного состояния женщины на формирование мотивации⁸. Полагаем, что особое психофизиологическое состояние, обусловленное беременностью, может отразиться на совершении, например, насильственного преступления (побои, причинение вреда здоровью, убийство и т. п.), однако вряд ли существенно повлияет на совершение преступления в сфере неза-

конного оборота наркотиков (оружия). Не следует забывать также, что принципы гуманизма и справедливости в первую очередь направлены на соблюдение соответствующих требований в отношении потерпевшего, охраняемых интересов общества и государства, а уже затем на интересы виновного. Что касается охраны репродуктивной сферы, требования которой и обусловили создание рассматриваемого законодательного положения, вряд ли целесообразно снижать ответственность женщины, которая ведет аморальный образ жизни, злоупотребляет алкоголем, принимает наркотики, не заботится о будущем ребенке, а состояние беременности использует в целях смягчения наказания.

Еще одним заслуживающим внимания смягчающим обстоятельством является наличие малолетних детей у виновного (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Так, суды учитывают наличие у виновного и одного малолетнего ребенка. Подобная позиция обоснована с учетом открытого перечня обстоятельств, смягчающих наказание. Тем не менее единообразный правоприменительный подход в данной области отсутствует. Иногда суд смягчает наказание при наличии у осужденного на иждивении малолетнего ребенка⁹. В других случаях детально исследуются данные, свидетельствующие о выполнении виновным обязанностей родителя¹⁰. Таким образом, лицам, признанным виновными в совершении сопоставимых преступных деяний, может быть назначено различное наказание на основании того, что один из виновных предъявит документ о формальном наличии детей. Подобные ситуации вряд ли способствуют назначению справедливого и обоснованного наказания, ведут к нарушению принципов равенства, гуманизма и справедливости. Более того, предъявление формального подтверждения наличия малолетних детей в целях снижения меры наказания весьма негативно характеризует личность виновного лица.

Следует отметить, что в некоторых странах СНГ данное обстоятельство в перечне смягчающих вообще отсутствует (Украина, Киргизия, Беларусь, Молдова, Узбекистан). В силу открытости соответствующего перечня подобный фактор может быть учтен судом при назначении наказания, однако отдельно на нем внимание не акцентировано.

В других государствах СНГ при регламентации рассматриваемого обстоятельства указывается участие виновного в воспитании и содержании ребенка. Например, в УК Республики Беларусь анализируемое обстоятельство сформулировано следующим образом: «наличие на иждивении у виновного малолетнего ребенка» (п. 5 ст. 63). Статья 59 УК Азербайджана содержит формулировку «наличие на иждивении лиц, совершивших преступление, малолетних детей». Наиболее педантичной в рассматриваемом

вопросе представляется позиция законодателя Армении: «наличие на иждивении у виновного детей в возрасте до 14 лет в момент назначения наказания» (ст. 62 УК Армении).

Некоторые исследователи предлагают усовершенствовать действующую редакцию анализируемого положения следующим образом: «наличие у виновного на воспитании или иждивении малолетнего ребенка»¹¹.

На наш взгляд, возможна следующая формулировка: «наличие у виновного малолетнего ребенка при доказанности фактического участия в его воспитании и содержании». Предложенная редакция обяжет суд выяснять действительное участие виновного в воспитании и содержании его детей, не ограничиваясь констатацией самого факта их наличия, а также позволит смягчить меру наказания при наличии у виновного даже одного ребенка, не прибегая к помощи ч. 2 ст. 61 УК РФ. Указанные обстоятельства будут способствовать более полной реализации принципов уголовного права и надлежащей защите интересов материнства (отцовства) и детства.

Далее рассмотрим отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «привлечение к совершению преступления... лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность». На первый взгляд, учет данного обстоятельства в качестве отягчающего ответственность вполне обоснован. Однако при более детальном анализе возникает ряд противоречий.

Во-первых, представляется целесообразным указание на признак заведомости соответствующего фактора для виновного, как это сделано в ряде стран СНГ (Беларусь, Казахстан, Молдова). В противном случае инкриминирование рассматриваемого обстоятельства может нарушать принцип вины. Подросток может выглядеть развитым не по годам, а в отсутствие близкого знакомства виновный может не подозревать о действительном возрасте привлекаемого лица.

Во-вторых, сложности правоприменения могут быть обусловлены трактованием формулировки «лицо, не достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность». Уголовный закон предусматривает несколько видов указанной категории: общий минимальный возраст (16 лет: ч. 1 ст. 20 УК РФ), специальный минимальный (пониженный — 14 лет: ч. 2 ст. 20 УК РФ; повышенный относительно определенный: ч. 3 ст. 20 УК РФ). Таким образом, лицо, привлекающее несовершеннолетнего к совершению преступления, должно знать не просто о конкретном возрасте последнего, но также о возрасте, с которого наступает ответственность за определенное преступное деяние. Кроме того, нередки ситуации, когда сам гражданин не знает своего

истинного возраста, так как отсутствуют соответствующие документы. В подобных случаях затруднения возникают даже у специалистов, чего же можно требовать от среднестатистического гражданина.

С точки зрения обеспечения нормального развития несовершеннолетнего рассматриваемая формулировка весьма сомнительна. Вряд ли можно считать менее опасным, например, привлечение шестнадцатилетнего лица к участию в банде (ч. 2 ст. 209 УК РФ) по сравнению с совершением аналогичного деяния относительно пятнадцатилетнего лица (ответственность по указанному составу наступает с 16 лет). В приведенном примере более адекватным представляется использование термина «несовершеннолетний». Подобный подход присутствует в УК Молдовы, Армении. В некоторых государствах указан более конкретный термин — «малолетний» (Азербайджан, Киргизия, Беларусь, Украина) либо обобщающий соответствующую возрастную категорию — «малолетний или несовершеннолетний» (Таджикистан).

В-третьих, практическое применение рассматриваемого отягчающего обстоятельства весьма затруднительно в силу ограничения, установленного ч. 2 ст. 63 УК РФ: невозможность повторного учета при наличии в качестве признака преступления соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Здесь следует вспомнить ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», которая должна применяться во всех случаях осуществления данного деяния. Соответственно, любое вовлечение несовершеннолетнего лица в преступное деяние (признак конкретного состава) — привлечение лица, не достигшего возраста наступления уголовной ответственности (отягчающее обстоятельство), т. е. в силу непродуманности действующего законодательного подхода применение анализируемого отягчающего обстоятельства практически невозможно.

Далее рассмотрим обстоятельство, установленное в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего».

Применение данного отягчающего обстоятельства на практике также весьма затруднительно в силу того же ограничения ч. 2 ст. 63 УК РФ. Все возможные вариации преступных деяний в отношении указанной категории лиц предусмотрены в рамках квалифицированных составов норм Особенной части УК РФ, т. е. применение рассматриваемого отягчающего обстоятельства — повторный учет, запрещенный вышеозначенным положением. Соответственно, насколько бы жестоким ни было совершенное в отношении беременной женщины или малолетнего преступление, на ужесточении наказания это отразить невозможно. Следует отметить, что такая непродуманность присутствует

и в уголовном законодательстве других стран СНГ. Выходом видится придание перечню отягчающих наказаний обстоятельств открытого характера.

Даже без учета изложенной проблемы существующий подход к рассматриваемому институту представляется необоснованным. Если открытость перечня смягчающих обстоятельств обусловлена необходимостью максимального учета факторов, понижающих общественную опасность, почему не установить аналогичный подход к обстоятельствам, повышающим степень общественной опасности деяния и виновного лица. Кроме того, считаем обоснованной законодательную регламентацию возможности учета степени выраженности конкретного обстоятельства, что позволит ужесточать наказание даже в случаях, когда определенное обстоятельство предусмотрено конкретной статьей Особенной части УК РФ, с учетом отражения характера вреда на размере ответственности. На сегодняшний день в уголовном законе присутствует по сути нерабочее положение, декларирующее заботу государства об охране материнства и детства, которое по факту не может быть реализовано.

Наконец, рассмотрим относительно новое отягчающее обстоятельство — «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогическим... другим работником, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним» (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

В данном случае практическая реализация задач, обусловивших создание рассматриваемого обстоятельства, весьма затруднительна. Во-первых, действующий уголовный закон не содержит специальной нормы о влиянии на меру и пределы наказания обстоятельств, отягчающих наказание (в отличие от смягчающих), т. е. de-facto и de-jure ужесточение ответственности при наличии отягчающих факторов отдано на полное усмотрение судьи. Во-вторых, УК РФ устанавливает предпочтение смягчающим обстоятельствам — при наличии последних отягчающие не учитываются.

Несомненно, совершение преступления указанным в рассматриваемой норме субъектом обладает повышенной степенью общественной опасности и требует назначения более жесткого наказания, однако введение соответствующего пункта в ч. 1 ст. 63 УК РФ никак этого не гарантирует. Для обеспечения охраны интересов несовершеннолетних целесообразным видится дополнение составов статей Особенной части УК РФ квалифицирующим признаком соответствующего содержания.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие основные выводы:

- 1) пункт «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ исключить;
- 2) пункт «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ изложить в следующей редакции: «совершение преступления женщиной в состоянии беременности»;
- 3) пункт «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ изложить в новой редакции: «наличие у виновного малолетнего ребенка при доказанности фактического участия в его воспитании и содержании»;
- 4) изменить редакцию п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ на: «привлечение к совершению преступления... заведомо несовершеннолетнего»;
- 5) установить открытый перечень отягчающих наказание обстоятельств;
- 6) закрепить возможность учета степени выраженности конкретного обстоятельства при избрании меры наказания;
- 7) совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем, близким родственником, педагогом, иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию, закрепить в качестве квалифицирующего признака соответствующих составов.

Защита репродуктивных прав и интересов не должна быть просто декларативной, состоящей из красивых, но нерабочих положений, ее реализация должна быть продуманной, адекватной и обоснованной. Только при таком понимании возможно развитие гражданского общества и укрепление настоящего правового государства.

¹ См., напр.: *Международная конференция по народонаселению и развитию* // Материалы международных конференций / под ред. В. А. Тишкова. М., 1997. С. 23–24; *Проект Федерального закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления»*. URL: www.garant.ru (дата обращения: 27.04.2013); *Медицинская энциклопедия* / под ред. В. И. Покровского. М., 1998. С. 408.

² *Скрябин М. А.* Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1998. С. 43.

³ *Буланов А. Ю.* Роль смягчающих обстоятельств при квалификации преступления и назначении наказания. М., 2005. С. 55; *Попов А. П.* Преступление против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 73; *Андрюхин Н. Г.* Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 22.

⁴ *Федеральная служба государственной статистики*: официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 02.02.2016).

⁵ *МВД России*: официальный сайт. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 02.02.2016).

⁶ *Генеральная прокуратура Республики Беларусь*: официальный сайт. URL: <http://prokuratura.gov.by/ru/main.aspx?guid=10546#doc> (дата обращения: 02.02.2016).

⁷ *Анашкин Г. З.* Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Сов. юстиция. 1980. № 16. С. 23.

⁸ *Становский М. Н.* Назначение наказания. СПб., 1999. С. 209.

⁹ *Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 815-ПО6 по делу Киреева* // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 10. С. 13–14.

¹⁰ *Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 345-ПО6 по делу Бобрикова* // Там же. № 8. С. 17.

¹¹ *Мясников О. А.* Индивидуализация наказания с учетом смягчающих обстоятельств // Рос. юстиция. 2002. № 9. С. 61; *Буланов А. Ю.* Указ. соч. С. 59.

УДК 343.126.7 © Ю. Г. Овчинников, 2017

Порядок осуществления контроля над исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста

Ю. Г. Овчинников

Анализируется новый межведомственный нормативный акт, регулирующий механизм осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений. В части осуществления контроля акцентируется внимание на моментах, которые напрямую относятся к органам предварительного расследования. Затрагиваются отдельные недостатки в содержании данного документа, связанные с пониманием информирования, установлением его срока и формы.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, контроль, уголовно-исполнительная инспекция, органы предварительного расследования.

Мера пресечения в виде домашнего ареста с момента появления ее в УПК РФ (ст. 107) находится под пристальным вниманием исследователей, занимаю-

щихся проблемами мер уголовно-процессуального принуждения. Одним из острых вопросов реализации домашнего ареста является четко урегулирован-

ный процессуальный механизм контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) этой меры.

Действующий уголовно-процессуальный закон в первой редакции данной процедуры должного внимания не уделил. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»¹, на который правоприменители возлагали большие надежды, также в полной мере не решил обозначенной проблемы. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ внес значительные дополнения в норму ст. 107 УПК РФ², дав ей «второе рождение». Так, определен орган, обязанный осуществлять контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого). Им в настоящее время является уголовно-исполнительная инспекция, которая входит в систему территориальных органов Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации³.

Несмотря на явные положительные сдвиги в реализации домашнего ареста, детально закрепленный механизм контроля как на законодательном, так и на ведомственном уровне по-прежнему отсутствовал⁴.

Вопрос о содержании нормативного акта, в котором подробно будет «прописан» механизм контроля за исполнением домашнего ареста, в первые годы реализации УПК РФ в силу своей важности неоднократно был предметом обсуждения учеными-процессуалистами на страницах юридической печати. Одни ученые считали, что такую процедуру следует установить ведомственными инструкциями МВД, Генеральной прокуратуры либо иных правоохранительных органов⁵. Другие исследователи полагали, что вопросы применения домашнего ареста необходимо решать на законодательном уровне по аналогии с заключением под стражу, порядок которого определяется Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». На наш взгляд, следует разработать и принять Федеральный закон «О домашнем аресте», в котором четко закрепить правила и порядок его исполнения⁶.

Нельзя отрицать тот факт, что количество случаев избрания домашнего ареста на территории России с каждым годом заметно увеличивается⁷, и для органов, вовлеченных в процедуру применения рассматриваемой меры, не должно оставаться «белых пятен», чтобы не толковать те или иные положения двояко, а тем более не применять разнообразные методы контроля на местах.

Таким образом, спустя 15 лет с момента принятия УПК РФ, между Министерством юстиции РФ и ведомствами, имеющими следственные органы (Министерство внутренних дел РФ, Следственный комитет РФ, Федеральная служба безопасности РФ и Федеральная

служба РФ по контролю за оборотом наркотиков⁸), приказом от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 был утвержден Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений (далее — Порядок)⁹.

Долгожданный межведомственный нормативный акт подобного типа на платформе отечественного законодательства появился впервые. Он создан в целях организации работы уголовно-исполнительных инспекций по исполнению меры пресечения в виде домашнего ареста. Структура Порядка состоит из 7 разделов, 40 пунктов и 25 приложений.

Не преследуя цели в настоящей работе охарактеризовать данный документ в полном объеме, поскольку он в доминирующей части относится именно к уголовно-исполнительным инспекциям, автор акцентирует свое внимание лишь на тех моментах, которые *напрямую относятся к органам предварительного расследования*, т. е. к дознавателям и следователям, в части рассматриваемого вопроса.

Сразу подчеркнем, в общих положениях четко прописано, что в рамках осуществления обозначенного контроля уголовно-исполнительная инспекция (далее — Инспекция) обязана взаимодействовать с органами предварительного расследования (п. 2). Только на основе принципа взаимодействия между данными органами будет успешно реализовываться механизм контроля.

Анализ рассматриваемого нормативного акта позволяет прийти к умозаключению, что инициатива взаимодействия исходит как от органов предварительного расследования, так и от Инспекции.

Итак, реализуя данный принцип, *должностное лицо органа, в производстве которого находится уголовное дело*, выполняет следующие мероприятия:

1. Информировать Инспекцию о предстоящем судебном заседании по рассмотрению вопроса об избрании домашнего ареста (п. 4). Следует заметить, что документ не закрепляет, каким образом происходит информирование. Применяя аналогию отдельных пунктов Порядка (пп. 19, 23, 24, 32), полагаем, что такое извещение допустимо путем использования средств телефонной связи.

2. Подготавливает материалы, необходимые для осуществления контроля за нахождением лица, в отношении которого судом избрана рассматриваемая мера пресечения (далее — подозреваемый или обвиняемый). К таковым документам относятся (п. 5):

2.1. Справка по уголовному делу, которая включает в себя:

- а) информацию о совершенном преступлении;
- б) контактную информацию о защитнике подозреваемого;

в) информацию о нахождении подозреваемого на диспансерном наблюдении в медицинских организациях;

г) контактные телефоны следователя (дознавателя), в производстве которого находится уголовное дело;

д) сведения о лицах, на общение с которыми подозреваемому судом наложены запреты и (или) ограничения.

2.2. Копия паспорта подозреваемого или иного документа, удостоверяющего его личность.

2.3. Справка о наличии или изъятии паспорта или иного документа, по которому граждане России осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию (заграничный паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт)¹⁰.

Перечисленные документы направляются следователем или дознавателем, в производстве которого находится уголовное дело (далее — следователь), в Инспекцию в течение 24 часов с момента вынесения постановления суда об избрании в отношении подозреваемого домашнего ареста. Если в обозначенных документах впоследствии изменились какие-либо сведения, то следователь в тот же срок информирует Инспекцию о данном факте. О поступлении указанных документов Инспекция в ответ информирует следственные органы (*каким образом и в какой срок, нормативный акт не устанавливает*) (п. 6).

В случае обнаружения Инспекцией наличия у подозреваемого паспорта, по которому граждане России осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию (заграничный паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт), она направляет *сообщение* следователю¹¹, в котором запрашивает информацию об изъятии паспорта у подозреваемого. Рекомендуемый образец сообщения предусмотрен в приложении № 8 (п. 14). При этом *нормативный акт не предусматривает срок направления сообщения. В случае обнаружения такого паспорта сообщение необходимо направлять незамедлительно.*

3. После утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) следователь (дознаватель) в течение 24 часов уведомляет об этом Инспекцию (*незамедлительно, путем использования средств телефонной связи*) (п. 5).

4. Следователь имеет право послать запрос в Инспекцию, связанный с осуществлением контроля. Последняя в течение 24 часов обязана предоставить информацию по существу запроса (п. 17). *Считаем, что ответ на запрос, в случае соблюдения ограничений и запретов подозреваемым, должен быть лаконичным, но представленным в письменной форме.*

5. В нормативном акте прописана организация доставки подозреваемого в следственные органы (п. 32).

В следственные органы и в место исполнения меры пресечения подозреваемый доставляется транспортным средством Инспекции (территориального органа ФСИН России). Так, для доставки лица следователю последний не позднее чем за трое суток направляет в Инспекцию поручение о доставке лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, в орган дознания или следственный орган (приложение № 23). В исключительных случаях, не терпящих отлагательства, обусловленных необходимостью проведения следственных действий, по поручению следователя, согласованному с руководителем следственного органа (начальником органа дознания), доставка лица осуществляется в сокращенный срок — в срок, согласованный с инициатором доставки. После доставки подозреваемого следователь делает отметку в поручении, которое приобщается к личному делу подозреваемого.

При *невозможности осуществления доставки* в установленные в поручении сроки Инспекция незамедлительно информирует об этом следователя с использованием средств телефонной связи, затем в течение 24 часов — в письменном виде с указанием препятствующих ей обстоятельств и возможного срока исполнения поручения. При невозможности осуществить доставку подозреваемого (в связи с его отсутствием по месту исполнения данной меры пресечения, его госпитализацией или по другим уважительным причинам) сотрудник Инспекции, ответственный за доставку, незамедлительно уведомляет об этом инициатора доставки с использованием средств телефонной связи, затем в течение 24 часов — в письменном виде. *В данных случаях документ не предусматривает письменной формы уведомления инициатора, поэтому, применяя аналогию п. 19, такую информацию необходимо облекать в форму сообщения (приложение № 14).*

Если нужно доставить подозреваемого для его участия в следственных действиях в рамках других уголовных дел, по которым в отношении него не избирался домашний арест, то доставка осуществляется Инспекцией с согласия следователя, в производстве которого находится уголовное дело в отношении лица, которому избрана мера пресечения.

В рамках осуществления контроля за нахождением подозреваемого в месте исполнения домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений Инспекция выполняет следующие мероприятия:

1. В случае госпитализации подозреваемого Инспекция в течение 24 часов уведомляет следователя (п. 16).

2. При установлении факта нарушения подозреваемым условий исполнения домашнего ареста на стадии предварительного расследования Инспекция,

взаимодействуя со следственными органами, осуществляет:

2.1) в течение 2 часов, в устной форме, с использованием средств телефонной связи, информирует следователя, а в его отсутствие — руководителя следственного органа (начальника органа дознания, начальника подразделения дознания);

2.2) в течение 24 часов, в письменной форме, уведомляет следователя (рекомендуемый образец уведомления предусмотрен в приложении № 12). При получении такого уведомления следователь рассматривает вопрос о подаче в суд ходатайства об изменении меры пресечения (пп. 19, 22).

3. Если место нахождения подозреваемого неизвестно, Инспекция в течение 2 часов с момента установления данного факта информирует следователя, а в его отсутствие — руководителя следственного органа (начальника органа дознания, начальника подразделения дознания) для организации розыскных мероприятий. Уведомление в данном случае предусматривается как в устной форме, с использованием средств телефонной связи, так и в письменной форме — в виде сообщения (рекомендуемый образец предусмотрен в приложении № 14) (п. 19).

4. Если подозреваемый отказывается от использования в отношении него аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или не согласен на установку устройства аудиовизуального контроля в месте исполнения меры пресечения, в том числе с использованием средств телефонной связи (далее — технические средства контроля), а также если не согласны лица, проживающие совместно с ним в качестве собственников или нанимателей либо на иных законных основаниях, на установку устройства аудиовизуального контроля в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, Инспекция в течение 2 часов с момента отказа информирует следователя (*видимо, в устной форме, путем использования средств телефонной связи*), затем в течение 24 часов с момента отказа от использования технических средств контроля направляет письменную информацию следователю об этом (п. 23). *Процессуальной формы «письменной информации» по данному факту Порядок не предусматривает, поэтому, применяя аналогию п. 19, считаем, что такую информацию необходимо облекать в форму сообщения* (приложение № 14).

5. При невозможности дальнейшего использования в отношении подозреваемого технических средств контроля, а также при получении информации о факте повреждения, уничтожения, нарушения целостности и иных действиях, направленных на нарушение функционирования применяемых к подозреваемому технических средств контроля, Инспекция в течение 2 часов с использованием средств

телефонной связи информирует о данном факте следственные органы с указанием соответствующих причин (п. 24).

6. Не позднее чем за 10 суток до истечения срока исполнения домашнего ареста (если окончание срока приходится на нерабочий день, то за десять суток до дня, предшествующего нерабочему дню) начальник Инспекции или лицо, его замещающее, обязан уведомить о данном факте следователя (п. 35). *Форма уведомления в таком случае не прописана. Полагаем, что в целях оперативности она должна быть устной, путем использования средств телефонной связи.*

Таким образом, считаем, что принятый межведомственный нормативный акт необходимо оценивать исключительно как положительный шаг в организаторской деятельности органов предварительного расследования и уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России в части процедуры осуществления контроля по исполнению домашнего ареста.

При более детальном анализе Порядка усматриваются отдельные недостатки в его содержании, связанные с пониманием информирования, установлением его срока или его формы. Например, уведомление Инспекцией следователя о предстоящем судебном заседании (п. 4) или изменении отдельных данных по уголовному делу (п. 6); установление срока направления сообщения следователю в случае обнаружения загранпаспорта (п. 14); закрепление формы ответа на запрос следователя, связанный с осуществлением контроля (п. 17), а также формы уведомления следователя в случае отказа подозреваемого от использования технических средств контроля (п. 23), при невозможности осуществления доставки подозреваемого (п. 32), об истечении срока исполнения домашнего ареста (п. 35).

Выходом из сложившейся ситуации видится применение аналогии отдельных пунктов рассматриваемого нормативного акта (пп. 19, 23, 24, 32). Полагаем, что извещение в устной форме допустимо применять путем использования средств телефонной связи, а письменную информацию необходимо облекать в форму сообщения (по аналогии с приложением № 14).

¹ О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 // Рос. газета. 2009. 11 нояб.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Там же. 2011. 9 дек.

³ Об утверждении типовых структуры и штатного расписания уголовно-исполнительной инспекции : приказ ФСИН

России от 23 января 2012 г. № 24 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 16.

⁴ Овчинников Ю. Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Рос. следователь. 2014. № 16. С. 51–55.

⁵ См., напр.: Булатов Б. Б., Николюк В. В. Проблемы совершенствования законодательства о мерах уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2003. С. 58; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Б. Т. Безлепкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 150; Герасимов С. И., Коротков А. П., Тимофеев А. В. 400 ответов по применению УПК РФ: комментарий к УПК РФ. М., 2002. С. 56; Быков В. М., Лисков Д. А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Рос. следователь. 2004. № 4. С. 14; и др.

⁶ Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 160; Кабилова С. А., Заман Ш. Х. Домашний арест как мера пресечения в отечественном и зарубежном законодательстве // Рос. следователь. 2004. № 2. С. 48; Руденко С. В. Домашний арест введен — что дальше? // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3–4. С. 258; Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. М., 2006. С. 139, 145; Деришев Ю. В., Овчинников Ю. Г. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий. Омск, 2012. С. 151; и др.

⁷ По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2004 г. судом было удовлетворено 838 ходатайств об избрании домашнего ареста на территории России, в 2005 г. — 518, 2006 г. — 829, 2007 г. — 205, 2008 г. — 88, 2009 г. — 146, 2010 г. — 668, 2011 г. — 1346, 2012 г. — 2714, 2013 г. — 3086, 2014 г. — 3333, 2015 г. — 4676. URL: [сти федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014–2015 гг. / Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014–2015 гг. / Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб \(по числу лиц\) \(дата обращения: 20.04.2016\).](http://www.cdep.ru/Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ/Судебная статистика/Данные судебной статистики/Сводные статистические сведения о деятельно-</p></div><div data-bbox=)

⁸ Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков упразднена Указом Президента от 5 апреля 2016 г. № 156 (пп. 1, 2). Их функции и полномочия переданы МВД России (О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15, ст. 2071).

⁹ Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: утв. приказом Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2016).

¹⁰ Статья 7 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (Рос. газета. 1996. 22 авг.).

¹¹ Изъятие паспорта (паспортов) гражданина Российской Федерации осуществляется также судом, следственными органами Следственного комитета РФ, ОВД, федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, и его территориальными органами, пограничными органами ФСБ и таможенными органами, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Российской Федерации (ст. 18 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

УДК 343.985.7 © С. В. Пропастин, 2017

Модульная система формирования обстоятельств, подлежащих установлению по интернет-преступлениям С. В. Пропастин

Выделяются закономерности механизма интернет-преступлений и демонстрируются возможности оптимизации процесса расследования с их помощью. Предлагаются модули, каждый из которых включает перечень типовых обстоятельств, значимых для уголовно-правовой квалификации и методики расследования названных преступлений. Наложение этих модулей на конкретное преступление позволяет сформировать перечень обстоятельств, отражающих специфику применения интернет-технологий при совершении конкретного преступления.

Ключевые слова: интернет-преступления, расследование, интернет-технология, закономерности.

Современный этап развития отечественной криминалистики предполагает освоение новых информационных технологий, связанных с работой в ки-

берпространстве¹. Расследование преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, предполагает наличие у следователя способности

фиксировать сведения о механизме данных преступлений. Эти сведения отражают обстоятельства, значимые как для уголовно-правовой квалификации, так и для повышения эффективности расследования. Изучение практики свидетельствует о том, что интернет-преступления по своему механизму разнообразны и постоянно развиваются: неправомерный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет, ГИТС) с использованием идентификационных данных легального пользователя, сканирование сети Интернет и последующее подключение к портам персонального компьютера потерпевшего, размещение в файлообменной сети информации порнографического содержания и т. д. Поэтому правоприменителю приходится каждый раз глубоко вникать в суть процессов, протекающих в связи с совершением интернет-преступления, в том числе отношения между их участниками. Данное обстоятельство оказывает отрицательное влияние на своевременность и качество деятельности следователя.

По нашему мнению, расследование конкретного уголовного дела должно быть построено с учетом закономерностей механизма интернет-преступлений. На основе указанных закономерностей нами выделены модули. Каждый модуль включает обстоятельства, представляющие интерес для уголовно-правовой квалификации и методики расследования интернет-преступлений. Следователю достаточно отнести то или иное преступное событие к определенному модулю, и он получает перечень обстоятельств по делу.

Закономерность представляет собой объективную упорядоченность явлений, то, что мир представляет собой не хаос и чисто случайное скопление предметов, но совокупность взаимодействующих друг с другом вполне определенным и упорядоченным образом систем². Внимательный взгляд на механизм интернет-преступлений дает нам возможность выделить как минимум три закономерности.

1. Взаимная связь подозреваемого, иных лиц и объектов в ходе протекания преступного события становится возможной на основе взаимодействия стандартных сетевых программных и (или) аппаратных объектов, отражающих технический характер функционирования глобальной информационно-телекоммуникационной сети.

Модель взаимодействия открытых систем (OSI) определяет различные уровни взаимодействия систем, устанавливает для них стандартные имена и указывает выполняемые ими функции. При реализации сетей используются стандартные протоколы, которые позволяют программному и аппаратному обеспечению нормально взаимодействовать между собой³. Базовым протоколом, положенным в основу

интернет-технологии, является IP-протокол. С помощью этого протокола организовано циркулирование информации в сети Интернет, реализуемое путем взаимодействия стандартных программных и (или) аппаратных объектов между собой. Данное взаимодействие имеет технический характер. Использование такого взаимодействия в ходе совершения интернет-преступления реализует связь между подозреваемым и иными лицами, а также объектами.

2. Следовой контакт в механизме преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, присутствует на двух уровнях ГИТС (служебном и пользовательском) и отражает технический характер функционирования сети.

Типовыми компонентами сети Интернет как разновидности телекоммуникационной сети являются сети доступа, магистральные сети и информационные центры, связанные между собой как минимум одним свойством: все они в своем составе имеют аппаратно-программные объекты, предназначенные для реализации интернет-технологий. Сети доступа предназначены для концентрации информационных потоков, поступающих по многочисленным каналам связи от оборудования конечных пользователей и последующей их передачи магистральной сети. Магистральные сети служат для объединения отдельных сетей доступа и осуществления транзита трафика между ними по высокоскоростным каналам. Информационные центры обеспечивают функционирование двух предыдущих элементов. Обеспечительный характер указанных типовых компонентов ГИТС позволяет поместить их на служебный уровень реализации интернет-технологий. Дополнением к служебному будет выступать пользовательский уровень — уровень компьютерной системы конечного пользователя сети, посредством которой пользователь получает доступ в «техническую сферу сети Интернет».

3. Имеет место параллельная реализация интернет-технологий и социальных коммуникаций различного формата.

Технический характер предполагает связь со «средствами человеческой деятельности, создаваемыми для осуществления процессов производства и обслуживания непродовольственных потребностей общества»⁴. Соответственно, аппаратные и программные объекты, используемые при реализации интернет-технологий, являются средствами человеческой деятельности. Отсюда следует, что за техническим процессом функционирования ГИТС стоит человек, его потребности, если еще точнее — социальные взаимодействия («осознанные действия между личностями, функционирование социальных общностей и социальных институтов»⁵). Именно поэтому, например, сам факт работы в сети Интернет кон-

кретного персонального компьютера не указывает на конкретное лицо, использовавшее данный компьютер в преступных целях. Необходимо установить связь компьютера с лицом, о чем будет сказано ниже.

Подчеркнем, что модули целесообразно разбить на:

1) основные. В этом случае модуль самостоятелен с точки зрения уголовно-правовой квалификации. Например, неправомерный доступ к компьютерной информации потерпевшего однозначно будет наказуем согласно ст. 272 УК РФ;

2) дополнительные. В этом случае модуль может отражать и разрешенные законом операции. Например, сканирование ГИТС допускается законом, если его выполняет специалист по информационной безопасности организации. Однако, если он совместим с неправомерным доступом к персональному компьютеру потерпевшего, сканирование сети Интернет характеризует один из этапов интернет-преступления.

Модуль № 1 «Неправомерный доступ в сеть Интернет с помощью интернет-технологий» (основной модуль; здесь и далее текст выделен курсивом для расстановки акцентов в описании схемы).

Пример. В период с января по апрель 2010 г. Ф., обладая достаточными знаниями в области использования компьютерной техники и имея практический опыт использования интернет-технологий, действуя с прямым умыслом, направленным на неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, из своей квартиры с помощью личного компьютера, программного обеспечения, позволяющего использовать интернет-технологии, и ADSL-модема вышел в сеть Интернет и осуществил соединение с сервером интернет-провайдера через выделенную телефонную линию, незаконно произвел копирование учетных данных легального пользователя (логина и пароля), позволяющих осуществить доступ в ГИТС. Затем Ф. неоднократно получал оплачиваемый за счет легального пользователя доступ в сеть Интернет с помощью полученных ранее учетных данных⁶.

На пользовательском уровне взаимосвязанными обстоятельствами, отражающими техническую составляющую, могут выступать: наличие и характеристика персонального компьютера подозреваемого; наличие и характеристика линии связи⁷ (в нашем случае — выделенная телефонная линия и аппаратура линии связи в виде ADSL-модема); наличие и характеристика компьютерной информации подозреваемого (например, описывающей его доступ в сеть Интернет). Социальная составляющая может включать сведения о личности подозреваемого (в нашем случае — Ф.); характеристику компьютерной информации в контексте гражданско-правовых отно-

шений (например, отсутствие отношений владения, пользования или распоряжения ею со стороны подозреваемого); характеристику персонального компьютера подозреваемого и линии связи в контексте гражданско-правовых отношений (например, наличие отношений владения, пользования или распоряжения ими со стороны подозреваемого).

На служебном уровне взаимосвязанными обстоятельствами, отражающими техническую составляющую, могут выступать: наличие и характеристика сервера интернет-провайдера, оказывающего услуги подозреваемому; наличие и характеристика линии связи интернет-провайдера (в нашем случае — выделенная телефонная линия и аппаратура линии связи в виде коммутационного оборудования, «собирающего» компьютерную информацию пользователей для дальнейшего перенаправления); наличие и характеристика компьютерной информации (например, о присвоении определенного IP-адреса сетевому подключению персонального компьютера подозреваемого). Социальная составляющая включает: сведения об интернет-провайдере как участнике гражданско-правовых отношений; наличие и характеристику гражданско-правовых отношений между интернет-провайдером и подозреваемым; характеристику компьютерной информации в контексте гражданско-правовых отношений (например, наличие отношений владения, пользования или распоряжения ею со стороны интернет-провайдера); характеристику сервера и линии связи в контексте гражданско-правовых отношений (например, наличие отношений владения, пользования или распоряжения ими со стороны интернет-провайдера).

Модуль № 2 «Неправомерный доступ к компьютерной информации потерпевшего и (или) его персональному компьютеру с помощью интернет-технологий» (основной модуль).

Пример. В период с ноября 2009 г. по февраль 2011 г. Б. работал в организации № 1 в должности оператора отдела технической поддержки. В процессе выполнения трудовых обязанностей Б. обнаружил и скопировал учетные данные руководителя отдела технической поддержки организации (логин и пароль). Эти данные позволяли получить доступ к компьютерной программе организации. Учетные данные и компьютерная программа организации были отнесены к коммерческой тайне, о чем Б. был осведомлен. В дальнейшем Б. расторг трудовой договор с организацией, после чего Б. был принят на работу в организацию № 2 на должность специалиста по технической поддержке сети Интернет. В процессе выполнения трудовых обязанностей Б., находясь в помещении организации № 2, с использованием ранее полученных учетных данных и интернет-технологий осуществил неправомерный доступ к информации, содержащей

ся в компьютерной программе организации № 1. Затем Б. предложил представителю организации № 2 внедрить в деятельность этой организации сведения, находящиеся в указанной компьютерной программе. Для обеспечения доступа к компьютерной программе Б. передал представителю организации № 2 ранее полученные учетные данные⁸.

На пользовательском и служебном уровнях взаимосвязанными обстоятельствами, отражающими техническую составляющую, помимо обстоятельств согласно модулю № 1 (в части доступа в сеть Интернет), будут выступать аналогичные обстоятельства применительно к потерпевшему. Дополнительно к этому следует добавить: на пользовательском уровне — наличие связи между персональным компьютером подозреваемого и потерпевшего (техническая составляющая); наличие и характеристику социального взаимодействия между подозреваемым и потерпевшим (социальная составляющая); на служебном уровне — наличие связи между сервером интернет-провайдера подозреваемого и сервером интернет-провайдера потерпевшего (техническая составляющая); наличие и характеристику социального взаимодействия между интернет-провайдером подозреваемого и интернет-провайдером потерпевшего (социальная составляющая).

Модуль № 3 «Сканирование сети Интернет с помощью интернет-технологий»⁹ (дополнительный модуль).

Пример. В апреле 2010 г. Г., находясь в своей квартире, обладая достаточными знаниями в области использования компьютерной техники и имея практический опыт использования интернет-технологий, действуя с прямым умыслом, направленным на неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, с помощью своего компьютера, программного обеспечения (в том числе компьютерной программы «LamerScan»), позволяющего использовать интернет-технологии, осуществил незаконное сканирование сети Интернет, в результате чего незаконно получил и запомнил учетные данные легального пользователя (логин и пароль), позволяющие осуществить доступ в ГИТС, скопировал их на электронный носитель. Затем Г. неоднократно получал оплачиваемый за счет легального пользователя доступ в сеть Интернет с помощью полученных ранее учетных данных¹⁰.

На пользовательском уровне взаимосвязанными обстоятельствами, отражающими техническую и социальную составляющие, помимо обстоятельств согласно модулю № 1 (в части доступа в сеть Интернет), могут выступать: наличие и характеристика специализированной компьютерной программы, позволяющей реализовывать функцию сканирования сети Интернет (в нашем случае — компьютерная

программа «LamerScan»); факт и характеристика использования указанной программы; наличие и характеристика результатов использования указанной программы. При условии неправомерного доступа к компьютерной информации потерпевшего и (или) его персональному компьютеру добавляются соответствующие обстоятельства согласно модулю № 2.

На служебном уровне обстоятельствами, отражающими техническую и социальную составляющие, могут выступать обстоятельства согласно модулю № 1 (в части доступа в сеть Интернет) и, при условии неправомерного доступа к компьютерной информации потерпевшего и (или) его персональному компьютеру, обстоятельства согласно модулю № 2.

Модуль № 4 «Обращение к сайту с помощью интернет-технологий» (дополнительный модуль).

Пример. В период до февраля 2011 г. К., находясь в своей квартире, в нарушение требований законодательства о защите авторских и смежных прав, используя интернет-технологии, обратился к неустановленному сайту. После этого скопировал на жесткий диск своего ноутбука контрафактную компьютерную программу и записал ее на оптический диск. Одновременно в целях обеспечения работы указанной программы, используя интернет-технологии, обратился к неустановленному сайту. Затем скопировал на жесткий диск своего ноутбука вредоносную компьютерную информацию, использование которой позволяет обойти систему защиты контрафактной компьютерной программы. Эти файлы были записаны на оптический диск. В дальнейшем оптические диски с контрафактной компьютерной программой и вредоносной компьютерной информацией были сбыты путем купли-продажи «покупателю» в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка»¹¹.

На пользовательском уровне взаимосвязанными обстоятельствами, отражающими техническую составляющую, помимо обстоятельств согласно модулю № 1 (в части доступа в сеть Интернет), могут выступать: наличие и характеристика хоста¹² для размещения компьютерной информации в форме сайта; наличие и характеристика сайта, к которому обратился подозреваемый; наличие и характеристика компьютерной информации, ставшей предметом манипуляций подозреваемого (в нашем случае — контрафактная компьютерная программа и вредоносная компьютерная информация). Социальная составляющая может включать сведения о хосте в контексте гражданско-правовых отношений (например, наличие отношений владения, пользования или распоряжения им со стороны провайдера хостинга); сведения о сайте в контексте гражданско-правовых отношений (например, наличие отношений владе-

ния, пользования или распоряжения им со стороны конкретного лица); характеристику компьютерной информации, ставшей предметом манипуляций подозреваемого, в контексте гражданско-правовых отношений (например, отсутствие отношений владения, пользования или распоряжения ею со стороны подозреваемого).

На служебном уровне взаимосвязанными обстоятельствами, отражающими техническую составляющую, помимо обстоятельств согласно модулю № 1 (в части доступа в сеть Интернет), могут выступать: наличие и характеристика провайдера хостинга; наличие и характеристика сведений об администрировании сайта, к которому обратился подозреваемый. Социальная составляющая включает: сведения о провайдере хостинга как участнике гражданско-правовых отношений; наличие и характеристику гражданско-правовых отношений между провайдером хостинга и владельцем сайта; наличие и характеристику социального взаимодействия между провайдером хостинга и владельцем сайта.

Рассматривая модуль № 4, следует обратить внимание на три момента. Во-первых, предлагаемая модель может не меняться по своей сути, если, например, вместо организации, оказывающей только услуги по предоставлению вычислительных мощностей (назовем эту организацию «чистым» провайдером хостинга), будет стоять организация, оказывающая одновременно услуги по предоставлению вычислительных мощностей и доступа в сеть Интернет (например, интернет-провайдер, разместивший на своих вычислительных мощностях компьютерную информацию в форме сайта).

Пример. В период с мая 2005 г. по октябрь 2010 г. И., заключив с интернет-провайдером договор и получив легальный доступ к сети Интернет, в целях извлечения для себя личной выгоды обратился к сайту файлообменной сети интернет-провайдера и прошел регистрацию. После этого И., используя знания в области функционирования файлообменных сетей, интернет-технологии и специальную программу, находясь в своей квартире, поместил на сервер файлообменной сети ранее приобретенный видеоматериал порнографического характера с изображением несовершеннолетнего лица. Тем самым неограниченному числу пользователей данной сети была предоставлена возможность для использования указанных материалов¹³.

Вывод о неизменности допустимо сделать и в ситуации, когда подозреваемый не только обращается к сайту, но и размещает на нем (фактически на вычислительных мощностях хоста) какую-либо компьютерную информацию.

Пример. В июле 2010 г. Н., получив легальный доступ к персональному компьютеру территори-

альной уголовно-исполнительной инспекции, незаконно скопировал на свой электронный носитель компьютерные базы данных «Автоматизированный картотечный учет спецконтингента» и «Паспорта 2007». Затем, установив вредоносную компьютерную программу ActualSpy (клавиатурный шпион) на указанный персональный компьютер, получил сведения о пароле для доступа к названным базам данных. В дальнейшем Н. разместил у провайдера сайта <http://www.ksivi.ru> незаконно полученные компьютерные базы данных с паролями доступа¹⁴.

Во-вторых, предлагаемая модель может по своей сути не меняться, если речь идет о технической составляющей. Однако, оставаясь неизменной с технической стороны, модель может дополняться в части социальной составляющей.

Пример. В период с октября 2011 г. по апрель 2012 г. И., заключив с интернет-провайдером договор и получив легальный доступ к сети Интернет, в целях извлечения для себя личной выгоды обратился к сайту социальной сети «ВКонтакте» и прошел регистрацию. После этого И., используя знания в области функционирования социальных сетей, интернет-технологии, находясь в своей квартире, поместил на сервер социальной сети ранее приобретенный видеоматериал порнографического характера с изображением несовершеннолетнего лица. Тем самым неограниченному числу пользователей данной сети была предоставлена возможность для использования указанных материалов¹⁵. Дополнительной социальной составляющей будет наличие и характеристика различных видов социального взаимодействия (как минимум межличностной и групповой коммуникации).

В-третьих, сайт может носить чисто информационный характер (например, консультации юриста) или выполнять отдельные услуги (сервисы). Техническая и социальная составляющие могут изменяться в зависимости от оказываемого сервиса. Ранее мы рассмотрели сервис провайдера хостинга (услуга по предоставлению вычислительной мощности владельцу сайта). В практике встречаются другие сервисы, которые используют в ходе совершения интернет-преступления.

Пример. В марте 2012 г. Т., используя персональный компьютер и интернет-технологии, не имея разрешения легального пользователя электронного ящика, установил соединение с сайтом почтового сервера, прошел процедуру восстановления и замены пароля для указанного электронного ящика. Затем неправомерно удалил компьютерную информацию, находящуюся в данном электронном ящике и принадлежащую потерпевшему¹⁶. Здесь техническая составляющая раскрывается сквозь призму механизма реализации сервиса электронной почты. Социальная

составляющая охватывает как минимум социальное взаимодействие между владельцами электронных ящиков в виде межличностной коммуникации.

В завершение рассмотрения вопроса, вынесенного в заглавие настоящей статьи, отметим, что деятельность следователя по расследованию преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, основывается на закономерностях механизма этих преступлений. Изложенные в статье закономерности позволили нам предложить основные и дополнительные модули, содержащие типовые обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам об интернет-преступлениях. По нашему мнению, правоприменителю достаточно «просеять» имеющуюся у него информацию через выделенные модули и получить перечень обстоятельств, отражающих специфику использования интернет-технологий в конкретном преступлении.

¹ Ищенко Е. П. О глобальных проблемах развития российской криминалистики // Вестник криминалистики. 2015. № 4. С. 90.

² Карпович В. Н. Проблема, гипотеза, закон : монография. М., 1980. С. 140.

³ Ермаков А. Е. Основы конфигурирования корпоративных сетей Cisco : учеб. пособие. М., 2013. С. 6.

⁴ Краткая российская энциклопедия : в 3 т. / сост. В. М. Карев. М., 2003. Т. 3 : Р-Я. С. 406.

⁵ Глатов М. Б. Общая социология : учеб. пособие. М., 2010. С. 273-274.

⁶ Архив Первомайского районного суда г. Владивостока за 2011 г.

⁷ Линия связи включает непосредственно канал связи (кабель, в том числе воздушный провод, радиоканал) и аппаратуру линии связи (например, модем).

⁸ Архив Первореченского районного суда г. Владивостока за 2011 г.

⁹ Например, в целях установления IP-адреса, присвоенного сетевому подключению персонального компьютера потерпевшего, или получения доступа к портам этого компьютера.

¹⁰ Архив Октябрьского районного суда г. Уфы за 2011 г.

¹¹ Архив Демского районного суда г. Уфы за 2011 г.

¹² Хост — это вычислительная мощность, постоянно подключенная к сети Интернет, для размещения компьютерной информации. Услугу по предоставлению этой мощности оказывает провайдер хостинга (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Рос. газета. 2006. 29 июля)).

¹³ Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2011 г.

¹⁴ Архив Авиастроительного районного суда г. Казани за 2012 г.

¹⁵ Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2012 г.

¹⁶ Архив Сыктывкарского городского суда за 2012 г.

УДК 343 © А. И. Тамбовцев, 2017

Коллизии норм федеральных законов, регулирующих содействие лиц правоохранительным органам

А. И. Тамбовцев

Статья посвящена анализу некоторых положений федеральных законов, регулирующих содействие лиц правоохранительным органам. Автор констатирует наличие правовых коллизий в статьях нескольких федеральных законов, определяющих понятие и статус лиц, содействующих правоохранительным органам, и предлагает собственное решение выявленных проблем.

Ключевые слова: содействие граждан правоохранительным органам, правоохранительные органы, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, оперативные подразделения, органы внутренних дел.

Конституция Российской Федерации провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту — обязанностью государства, которая реализуется системой правоохранительных органов, в том числе уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной

деятельности. Таким образом, деятельность правоохранительных структур в целом и их оперативных подразделений в частности носит ярко выраженную социально-гуманистическую направленность.

В то же время такая осуществляемая для населения деятельность государственных органов немыс-

лима без опоры на само население и помощи с его стороны. Мы разделяем позицию А. В. Шахматова, который выделяет такие фундаментальные принципы работы оперативных подразделений и органов внутренних дел, как «повседневная связь с ответственностью» и «опора на активных законопослушных граждан»¹. Считаем возможным экстраполировать указанный принцип на деятельность любого правоохранительного органа.

Для придания организованности и эффективности взаимодействию органов правопорядка с населением его формы и направления, права и обязанности участвующих сторон должны быть законодательно урегулированы, чтобы не только должностные лица правоохранительных органов, но и простые граждане имели открытый неограниченный доступ к законам, определяющим их права и обязанности в этой сфере. Это положение находит нормативное выражение в ряде федеральных законов, определяющих, во-первых, назначение, цели и задачи деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности личности, во-вторых, регламентирующих оказание гражданами (населением, физическими лицами) помощи правоохранительным органам.

Проведенный анализ действующих нормативных правовых актов позволяет констатировать, что рассматриваемая сфера общественных отношений регламентируется следующими федеральными законами, прямо или косвенно затрагивающими сферу содействия граждан правоохранительным органам:

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — Закон о безопасности).
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции).
3. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (далее — Закон о ФСБ).
4. Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (далее — Закон о государственной охране).
5. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (далее — Закон о внешней разведке).
6. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).
7. Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее — Закон об участии граждан в ООП).
8. Уголовно-исправительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ).
9. Таможенный кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ).

Именно предписания данных нормативных правовых актов, по нашему мнению, должны определять основные направления и формы взаимодействия, правовые статусы субъектов — их права и обязанности. Однако сопоставление и сравнение соответствующих предписаний рассматриваемых законов свидетельствуют об отсутствии в них единой концепции законодателя, наличии противопоставлений в тексте и смысле отдельных норм и, соответственно, необходимости их скорейшей переработки и приведения к взаимному соответствию.

Социально-гуманистическая направленность рассматриваемых федеральных законов не вызывает сомнений и непосредственно либо опосредованно отражена в их текстах.

Так, ст. 1 Закона о полиции декларирует, что «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства», демонстрируя такой формулировкой всеобъемлющий гуманистический характер полицейской деятельности.

Статья 1 Закона об ОРД нацеливает все субъекты оперативно-розыскной деятельности на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, тем самым определяя ее социально-гуманистическую направленность.

Положения ст. 1 Закона о безопасности и ст. 1 Закона о ФСБ не столь конкретны, но в совокупности должны трактоваться как обеспечивающие безопасность личности. В то же время ретроспективный анализ положений ст. 1 «Понятие безопасности и ее объекты» и ст. 2 «Субъекты обеспечения безопасности» ранее действовавшего Закона Российской Федерации от 5 марта 1995 г. № 2446-1 «О безопасности» показывает, что согласно отменному закону государство гарантировало «обеспечение безопасности каждого гражданина на территории Российской Федерации, а также защиту и покровительство гражданам Российской Федерации, находящимся за ее пределами». Подобная формулировка, по нашему мнению, свидетельствовала о более универсальной терминологической конструкции, лучшей юридической технике и большей социально-гуманистической направленности отменного закона по сравнению с ныне действующим Федеральным законом.

Аналогичная ситуация просматривается и в ТК РФ, опосредованно определяющем в ст. 408 «Правомочия таможенных органов» право «осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений... выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также обеспечения собственной без-

опасности», что следует трактовать как деятельность исключительно в интересах граждан.

Статья 1 «Внешняя разведка Российской Федерации» Закона о внешней разведке констатирует, что предназначение внешней разведки — «защитить безопасность личности, общества и государства от внешних угроз», тем самым обозначая социально-гуманистическую сущность данного Федерального закона.

Совокупность ст. ст. 1 и 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации позволяет также установить его социальную направленность в отношении определенных категорий граждан. Так, в ч. 2 ст. 1 «Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства» сформулированы задачи (охрана прав, свобод и законных интересов осужденных, оказание осужденным помощи в социальной адаптации), а ст. 84 «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях» задачами оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в исправительных учреждениях, называет обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц.

Таким образом, социально-гуманистический характер рассматриваемых нормативных правовых актов не вызывает сомнений. Иная ситуация складывается в сфере регламентации указанными законами содействия граждан (лиц) правоохранительным органам. Прежде всего, полемичной представляется вообще практика дублирования отдельных аспектов правоприменения (в данном случае — содействие лиц правоохранительным органам) в нескольких федеральных законах, на что ранее уже указывалось правоведами². К тому же «институт взаимодействия граждан и правоохранительных органов в современных условиях является средством формирования слоя социально активных, законопослушных граждан — основы гражданского общества»³, и в связи с этим правовая регламентация их содействия правоохранительным органам должна быть предельно ясной и однозначной. Однако проведенное исследование свидетельствует, что современная редакция отдельных положений рассматриваемых законов допускает их неоднозначное и, более того, прямо противоположное толкование, что, разумеется, является недопустимым для любого нормативного правового акта, тем более для федерального закона. Это порождает неопределенность в понимании сущности и юридического статуса лица, оказывающего содействие правоохранительным органам, и вполне логично влечет изначально порочное последующее ведомственное нормотворчество, основанное на поддерживающих коллизии нормы законов.

Так, анализ Закона о полиции позволяет констатировать весьма «вольное» использование нор-

моторцами терминологии, описывающей вопросы использования полицией помощи граждан (населения). Пункт 1 ч. 7 ст. 9 Закона о полиции гласит, что «при федеральном органе исполнительной власти... образуются общественные советы... для решения наиболее важных вопросов деятельности полиции путем... привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности». Буквальное толкование этой нормы означает, что граждане могут привлекаться к противодействию преступности без уточнения форм и методов такого противодействия. По нашему мнению, подобная формулировка допускает неоднозначное расширенное толкование и может интерпретироваться субъективно, вплоть до подмены полномочий полиции, что категорически неприемлемо. Очевидно, что необходимо редакционное изменение и дополнение к тексту данной нормы, детализирующее правовой статус лиц, содействующих правоохранительным органам.

Закон об ОРД также содержит ряд терминов и норм, неоднозначных в своем толковании. Так, глава IV и ст. 17 Закона об ОРД озаглавлены одинаково — «Содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность». Буквальное толкование оглавлений указанных главы и статьи категорично ограничивает контингент содействующих лиц гражданами России, что прямо противоречит устоявшимся научным воззрениям ряда авторов⁴ и складывающейся правоприменительной практике иных (помимо ОВД) субъектов оперативно-розыскной деятельности. В оправдание законодателя можно сказать, что в тексте соответствующих статей Закона об ОРД используется слово «лицо», имеющее нейтральное значение в контексте национальности, гражданства, религии и пр., что следует признать оптимальным решением.

Сравнительный анализ норм Закона об ОРД и Закона о ФСБ показывает различный подход законодателя к определению статуса (прав и обязанностей, т. е. полномочий) лиц, содействующих правоохранительным органам. Так, упомянутая ст. 17 Закона об ОРД гласит, что «отдельные лица с их согласия могут привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий». В то же время ст. 19 «Лица, содействующие органам федеральной службы безопасности» Закона о ФСБ позволяет органам ФСБ «привлекать отдельных лиц с их согласия к содействию в решении возложенных на органы федеральной службы безопасности обязанностей». Даже при самом широком толковании терминов «подготовка» и «проведение», они относятся исключительно к оперативно-розыскным меро-

приятиям (что однозначно следует из текста нормы) и объективно не охватывают иные направления деятельности субъекта ОРД. При этом формулировка «решение возложенных задач» позволяет соотносить содействие фактически с любым направлением деятельности и любым правомерным инструментарием. Несомненно, что изложение нормы в Законе о ФСБ значительно расширяет функциональные возможности лица, оказывающего содействие, в сравнении с аналогичной нормой Закона об ОРД.

Идентичная ситуация прослеживается и при сравнительном анализе обеих рассматриваемых норм со ст. 408 «Правомочия таможенных органов» Таможенного кодекса РФ. Кроме предоставления полномочий, перечисленных в Законе об ОРД, данная статья наделяет таможенные органы для выполнения возложенных на них функций следующими *правомочиями*⁵: «устанавливать и поддерживать официальные отношения консультативного характера с участниками внешнеэкономической деятельности, иными лицами, деятельность которых связана с осуществлением внешнеэкономической деятельности, и их профессиональными объединениями (ассоциациями) в целях сотрудничества и взаимодействия по вопросам внедрения наиболее эффективных методов осуществления таможенного оформления и таможенного контроля». Закономерные вопросы вызывает характер устанавливаемых отношений категории лиц, с которыми эти отношения могут устанавливаться, а также цели сотрудничества. Буквальное толкование данной нормы существенно ограничивает как круг лиц, привлекаемых к содействию, так и цели привлечения.

Учитывая, что органы ФСБ и таможенные органы являются субъектами ОРД, их полномочия, декларируемые в «специальных» законах, не должны выходить за рамки полномочий, предоставляемых общим законом, каковым по отношению к субъектам является Закон об ОРД. Очевидна коллизия норм, требующая своего разрешения путем приведения названных статей к содержательному и редакционному соответствию.

Дальнейший анализ ст. 19 Закона о ФСБ выявил иные ее недостатки, влекущие неоднозначность как теоретической интерпретации нормы, так и ее практического применения. Статья обязывает лиц, оказывающих содействие органам ФСБ, «соблюдать условия заключаемого с органами федеральной службы безопасности контракта или договоренности о сотрудничестве». Сомнение вызывает форма соглашения о содействии — договоренность о сотрудничестве. Из текста явно усматривается устный характер такого соглашения. В соответствии с мнением абсолютного большинства исследователей, форма согласия лица на оказание содействия значения не

имеет и может быть как письменной, так и устной. Однако, учитывая общепризнанный среди правоведов более высокий статус термина «сотрудничество» по сравнению с термином «содействие», выражающийся в том, что «содействие включает в себя сотрудничество, являющееся специфическим видом содействия, при котором оказываемая помощь уже представляет собой совместную работу»⁶, считаем полемичной именно устную форму заключения подобного соглашения о сотрудничестве. Как правило, привлечение лица к сотрудничеству требует определенной юридической процедуры — заключения сторонами контракта, его обоюдного подписания, скрепления печатью и др. с соблюдением требований конспирации и режима секретности. Полагаем, устранение указанного недостатка позитивно сказалось бы на понимании любым правоприменителем статуса лица, оказывающего содействие.

Критическому осмыслению в контексте формирования статуса лиц, содействующих органам правопорядка, подвергся Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Отчасти спорной с позиции нормотворческой техники и не полностью соответствующей складывающейся положительной правоприменительной практике использования добровольцев в поиске лиц, пропавших без вести, видится ст. 9 «Участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести» данного Закона. Часть 1 названной статьи констатирует, что участие в поиске лиц, пропавших без вести, вправе принимать граждане, достигшие возраста восемнадцати лет. Считаем, такая формулировка правовой нормы порождает сразу несколько проблем ее интерпретации и применения. Во-первых, буквальное толкование нормы наделяет указанным правом исключительно лиц, имеющих российское гражданство, и исключает участие не граждан, тем самым сужая круг потенциальных помощников, аналогично перечисленным нормам Закона об ОРД.

В подобной ситуации следовало бы согласиться с утверждением, что «в очередной раз имеет место нарушение правил юридической техники при формулировке правовых норм»⁷. Возможным объяснением такой позиции законодателя в обоих случаях могло бы быть предположение, что в процессе нормотворчества законодатели не имели умысла на подобные ограничения, а подразумевали под термином «граждане» не только «де-юре» граждан России, но всех без исключения лиц, независимо от их гражданства. Однако подобной гипотезе прямо противоречит не только само название данного закона, содержащее термин «граждане», но и позиция законодателя, выраженная в ч. 1 ст. 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона». Указывая его цель, нормотворцы

предельно ясно и строго ограничили круг лиц, подлежащих праву добровольного участия в охране общественного порядка, исключительно гражданами Российской Федерации. Статья гласит, что «целью закона является создание правовых условий для добровольного участия граждан Российской Федерации (далее — граждане) в охране общественного порядка», тем самым демонстрируя однозначную позицию нормотворцев и противопоставляя нормы двух федеральных законов друг другу.

Подобная формулировка лишает лиц, не имеющих российского гражданства, такого права. В то же время она не согласуется с положениями ст. 17 Закона об ОРД, которая не только не содержит таких ограничений, но прямо указывает, что гражданство лица, оказывающего содействие, не имеет значения. Это позволяет практически любым физическим лицам (не только гражданам РФ) реализовать конституционное право на защиту от преступных посягательств одним из законных способов — оказанием содействия оперативно-розыскному органу, на что указывалось ранее⁸ и что следует признать максимально прагматичным. Основываясь на том, что охрана общественного порядка есть лишь одна из форм гласного содействия, считаем, что требования к участникам такого содействия не должны противоречить прежде всего предписаниям Закона об ОРД. Косвенным подтверждением сказанного, по нашему мнению, является позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в п. 2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁹. Конституционный Суд РФ утверждает, что разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами одинаковой юридической силы должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии. Таковым в данной ситуации является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», положения которого и должны применяться.

Во-вторых, обоснованному сомнению подвергается указанное в статье возрастное ограничение волонтеров — 18 лет. Принимая во внимание, что с наступлением восемнадцатилетия человек становится практически полностью право- и дееспособным, данную норму можно считать отражающей свободное волеизъявление полноправного взрослого человека участвовать в поиске. В то же время такая формулировка позволяет органам внутренних дел

легитимно ограничить участие в поисковых мероприятиях несовершеннолетних лиц, не соответствующих по своим возрастным физическим и психологическим качествам предстоящим условиям поиска, вопреки их желанию.

Однако многочисленная и повсеместная практика последних десятилетий по привлечению добровольцев к поиску пропавших без вести в виде прочесывания участков местности, подготовки и расклейки объявлений, обходов жилых массивов и пр. наглядно свидетельствует об эффективном использовании органами внутренних дел добровольной помощи несовершеннолетних лиц моложе заявленного в законе возраста, а именно от 14 лет и старше — учащихся старших классов, студентов начальных курсов средних специальных и высших учебных заведений. Рассматриваемая же норма хотя и опосредованно, но фактически запрещает лицам, не достигшим совершеннолетия, принимать участие в поиске пропавших без вести, а органам внутренних дел — использовать подобную помощь. Это также противоречит устоявшимся научным воззрениям о допустимости привлечения к содействию несовершеннолетних лиц, за исключением контрактной формы.

В-третьих, следует отметить отсутствие каких-либо санкций для лиц, принимающих участие в поиске пропавших без вести «неправомерно», т. е. для волонтеров младше 18 лет. Это хотя и имеет выраженную социально-гуманистическую направленность, обеспечивающую максимальную реализацию прав и свобод человека и гражданина, в том числе и несовершеннолетнего, и имеет определенные положительные результаты, тем не менее придает определенной декларативности данной норме, делая ее изначально нерабочей и, по нашему убеждению, не влияющей на статус содействующего лица.

В-четвертых, учитывая, что, вопреки рассматриваемому Федеральному закону, добровольцами в поиске пропавших без вести нередко выступают (и, по нашему мнению, будут продолжать выступать) лица моложе восемнадцатилетнего возраста, следует признать, что в контексте рассматриваемого Федерального закона такое их участие априори является неправомерным. В связи с этим в последующем может возникнуть проблема установления легитимности (допустимости) доказательств, полученных с их помощью или участием. Мы полностью солидарны с мнением правоведов, полагающих, что ч. 1 ст. 75 УПК РФ следует толковать расширительно — в соответствии с текстом ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, запрещающей при осуществлении правосудия использование доказательств, полученных с нарушением любого федерального закона, а не только уголовно-процессуального кодекса¹⁰. Конечно, рассматриваемое нарушение напрямую не касается субъекта доказывания или про-

цедуры получения доказательств, но формально делает незаконным само участие несовершеннолетнего лица в поиске и, соответственно, ставит под юридическое сомнение результаты поиска — обнаружение таким лицом предметов, имеющих доказательственное значение, получение информации и пр.

Таким образом, в настоящее время законы о полиции, об ОРД, о ФСБ, о внешней разведке, об участии граждан в охране общественного порядка, Таможенный и Уголовно-исполнительный кодексы содержат противоречащие друг другу нормы, регламентирующие оказание лицами содействия правоохранительным органам. Необходимо внесение содержательных и редакционных изменений и дополнений, определяющих единый юридический статус содействующих лиц и исключающих неоднозначность интерпретации этих норм.

¹ Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, А. В. Федорова. СПб., 2005. С. 47.

² Гусев В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика : монография. М., 2014. С. 55.

³ Пеструилов А. С., Жуйков А. А. Проблемы и положительный опыт законодательного регулирования участия граждан в охране общественного порядка // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1(60). С. 38.

⁴ См., напр.: Смирнов М. П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2003. С. 437 ; Федоров А. В., Шахматов А. В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : учеб. пособие / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2004. С. 8 ; и др.

⁵ Термин, используемый только в Таможенном кодексе РФ.

⁶ Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005. С. 170.

⁷ Гусев В. А. Восстановление нарушенных прав и возмещение вреда, причиненного гражданину действиями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1(53). С. 108.

⁸ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов / авт.-сост. д-р юрид. наук, проф. А. Ю. Шумилов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 187.

⁹ По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁰ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004. С. 186.

УДК 34 © А. И. Горев, 2017

Принятие новой Доктрины информационной безопасности как этап развития информационного общества в России

А. И. Горев

Проблема информационной безопасности в обществе приобретает существенное значение. Ведущая роль информационных ресурсов и технологий в социуме ставит задачи безопасности личности, общества, государства в информационной сфере. Рассматриваются основные положения Доктрины 2016 г. Отмечается ее преемственность с предшествующим документом. Анализируются положительные стороны новой Доктрины.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные ресурсы и технологии, информационные права и свободы.

Развитие современного общества неразрывно связано с новыми информационными технологиями. Пятая информационная революция, произошедшая в конце XX в. и принесящая глобальные общедоступные информационные сети, настолько кардинально изменила мир, что очевидной реакцией стало принятие в 2000 г. ведущими мировыми державами Окинавской хартии глобального информационного общества. Самой формулировкой названия Хартии была определена ведущая роль информационных ресурсов и технологий в социуме.

В 2000 г. и в России принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹, в которой впервые было сформулировано понятие «информационная безопасность», определены ее составляющие, виды угроз и мероприятия по реализации государственной политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Доктрина стала своеобразным юридическим документом, не обязательным к исполнению. Однако в ней представлены официальные взгляды на цели, задачи, принципы и основные направления формирования государственной политики Российской Федерации в соответствующей сфере. В Доктрине 2000 г. нашли отражение цели и задачи, которые были актуальны в тот момент времени. За прошедший период в обществе произошли изменения, потребовавшие адекват-

ной реакции. В качестве объективных причин этих изменений можно выделить усложнение международной обстановки и неуклонный прогресс информационных технологий.

Первая причина выходит за рамки данной статьи, однако не вызывает сомнений, что негативное отношение к России со стороны США и стран Евросоюза приводит к усилению информационного противостояния.

Вторая причина определяется тем, что благодаря повсеместному внедрению современных компьютерных технологий обработки информации информационные отношения в обществе за прошедшие 16 лет нового века существенным образом изменились. Если в 2000 г. рассматривались вопросы обеспечения стационарной телефонной связью, а уровень проникновения мобильной связи (количество SIM-карт на 100 жителей) в России составлял 3,4%, то в 2006 г. этот показатель преодолел 100%, а на начало 2011 г. он составил 166,3%². При этом средний потребляемый объем времени вырос за 10 лет с 90 до 300 мин. Аналогичная ситуация с сетью Интернет. Если в 2000 г. его уровень проникновения составлял менее 5%, в 2008 г. — 25,4%, то в 2015 г. достиг 70,4%³. Значительное изменение структуры информационных отношений проявилось не только в численном выражении. Социальные сети и микроблоги, персонализирован-

ная реклама в мобильных сетях связи и Интернете, новостные агрегаторы, подборка информации с учетом интересов пользователей — вот неполный перечень современных информационных прав и свобод, которые, несомненно, влияют на каждого члена общества в отдельности и социум в целом.

Именно изменения информационных отношений потребовали пересмотра положений Доктрины 2000 г. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁴. При внешнем сходстве с предшествующим документом в Доктрине 2016 г. по содержанию можно выделить большое число различий.

Первым отличием стало значительное уменьшение объема (в три раза) Доктрины 2016 г., что не означает уменьшения содержательной части. Существенным недостатком Доктрины 2000 г. были многочисленные повторения. Например, в п. 1 «Национальные интересы» выделялись четыре составляющих, а в п. 2 «Виды угроз информационной безопасности» приводились перечни угроз применительно к каждой составляющей отдельно. В пункте 6 «Особенности обеспечения информационной безопасности» в сфере внутренней политики снова перечислялись составляющие как наиболее важные объекты обеспечения безопасности и т. д. Возможно, для впервые создаваемого документа в 2000 г. авторы стремились избежать недосказанности, однако многократное дублирование делало документ сложным для понимания.

Вторым важным отличием документов стало введение нумерации пунктов в новой Доктрине. В старом документе присутствовала только нумерация разделов, что существенно затрудняло цитирование и ссылки на него. Введение нумерации пунктов и подпунктов значительно упрощает работу с документом. Дальнейшее сравнение следует проводить именно по составляющим информационной безопасности, поскольку их перечень изменился несущественно.

Доктрина 2000 г. выделяла четыре составляющих национальных интересов в информационной сфере. Первая составляющая включала соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны. Данная составляющая выделена и в подп. «а» п. 8 Доктрины 2016 г., однако ее содержание, в отличие от Доктрины 2000 г., не рассматривается подробно. В прежнем документе при описании прав и свобод в информационной сфере упоминались гарантия

свободы массовой информации и запрет цензуры, а также запрет на пропаганду и агитацию по разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. В принятом документе отмеченные свободы не упоминаются вообще, что порождает правомерный вопрос, актуальность которого подтвердили дискуссии о цензуре осенью 2016 г.⁵ Пропаганда ненависти и вражды упоминается в новом документе только в п. 13 при описании механизмов информационного воздействия террористических и экстремистских организаций. Игнорирование данных конституционных норм авторами новой Доктрины непонятно.

Вторая составляющая национальных интересов, выделенная в Доктрине 2000 г., включала доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации, обеспечение доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам. Первая часть данной составляющей без изменения выделена в подп. «г» п. 8 Доктрины 2016 г. Однако вторая часть о доступе граждан к открытым ресурсам не упоминается вообще. Конечно, в последние годы было много сделано для открытости электронного государства, однако даже принятие Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти⁶ не решило поставленную задачу в полном объеме.

Третьей составляющей национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере Доктрина 2000 г. определяла развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии средств информатизации. Кроме того, что данная составляющая сформулирована в подп. «в» п. 8 Доктрины 2016 г., можно отметить дополнение ее в части обеспечения информационной безопасности.

В качестве четвертой составляющей национальных интересов Российской Федерации Доктрина 2000 г. выделяла защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа. Среди национальных интересов, определенных Доктриной 2016 г., указанная составляющая отсутствует, хотя в п. 14 (раздел «Информационные угрозы») авторы указывают на рост масштабов преступности с использованием информационных технологий. Можно сослаться на новую составляющую, определенную в Доктрине 2016 г. в подп. «б» п. 8 как «обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры», однако обеспечение функционирования и защита от несанкционированного доступа не являются равнозначными понятиями. На наш взгляд, защита информационных ресурсов от уничтожения, модификации, неправомерного копирования была

и остается самостоятельной составляющей в информационной сфере.

Новеллой Доктрины 2016 г. стал подп. «д» п. 8, в котором декларирована цель — содействовать формированию системы международной информационной безопасности. Возможность достижения поставленной цели вызывает сомнения, поскольку в современном мире различные страны и союзы часто ставят антагонистические цели, о чем авторы Доктрины 2016 г. говорят в п. 12, указывая в качестве одной из угроз безопасности деятельность специальных служб отдельных государств по дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира.

Таким образом, можно отметить общую преемственность Доктрины 2016 г. с предшествующим документом при ее более лаконичных формулировках и отсутствии дублирования. Однако наряду с очевидными достоинствами новой Доктрины, нельзя не отметить и некоторые, на наш взгляд, недочеты. В двух пунктах Доктрины 2000 г. (п. 3 «Источники угроз» и п. 9 «Первоочередные мероприятия») явным образом упоминалось одна из наиболее значимых реалий современного информационного противостояния — «информационная война». В Доктрине 2016 г. информационная война вообще не отмечена, и это неверно, поскольку тенденция к наращиванию напряженности в информационной сфере особенно заметна в последние годы. 23 ноября 2016 г. Европарламент принял резолюцию, в которой уравнивал информагентство «Спутник» и телеканал RT, работающие на зарубежную аудиторию, с пропагандой запрещенной группировки ИГИЛ⁷. Очевидны препятствия, с которыми сталкиваются отечественные информагентства при работе в странах Западной Европы и Америки, хотя в обратном направлении постоянно звучат требования об открытости информационного пространства. Например, в декабре 2016 г. Госдепартамент США призвал Россию отменить закон об иностранных агентах⁸, в соответствии с которым некоммерческие объединения признаются ино-

странными агентами, если финансируются зарубежными спонсорами.

Подводя итог, еще раз подчеркнем положительные стороны Доктрины 2016 г. Вместо обширного документа с нечеткими формулировками и множественными повторениями общим объемом более двух печатных листов, разработан структурированный документ меньшего объема без потери содержательной части. Особое значение надлежит обратить на заключительные положения Доктрины 2016 г., которые уникальны. Правовые документы подобного рода, как правило, только предопределяют направленность деятельности законодательной и исполнительной власти и не являются обязательными к исполнению. В пункте 38 установлена обязательность мониторинга реализации положений Доктрины и представление их в ежегодном докладе Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации, что превращает принятую Доктрину 2016 г. в документ постоянного и обязательного использования, основание для постоянного аудита безопасности информационных систем.

¹ Рос. газета. 2000. 28 сент.

² Чачин П. 20 лет сотовой связи в России // PCWeek. 2011. 22 сент.

³ Исследование GfK: за 2015 год интернет-аудитория в России увеличилась еще на 4 млн. человек. URL: <http://www.gfk.com> (дата обращения: 25.12.2016).

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

⁵ Слова К. Райкина о цензуре вызвали бурное обсуждение. URL: http://www.tvkultura.ru/article/show/article_id/158365 (дата обращения: 25.12.2016).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р. URL: <https://rg.ru/2014/02/03/konceptsiya-site-dok.html> (дата обращения: 25.12.2016).

⁷ Сошин Д. Европарламент в своей резолюции приравнял ряд российских СМИ к пропагандистам ИГИЛ. URL: <http://www.itv.ru/news/2016/11/23/314611> (дата обращения: 25.12.2016).

⁸ США призвали Россию отменить закон об иностранных агентах. URL: <http://www.rbc.ru/politics/23/12/2016> (дата обращения: 25.12.2016).

Структура и полномочия органов публичной власти в Крымском федеральном округе

А. А. Кашкаров

Рассматриваются вопросы, связанные с формированием и развитием органов публичной власти в Крымском федеральном округе. На основании норм и положений действующего законодательства последовательно анализируются правовой статус, структура, функции и полномочия органов публичной власти, созданных в Крымском федеральном округе. В статье проведен краткий историко-правовой анализ органов публичной власти Крыма.

Ключевые слова: органы публичной власти, парламент, правительство, муниципальная власть, закон, Конституция РФ, Крымский федеральный округ, Республика Крым, город федерального значения Севастополь.

Крымский федеральный округ (далее — КФО) создан на основании Указа Президента Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 168¹. Структурно он состоит из двух субъектов Российской Федерации — Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Территориально оба субъекта федерации находятся на Крымском полуострове, который не имеет сухопутной границы с Российской Федерацией. По территории и количеству населения является наименьшим федеральным округом в составе РФ. Административный центр КФО — столица Республики Крым город Симферополь, хотя по территории и численности населения он уступает городу федерального значения Севастополю.

Отметим, что к органам публичной власти в КФО мы относим: Полномочного представителя Президента РФ в КФО и его аппарат; федеральные органы исполнительной власти в КФО; органы исполнительной, законодательной власти субъектов федерации; органы судебной власти и органы местного (муниципального) управления (исполнительные и представительные)².

Обеспечение вертикали власти Президента Российской Федерации в КФО осуществляется посредством политико-управленческого института — Полномочного представителя Президента Российской Федерации в КФО (далее — полпред Президента РФ в КФО). Конституция РФ не предусматривает наличия управленческого института полпредства Президента РФ, лишь опосредованно в п. «к» ст. 83 Конституции РФ предусмотрено право Президента РФ назначать и освобождают от занимаемой должности полпредов Президента РФ в определенном федеральном округе. Деятельность полпреда регламентируется Указом Президента Российской

Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»³. Полпред Президента РФ имеет свой аппарат, а также представителей в каждом из субъектов федерации в лице главных федеральных инспекторов аппарата полпреда в КФО в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

Исходя из анализа названного Указа Президента РФ, можно заключить, что институт полпреда Президента РФ можно отнести к федеральному (центральному) органу публичной, а именно исполнительной власти, который находится на надсубъектном уровне и которому Президент РФ и аппарат Президента РФ делегировали ряд полномочий и функций в отношении реализации государственной политики в определенном федеральном округе и субъекте федерации. Как отмечает О. В. Долгалев, в числе первоочередных задач на полпреда Президента РФ возлагается организация в федеральном округе работы по исполнению органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом РФ⁴. Другие исследователи также отмечают, что институт полпреда Президента РФ не только усиливает вертикаль власти, но и обеспечивает углубление и развитие горизонтальных федеральных связей, дает импульс надсубъектным трансграничным связям, которые символизируют постепенный переход от «мягких» — межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ к «жестким» формам регулирования интеграционных процессов⁵.

Полпред Президента РФ обеспечивает координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной

власти субъектов федерации и органов местного самоуправления в наиболее важных государственных социально-политических программах и решениях, а также в вопросах государственного строительства и управления, которые стоят перед федеральным округом. Полпред Президента РФ осуществляет оперативное рассмотрение вопросов федерального округа в Администрации Президента РФ. Особо остро данная проблема выражается в КФО, где ряд вопросов государственной важности продолжает быть открытым (например, строительство транспортного перехода Керчь — Кубань).

Полпред Президента РФ имеет широкий спектр прав, а именно:

— принимать участие лично либо направлять сотрудников своего аппарата для участия в работе государственных органов субъекта федерации и органа местного самоуправления;

— пользоваться государственными (в том числе и правительственными) средствами связи, а также базами данных государственных структур;

— осуществлять проверки относительно состояния дел в федеральном округе, исполнения требований Президента РФ, Аппарата Президента РФ, Правительства РФ, реализации государственных программ, использования государственного имущества.

Говоря о системе органов исполнительной власти в Крыму и городе федерального значения Севастополе, считаем, что она существенно не изменилась. Данный факт объясним тем, что структура и система органов исполнительной власти, которые существовали в Крыму до 2014 г., была сформирована еще при Советском Союзе и в украинский период кардинальных и существенных изменений не претерпела. Однако органы исполнительной власти Крыма и города Севастополя после присоединения к России существенно расширили функции и полномочия, что обусловлено федеративной формой государственного устройства Российской Федерации.

Система органов исполнительной власти в Республике Крым определяется Законом Республики Крым от 29 мая 2014 г. № 5-ЗРК «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым» (далее — Закон № 5-ЗРК)⁶. Так, в соответствии с указанным законом исполнительную власть в Республике Крым осуществляют глава Республики Крым, Совет министров Республики Крым и иные исполнительные органы государственной власти Республики Крым в соответствии с Конституцией и законами Республики Крым.

Систему исполнительных органов государственной власти Республики Крым составляют:

- 1) Совет министров Республики Крым;
- 2) министерства Республики Крым;

3) государственные комитеты Республики Крым;

4) службы Республики Крым;

5) агентства Республики Крым;

6) инспекции Республики Крым;

7) иные исполнительные органы государственной власти Республики Крым.

По общему правилу, утвержденному Законом № 5-ЗРК, структуру и состав, штатную численность, наименование определяет глава Республики Крым, также он принимает решение о создании, реорганизации и ликвидации органов исполнительной власти. Глава Республики Крым может совмещать свою должность с должностью председателя Совета министров Республики Крым.

Глава 4 «Полномочия должностных лиц Совета министров Республики Крым, исполнительных органов государственной власти» указанного Закона закрепляет: полномочия Председателя Совета министров Республики Крым (ст. 25); его заместителей (ст. 26); министров Совета министров Республики Крым (ст. 27); общие полномочия Совета министров Республики Крым (ст. 28); полномочия и права исполнительной власти государственных органов Республики Крым (ст. 29 и ст. 30); полномочия Совета министров Республики Крым в сфере экономики (ст. 31); в сфере бюджета и финансов (ст. 32); в социально-трудовой сфере (ст. 33); в сфере развития науки, культуры и образования (ст. 34); в сфере природопользования и охраны окружающей среды, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ст. 35); в сфере обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности (ст. 36); в сфере межрегиональных и внешнеэкономических связей (ст. 37).

Полномочия, функции и структура исполнительной власти города Севастополя закреплены в Законе города Севастополя от 30 апреля 2014 г. № 5-ЗС «О Правительстве Севастополя»⁷. Указанный закон определяет, что Правительство Севастополя — постоянно действующий высший исполнительный орган государственной власти города. Губернатор города — высшее должностное лицо государственной власти города Севастополя, которое может входить в состав Правительства, в таком случае он совмещает полномочия Губернатора и председателя Правительства. Структура исполнительных органов государственной власти города Севастополя определяется губернатором в соответствии с Уставом города Севастополя и законами города Севастополя. Губернатор формирует правительство и вправе его возглавить.

Членами Правительства являются: 1) председатель Правительства; 2) заместители председателя Правительства; 3) руководители департаментов

Правительства. Также Правительство может создавать постоянные или временные совещательные органы, в том числе коллегии, комиссии и группы по различным направлениям, входящим в компетенцию Правительства.

Глава 3 «Полномочия Правительства» определяет общие полномочия Правительства (ст. 23), основные полномочия Правительства по руководству исполнительными органами (ст. 24), в сфере экономики (ст. 25), в сфере городского хозяйства и транспорта (ст. 26), в сфере градостроительства и землепользования (ст. 27), в социальной сфере (ст. 28), в сфере природопользования и охраны окружающей среды (ст. 29), в сфере международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей (ст. 30), в сфере правопорядка и безопасности (ст. 31).

Следует отметить, что органы исполнительной власти в КФО представлены территориальными органами министерств и ведомств Российской Федерации, соответствующими федеральными службами и агентствами, а также прокуратурой Республики Крым и города Севастополя. Особенностью этих органов является их функциональная и организационная подчиненность своим центральным ведомственным органам исполнительной власти.

Судебная ветвь органов публичной власти в КФО находится на стадии развития. На данный момент судебные органы в полном объеме не сформированы, однако их структура и полномочия определяются Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁸, что дает возможность утверждать об отсутствии существенных различий судебной системы в КФО и иных субъектах Российской Федерации.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁹, Конституции Республики Крым и Устава города Севастополя законодательную (представительную) функцию государственной власти исполняют парламенты субъектов федерации, в Республике Крым — Государственный Совет Республики Крым, в городе Севастополе — Законодательное Собрание города Севастополя.

Законом Республики Крым от 15 мая 2014 г. № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республике Крым — Парламенте Республики Крым»¹⁰ определены основные функции парламента Крыма, к которым относятся: законодательная (ранее, до вхождения в состав России, Крымский парламент не имел этой функции, ниже этот вопрос будет рассмотрен

более детально), представительная и контрольная. По сравнению с ранее действующим Верховным Советом Автономной Республики Крым (далее — Верховный Совет АР Крым) в действующем парламенте снижена численность депутатов со 100 до 75. Существенно расширены полномочия Государственного Совета по сравнению с Верховным Советом АР Крым. Основным, на наш взгляд, является то, что Парламент Республики наделен законодательной инициативой в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, ему предоставлено право установления порядка проведения выборов депутатов Государственного Совета и определение системы органов исполнительной власти. Парламент Крыма также наделен возможностью формировать корпус мировых судей, создавать судебные участки. Еще одним существенным отличием является возможность работы депутатов Государственного Совета Республики Крым на профессиональной постоянной основе.

Отдельно следует указать, что Верховный Совет АР Крым и городской совет Севастополя по своей сути не были законодательными органами власти, они выполняли исключительно представительские функции. Указанный тезис подтверждается п. 3 ст. 1 Закона Украины «Об утверждении Конституции Автономной Республики Крым», в котором было закреплено, что Верховный Совет АР Крым является представительским органом АР Крым и осуществляет представительские, нормотворческие, контролирующие функции и полномочия в пределах своей компетенции¹¹. Аналогичное положение было предусмотрено также в Законе Украины «О Верховной Раде Автономной Республики Крым»¹². Правовой статус городского совета Севастополя был определен Законом Украины «О местном самоуправлении в Украине»¹³.

На данный момент статус Парламента города Севастополя определен Уставом города Севастополя, который принят 11 апреля 2014 г., а именно Главой IV «Законодательное Собрание города Севастополя». Устав, а также Закон города Севастополя от 10 июля 2014 г. № 35-ЗС «О Законодательном Собрании города Севастополя»¹⁴ предусматривают численный состав Законодательного Собрания — 24 депутата (в ранее существовавшем Севастопольском городском совете числилось 75 депутатов).

После принятия вышеуказанных Устава и Закона полномочия и функции Законодательного Собрания города Севастополя значительно расширены по сравнению с полномочиями и функциями Севастопольского городского совета.

Законодательное Собрание приобрело право законодательной инициативы в Парламенте государства, установилась возможность влиять на

формирование судейского корпуса в городе. Часть полномочий делегирована органам местного самоуправления — внутригородским муниципальным образованиям (10 внутригородских муниципальных образований).

Следует отметить, что отделение города Севастополя от Украины по результатам референдума и смена названия Севастопольского городского совета не признается руководством Украины. Формально Севастопольский городской совет продолжает существовать в прежнем статусе, в отличие от Верховного Совета АР Крым, который был распущен Верховной Радой Украины 15 марта 2014 г.¹⁵

Крымские местные органы публичной власти, существование которых было предусмотрено Законом Украины «О местном самоуправлении в Украине», в период с марта по декабрь 2014 г. были ликвидированы.

На основании Конституции РФ, федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», «О муниципальной службе в Российской Федерации», а также законов Республики Крым «О Государственном Совете Республики Крым — Парламенте Республики Крым», «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в Республике Крым, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Республике Крым», «Об административно-территориальном устройстве территории Республики Крым», «Об основах местного самоуправления в Республике Крым», «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым», законов города Севастополя «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в городе Севастополе, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов внутригородских муниципальных образований первого созыва в городе Севастополе», «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе», «О системе исполнительных органов государственной власти города Севастополя», «О правительстве Севастополя» сформированы новые органы местного (муниципального) управления. Основным моментом, который существенно отличает органы местного управления в украинский период и в настоящее время, является разделение полномочий городского главы (мэра города). В соответствии со ст. ст. 5, 12, 42 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» «городской

голова» выступал руководителем представительного и исполнительного органа местного самоуправления. В процессе трансформации местных органов в Крымском федеральном округе произошло разделение местных (муниципальных) органов публичной власти. Например, в Ялте созданы представительный орган муниципальной публичной власти в лице Ялтинского городского совета и исполнительный орган Ялтинского муниципального образования в лице администрации Ялты.

В качестве выводов можно отметить, что в структуре органов публичной власти Крыма и Севастополя в период с марта по декабрь 2014 г. произошли существенные трансформации, вызванные воссоединением с Российской Федерацией. Сформированы законодательные органы власти Республики Крым и города Севастополя, которым предоставлена реальная возможность принятия региональных законов. Законотворческая деятельность законодательных органов субъектов КФО по принятию региональных законов, а также наличие у них возможности законодательной инициативы в Государственной Думе РФ обеспечили формирование правовой базы, которая позволила в кратчайшие сроки осуществить политическую, экономическую и социальную интеграцию вновь созданных субъектов в российское правовое пространство.

С положительной стороны следует отметить разделение полномочий представительской и исполнительной власти муниципальных (местных) органов власти в КФО. Такого рода инициатива направлена на реализацию конституционных положений по применению принципа «сдержек и противовесов», а также имеет криминологический эффект, связанный с минимизацией коррупционных рисков в сфере муниципальных органов власти.

¹ *Об образовании Крымского федерального округа* : указ Президента Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 168. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4cb1349c4325d7681.pdf> (дата обращения: 14.03.2016).

² *Кашкаров А. А. К вопросу об определении содержания «публична власть» в современном демократическом обществе* // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 172–175.

³ *О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе* : указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20, ст. 2112.

⁴ *Долгалева О. В. Институт полномочного представителя Президента РФ в системе органов государственной власти: проблемы обособления* // Проблемы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 50–53.

⁵ *Буцакова М. А. Координационные начала деятельности полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах в сфере охраны окружающей среды* // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2010. № 2. С. 36–42 ; *Чер-*

касов К. В. Федеральные округа: сущность и место в федеративном устройстве России // Гос-во и право. 2008. № 12. С. 68.

⁶ О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым : закон Республики Крым от 29 мая 2014 г. № 5-ЗПК. URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/5z.pdf> (дата обращения: 14.03.2016).

⁷ О Правительстве Севастополя : закон города Севастополя от 30 апреля 2014 г. № 5-ЗС // Севастопольские известия. 2014. 30 апр.

⁸ О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158706;fld=134;from=12834-7;rnd=189271.9077602853067219;;ts=01892717677944011520594> (дата обращения: 14.03.2016).

⁹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12117177/> (дата обращения: 14.03.2016).

¹⁰ О Государственном Совете Республике Крым — Парламенте Республики Крым : закон Республики Крым от 15 мая 2015 г. № 2-ЗПК. URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/2z.pdf> (дата обращения: 14.03.2016).

¹¹ Об утверждении Конституции Автономной Республики Крым : закон Украины от 23 декабря 1998 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. 1999. № 5–6, ст. 29.

¹² О Верховной Раде Автономной Республики Крым : закон Украины от 10 февраля 1998 г. // Там же. 1998. № 29, ст. 191.

¹³ О местном самоуправлении в Украине : закон Украины от 21 мая 1997 г. // Там же. 1997. № 24, ст. 170.

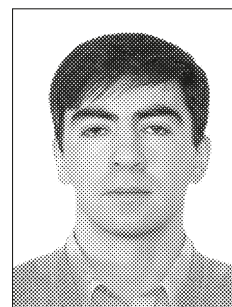
¹⁴ О Законодательном Собрании города Севастополя : закон города Севастополя от 10 июля 2014 г. № 35-ЗС // Севастопольские известия. 2014. 12 июля.

¹⁵ О досрочном прекращении полномочий Верховной Рады Автономной Республики Крым : постановление Верховной Рады Украины от 15 марта 2014 г. № 891-VII // Голос Украины. 2014. № 48 (спецвыпуск).

Производство субъективности на пределе прав человека

А. В. Яркеев

Рассматривается тема прав человека, актуализированная проблемами их реализации в современном обществе. В аспекте социально-философского интереса проблематика прав человека раскрывается как попытка переопределения сущности существования человека в современных условиях. Универсальный дискурс прав человека сводит человеческое бытие к простому факту «голой жизни», присущей каждому индивиду как его исходное «нулевое» основание. В рамках современной «политики жизни» индивид как объект управления наделяется правами только в соответствии с теми или иными стратегемами власти. Решение проблемы видится посредством обращения к субъективности, основанием которой выступает мышление как универсальная характеристика человеческой множественности и подлинное человеческое право.

Ключевые слова: права человека, мышление, субъективность, социальное зло, биополитика.

Проблематика прав человека становится актуальной в ситуации предельности, когда существование человека/человечества оказывается под угрозой. Очевидно, что исходная фактичность человеческого существования не нуждается ни в каком праве, чтобы *быть*. Как справедливо по этому поводу пишет Ж. Бодрийяр, «если нечто само собой разумеется, то всякое право становится излишним, но если в отношении той или иной вещи возникает необходимость установления права, то это означает, что сама эта вещь приближается к своей гибели»¹. Возникая на границе человеческого бытия, «права человека» маркируют некоторую точку напряжения, в которой обнаруживается взаимообращенность смыслов юридической и философской дискурсивности. Современные социально-философские дискуссии на эту тему разворачиваются от обоснования необходимости прав человека до утверждения их невозможности и даже иллюзорности. Несмотря на своеобразный теоретический континуум различных точек зрения по поводу существования прав человека, само наличие многообразных позиций свидетельствует о проблемах с реализацией (исполнением) прав человека.

Пожалуй, именно нацистские преступления как выражение радикального зла в XX в. актуализировали понятия «преступление против человечества» и «преступление против человечности». Впервые в истории массовое уничтожение людей приобрело характер целенаправленного и планомерного мероприятия, лишеного какой бы то ни было утилитарной необходимости. Это было такое беспрецедентное преступление, которое «поставило под угрозу мировой порядок и все человечество в целом»². Одно дело — крупномасштабные войны, сопровождающиеся гибелью большого количества людей, но совсем другое — некая дьявольская телеологическая «метафизика», *telos*'ом которой является истребление человечества и человечности. Х. Арендт подчеркивает разницу между преступлениями против *человечества* и преступлениями против *человечности*. Преступление против человечности — это преступление против природы (сущности) человека, т. е. против того, что делает человека человеком и без чего слова «человек» и «человечество» лишились бы всякого смысла. В конечном счете преступник становится преступником не потому, что убил кого-то, а потому,

что нарушил устройство человеческого общежития, преступив прежде всего через «человеческое» в самом себе.

Сущность человека заключена в его способности к мышлению. Мышление — общеродовая, универсальная характеристика человека именно как человека, а не животного. «Жизнь без мышления вполне возможна, но тогда она лишена собственной сущности — она просто бессмысленна, это не в полной мере жизнь. Немыслящие люди подобны сомнамбулам»³. Способность мышления, по Канту, не является исключительной прерогативой какой-то группы лиц, выделенной по интеллектуальному, этническому, территориальному, классовому, половозрастному, профессиональному или какому-либо еще признаку. Это то, что пересекает по диагонали все страты и классы, все различия и множественности. Подобно нейтральным водам в морском праве, мышление сходным образом представляет собой такую же нейтральную территорию, которая не принадлежит по отдельности никому и одновременно принадлежит всем, вместе взятым, является общим достоянием человечества. Это достояние образует подлинное достоинство человека. Данное соображение, полагает Кант, «может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества»⁴. Человеком может считаться лишь тот, кто не отказывает себе и другим в этой способности и требует от самого себя уважительного к ней отношения. Отказываясь от способности мышления, преступник тем самым в своем лице отказывает в этой способности и всем остальным людям, превращая их в представителей «голой жизни», единственным предикатом которой является то, что ее можно отнять. Исключая себя из общества, преступник превращает общество в своего врага и становится врагом для общества. Исключение себя из общества через присвоение права решать, кому жить, а кому умереть, оборачивается правом каждого не желать жить на земле с тем, кто настаивает на своем особом, исключительном статусе.

Суть проблемы, которая выходит за пределы правосудия, выразила Х. Арндт в работе «Банальность зла», написанной ею после участия в освещении судебного процесса над А. Эйхманом, отвечавшим в нацистской Германии за так называемое «окончательное решение еврейского вопроса». Персона Эйхмана являла собой образец типичного обывателя со всеми признаками респектабельности и добропорядочности. Он не был ни садистом-извращенцем, ни идеологическим фанатиком — наоборот, это был абсолютно нормальный и законопослушный гражданин. Но то, что его наиболее ярко характеризовало, — это полное отсутствие собственного мышления, критического взгляда на происходящее вокруг и способности са-

мостоятельно выносить суждение. Такой тип «совершает свои преступления при таких обстоятельствах, что он практически не может знать или чувствовать, что поступает неправильно»⁵. По мнению Дж. Агамбена, «потребовалось почти полвека, чтобы понять, что право не только не исчерпало этой проблемы, но что сама проблема была настолько огромной, что это поставило под вопрос существование самого права и привело его к краху»⁶.

В явном виде «права человека» выходят на историческую авансцену в контексте, образованном великими революциями XVII–XVIII вв. Как отмечает Х. Арндт, принципиальная новизна этих революций (особенно Французской революции) заключалась в том, что она разворачивалась как социальное движение, в основе которого лежит *биологическая необходимость* «обеспечения непрерывно протекающего и не подчиненного нашему желанию и воле процесса жизнедеятельности нашего организма»⁷. Будучи перенесенным из астрономии, где оно первоначально использовалось применительно к вращению небесных тел, в политику, слово «революция» стало обозначением динамики циклически повторяющихся человеческих потребностей. «Нужда» же начиная с греко-римской античности и вплоть до XVIII в. была морально-правовым понятием об испорченной, злой природе человека и политико-космологическим понятием о злом роке, взятом в отношении к народу и государю. Нужда — это зло, ибо нужда ввергает человека в животное состояние. Испытывая нужду, человек идет на совершение преступлений (а народ поднимает восстание), т. е. разрывает общественный договор и превращает себя в зверя, врага общества.

Если в античной Греции права человека были правами гражданина, включенного в политическое пространство полиса, в котором естественное неравенство людей становилось равенством граждан перед общими законами и институтами, то в биополитике люди понимаются как равные по природе, по факту рождения, а становятся неравными из-за социальных и политических обстоятельств⁸. Уже Аристотель определял демократию, противопоставляя ее олигархии, как «власть неимущих», «власть бедных», которые являются воплощением биологической нужды. Рассуждая о причинах государственных переворотов, Аристотель предлагает «исходную точку зрения», согласно которой большая часть видов государственного устройства «опираются на право и предполагают относительное равенство; но в понимании этого равенства допускалась ошибка...»⁹. Суть ошибки демократического устройства выражена во мнении, что «равенство в каком-нибудь отношении влечет за собой и равенство вообще»¹⁰. Поэтому в демократиях все притязают на полное равноправие. Равенство биологических потребно-

стей является движущей силой революции и принципом организации демократии, в которой относительное (частное) равенство в нужде принимается за абсолютное равенство. Если граждане, исходящие из своих ошибочных предпосылок, «не получают своей доли в государственном управлении», то они «поднимают мятеж»¹¹.

С изменением отношения к нужде как к «социальному вопросу» естественные процессы, разворачивающиеся под покровом биологических потребностей, не могут определяться более в категориях добра и зла — они суть природные, необходимые и неизбежные процессы. Нужда есть то, что она есть. Она является воплощением закона природной необходимости, в зоне которой существует человеческий вид животного царства. Злом теперь, скорее, является противостояние этой природной силе, поэтому цель политики состоит в том, чтобы позволять этой силе осуществляться в меру присущей ей необходимости. Если юридический закон всегда конституирует некое воображаемое пространство, возникающее в рамках представления по поводу того, что могло бы быть, но не должно быть сделано, то существование естественных процессов берется в аспекте их наличной действительности вне зависимости от того, являются они желательными или нет. Отсюда следует, что политико-правовое должно встраиваться в порядок природы, а не иметь дело с подчинением людей некоторой совокупности правил, не дающих проявиться дурной природе человека. Свобода теперь отсылает к возможности «свободного» движения этих необходимых процессов, а не к льготам и привилегиям морально-правовой личности. Иными словами, свобода становится неотличимой от естественной необходимости. Эта биологическая необходимость образует самое фундаментальное и неотъемлемое право человека (право на жизнь = право на самосохранение = право на удовлетворение биологической нужды). На смену человеку как «мыслящему существу» приходит человек как «голодное существо»¹². Рождение такого представления в новоевропейскую эпоху становится отправным моментом возникновения современной биополитики, согласно которой жизнь как сфера не зависящих от мышления и воли необходимых потребностей организма есть высшее благо и цель любой политики. Политические и гражданские права замещаются экономическими правами потребителя. Потребительское «право выбора» в условиях широкого набора возможностей, предоставляемых рынком, выступает знаком коллективной благодати и формальной демократической свободы. Равенство прав задается равенством возможностей по удовлетворению своих потребностей.

В биополитическом подходе человек, определяемый через процессы жизнедеятельности, зада-

ется как «человек вообще», «человек как таковой». Поскольку в таком представлении о «человеке вообще» отсутствует конкретная отнесенность его существования к историческому, культурному, политическому и юридическому контексту, постольку обнаруживается невозможность применения к нему прав гражданина, обеспеченных политическими гарантиями. Ввиду того что «человек вообще» никогда и нигде не существовал и не существует, права человека работают только в режиме абстрактной применимости. Но попытка их прикладывать к реальности всегда обнаруживает несоответствие между конкретным человеком и идеальным «человеком вообще». Тем самым идеология «прав человека» производит иерархию людей, где есть «люди», «не вполне люди» и «не-люди». «Идеология прав человека, теоретически основывающаяся на принципе терпимости, несет в себе, как выясняется, нетерпимость самого крайнего толка, потенцию абсолютного отвержения»¹³.

Идеология «права на различие» как составная часть «прав человека» в действительности требует того, чтобы другие стали такими же, как мы, либо чтобы мы превратились в других. Отличие становится проблемой, когда оно начинает навязываться. Всем человеческим различиям противостоит, по мнению А. Бадью, то, что должно постулироваться в каждом из нас, а именно наше «бытие бессмертного», поскольку человек, в отличие от животного, держится на не-сущем. В мышлении человек способен выходить за пределы налично сущего, и это обстоятельство, как известно, делает его метафизическим существом¹⁴. Обстоятельства, которые делают нас «бессмертными» мыслящими существами, т. е. субъектами, не определяются имеющими место объективными ситуациями множественности или бесконечными различиями. Ведущее к появлению мыслящего субъекта возникает в этих ситуациях как нечто «сверх того», как «событие», которое представляет собой имманентный разрыв «внутри» ситуации с тем, что «просто есть», и которое принуждает людей решиться на новый способ бытия. Мы могли бы сказать, что таким событием, индуцирующим субъективность, является акт мышления, представляющий собой *решение «строить свои отношения с ситуацией с точки зрения событийного пополнения»*¹⁵.

Можно сказать, что «права человека» ставят вопрос о возможности и перспективах такого права, которое не опиралось бы на силу тех или иных норм конкретного городского пространства (полиса). Это связано с традиционным представлением о территории права как городском пространстве, поскольку правовые нормы провозглашаются и действуют в определенных границах, на некоторой суверенной территории. Территориальная принадлежность че-

ловека к городу (полису), который предоставляет ему защиту и убежище, понимается как гражданство.

Ж. Деррида тесным образом связывает вопрос о правах человека с правом на философию, которая также не имеет своего места в системе государства. Философ как *apolis* находится за пределами полиса, он стоит вне закона (ибо никакой закон не может регламентировать философию), несмотря на то что государство всегда пыталось подчинить и поставить философию себе на службу (в формах идеологии, морали и науки), легитимируя себя с помощью философии и тем самым оправдывая ее существование. Как полагает Ж. Деррида, философ сам является источником своего права и своей свободы, поэтому именно в таком качестве человек как *мыслящий* должен быть субъектом права вне зависимости от своей государственной принадлежности¹⁶. С этой позицией солидарен и А. Бадью. Философский дискурс не зависит от места того, кто говорит, и получает легитимность только от самого себя: «Нет никакой гарантии философского дискурса, которая давалась бы трансцендентной инстанцией, властью или священной функцией. Философия принимает то, что поиск истины открыт всем. Философом может быть кто угодно. То, что он говорит, подтверждается или опровергается не его положением, а лишь содержанием его речи»¹⁷.

По мнению А. Бадью, можно говорить о философии в двух основных смыслах. Согласно первому, философия — это рефлексивное познание истин в теоретической области и ценностей в области практической, имеющее организованную форму («школа») рациональной передачи этого знания. С точки зрения второй возможности, философия не является ни теоретическим, ни практическим познанием; суть ее состоит в радикальном преобразовании субъекта, в полном перевертывании существования. В этом смысле она представляет собой свободное обращение одного к кому-то другому. Классическим примером здесь является обращение Сократа к гражданам афинского государства¹⁸. Таким образом, во втором случае философия (мышление) выступает как полноценное действие в мире. Тогда ответом на современное явление «бездомности» все возрастающего количества людей могло бы быть хайдеггеровское понимание философии (мышления) как «тяги повсюду быть дома»¹⁹. Именно находясь в мышлении, человек находится «у себя дома», он обнаруживает себя при своей сути, является «при-сутствием» (*Da-sein*).

В преступном государстве преступление становится нормой или законом, а отказ повиноваться этому закону превращается в преступление. Что в таком случае позволяет человеку остаться человеком, т. е. не превратиться в преступника, если внешний закон является преступным? Иными словами,

что позволяет отличать справедливое от несправедливого, доброе от злого, человеческое от нечеловеческого? Следует согласиться с мнением Х. Арндт, что таким необходимым условием сохранения собственного человеческого достоинства является способность суждения или, собственно говоря, способность мышления. Мышление «предполагает наличие у человека некоей независимой способности судить о всяком новом поступке и намерении с чистого листа, полностью самостоятельно, не опираясь ни на право, ни на общественное мнение»²⁰. Таким образом, никакой внешний закон — ни божественный, ни моральный, ни юридический — не способен гарантировать человеческое бытие. Эту гарантию может дать только внутренний закон, т. е. закон мышления, который И. Кант, как известно, разложил на три взаимосвязанных принципа: 1) мыслить самостоятельно; 2) не противоречить самому себе; 3) мыслить широко, мысленно ставить себя на место других людей. Эти три принципа содержатся в категорическом императиве, «повиновение» которому означает, что «я повинуюсь своему собственному разуму, а закон, который я себе даю, имеет силу для всех разумных созданий»²¹.

Внешним эквивалентом внутреннего закона является кантовская «трансцендентальная формула публичного права», согласно которой внутренний закон без всяких посредников должен стать источником права. Всякая максима неправильна, если она не может стать всеобщим законом. Согласно такой точки зрения, мое отношение к другим принципиальным образом зависит от отношения к самому себе. Осознанная необходимость жить в ладу с самим собой устанавливает внутренние границы того, что человек может себе позволить. Зло становится возможным там, где подобные границы полностью отсутствуют. Следовательно, мышление как таковое оказывается главным условием, которое заставляет людей воздерживаться от совершения зла или даже способно настраивать их против зла.

Право человека должно пониматься через пространство мышления, требующего переопределения человеческого присутствия, сведенного в настоящее время к биологическому воспроизводству, на его собственной основе в качестве суверенного существа, субъекта, обладающего правом на осмысленное бытие среди других мыслящих и говорящих людей. В этой перспективе право является *внутренней* границей человеческого бытия, точкой субъект-объектного самоотношения человека; посредством права человеческое бытие самоопределяется, свободно устанавливая самому себе границы «правового» бытия. Нет никакой внешней трансцендентной инстанции, которая бы выступала источником права. Тогда отношение между правом и человеческой жизнью будет зада-

ваться не в противопоставленности и не в терминах власти и насилия, а в их сущностной взаимной принадлежности и имманентности в пространстве символического бытия, в котором право человека является «правом быть человеком».

- ¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2009. С. 130.
² Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008. С. 410.
³ Арндт Х. Жизнь ума. СПб., 2013. С. 189.
⁴ Кант И. Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 373.
⁵ Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. С. 411.
⁶ Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012. С. 19.
⁷ Арндт Х. О революции. М., 2011. С. 75.
⁸ Там же. С. 33.
⁹ Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 526.

- ¹⁰ Там же.
¹¹ Там же. С. 527.
¹² Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003. С. 7.
¹³ Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М., 2015. С. 10.
¹⁴ Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. С. 26.
¹⁵ Бадью А. Этика : очерк о сознании Зла. СПб., 2006. С. 65.
¹⁶ Derrida J. Ethics, institutions, and the right to philosophy. Oxford, 2002. 124 p.
¹⁷ Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М., 2013. С. 37.
¹⁸ Там же. С. 16–18.
¹⁹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 330.
²⁰ Арндт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 74.
²¹ Там же. С. 107.

УДК 316.354 © А. С. Петракова, 2017

Конструирование процессов идентификации и самоидентификации личности в социальной философии Аристотеля

А. С. Петракова

В статье рассматривается понимание проблемы идентификации и самоидентификации личности Аристотелем. Затрагиваются онтологические, гносеологические и аксиологические аспекты исследуемых вопросов. Показана связь процессов идентификации и самоидентификации с социальным контекстом бытия. Автор заключает, что идентификация у Аристотеля способствует формированию самосознания и может быть осуществима лишь в русле познавательной деятельности.

Ключевые слова: идентификация, самоидентификация, социальный контекст, идентификационные доминанты, идентичность, манипуляция, самосознание.

Явления идентификации и самоидентификации личности сопровождают все процессы жизнедеятельности индивида и существенным образом влияют на формирование его самосознания. Идентификация является «механизмом присвоения отдельным индивидом всесторонней человеческой сущности»¹, способствует формированию базисного личностного конструкта, который отвечает за индивидуальное и коллективное в человеке одновременно, определяя траекторию его поведения в конкретных историко-культурных условиях бытия. О важности данной проблемы свидетельствует и то, что к ее исследованию философы обращались с момента зарождения метафизических представлений о бытии человека

в мире. По нашему мнению, истоки изучения феномена идентификации, его качества и значения лежат еще в античной философии, в том числе в творчестве Аристотеля. Целесообразно рассмотрение проблемы идентификации и самоидентификации личности в социальной философии древнегреческого мыслителя комплексно, с учетом онтологических, гносеологических и аксиологических аспектов.

В социальной онтологии Аристотель решает проблему идентификации следующим образом: в основе процесса отождествления себя лежат целевые установки личности, определяемые как самой личностью, так и общественными ожиданиями. Иными словами, человек уподобляется тому соци-

альному типу, который продуктивен для него с точки зрения возможности реализации жизненных планов. При этом последние во многом определяются действительным социальным статусом и социальными перспективами. Таким образом, процессы идентификации протекают в объективных условиях бытия и ими определяются. В то же время самоидентификация в данном контексте носит субъективный характер и зависит от индивидуальных особенностей личности, развиваемых и реализуемых в социальном контексте.

О социальной природе процесса идентификации свидетельствует признание философом первичности коллективного начала в человеке в ущерб индивидуальному. «Человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству»². Персонификация индивида, его самоутверждение могут, по Аристотелю, проистекать только в социальной среде, но никак не вне ее, и это, в свою очередь, детерминирует не только весь процесс самоидентификации, но и обуславливает соответствие поведения общественной норме и коллективным ожиданиям. Вопрос идентификации становится еще более значимым в контексте сохранения существующего общественно-политического строя, а также консервации социальных отношений³.

Важной онтологической характеристикой процессов идентификации личности является признание самоценности жизни. В этом признании сливаются воедино одновременно две онтологические категории, такие как сущность и существование, поскольку существование человека, сама его жизнь и то, что ее наполняет, одновременно определяют ее смысл и становятся ее сущностью. В этом контексте человек идентифицирует себя с живым существом, бытие которого наполнено смыслом, и этот смысл — в достижении блага коллективного как средства приобретения блага индивидуального. Человек идентифицирует себя с субъектом бытия, ищущим, познающим, действующим активно и целенаправленно. Движение человека, объединение с другими людьми, целенаправленная активность — все это лежит в основе идентификации себя как человека разумного, как субъекта деятельности и познания.

Доминирование социального начала как основа личностной идентичности продуцирует стремление к власти как к источнику индивидуального блага. Приобретение власти рассматривается как источник свободы и одновременно как условие существования государства, поскольку последнее «есть общение свободных людей»⁴.

Есть в процессе идентификации и субъективный момент, а именно врожденные задатки, склон-

ности, способности, таланты, которые и отличают, по мнению Аристотеля, «дельных людей» от людей, «взятых из массы»⁵.

Иными словами, социальная дифференциация самым непосредственным образом влияет на идентификацию личности, поскольку те, кто рожден властвовать, отождествляют себя с высшими сословиями, переживая и принимая внушенную им извне собственную значимость в масштабе общества и реализации его будущих перспектив. Те же, кто подобное воздействие не испытывает, подвергаются другому наущению: мыслят себя как необходимая и полезная часть общества, обеспечивающая его функционирование за счет реализации своих биологических функций и выполнения предназначенных им социальных ролей.

У Аристотеля можно увидеть, что в процессы идентификации часто вмешивается манипуляция, посредством которой происходит внедрение в сознание базисных идентификационных ориентиров. Так, для «дельных людей» таковыми становятся целевые установки на обучение, познание, преобразование, движение, развитие в рамках заданной доктрины социального устройства, а для «массы» — непрерывное общественное функционирование, труд и безынициативность, обеспечивающие в совокупности выживание общества, реализацию коллективистских идей, социально-экономическое развитие и политическую стабильность⁶.

Масса — это средство управления, манипулируя которым можно добиться смены политического курса, реформирования, стабилизации или реконструкции общественных отношений и устоев. Именно поэтому манипуляционные процессы крайне важны как способ и инструмент идентификации. Именно они закладывают в идентификационный базис те фундаментальные конструкты, которые в будущем могут быть использованы для управления народом и государством. Отсюда дифференцированный подход к осуществлению идентификации в обществе: к одним — как к будущим «дельцам», обучаемым властвованию, к другим — как к «людям массы», обязанным уметь подчиняться.

Равенство, в понимании Аристотеля, весьма условно, поскольку оно лишь «для равных», т. е. для людей одного слоя, круга; людей, объединенных общими идентификационными ориентирами и продуцируемыми ими жизненными установками, целями и стремлениями. «Справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся»⁷.

Таким образом, в основе процесса идентификации у Аристотеля, с одной стороны, лежит понимание индивида как человека мира, как части самой

вселенной, имеющего собственное предназначение и свой путь познания и развития, а с другой — идентификационные процессы обусловлены социальными условиями бытия, а потому осуществляются преимущественно под внешним воздействием общественно значимых социальных атрибутов.

В основе познания в гносеологической концепции Аристотеля лежит бессознательное стремление человека к постижению и осмыслению мира. Именно поэтому процессу рационального познания предшествует момент чувственного восприятия. Ключевым этапом процесса восприятия Аристотель считает память, которая позволяет человеку сохранять в сознании воспринятые им образы и создавать с помощью мышления целые конструкты. Как указывает А. О. Левашкина, «начиная с Аристотеля, тождество само по себе наделяется более фундаментальным значением, чем различие само по себе... идентификация рассматривалась как отождествление со структурами чистого мышления»⁸. Именно способность человеческого разума не только воспринимать, но сохранять в памяти, воспроизводить и синтезировать воспринятое в единые объекты сознания и отличает его от любого животного, делая человека высшей ступенью эволюции живого мира. Процессы идентификации не могут осуществляться отдельно или вопреки процессам познания, поскольку само отождествление себя или иного объекта с любым элементом мира начинается с познания себя и этого самого мира, а затем поиска общих оснований, которые бы позволили утвердить тождественность. Таким образом, теория гносеологии Аристотеля напрямую указывает на способность и подсознательное стремление человека к идентификации себя и других объектов мира вокруг.

Идентификация не была бы возможной без опыта, поскольку опыт — это «ряд воспоминаний об одном и том же объекте», и «люди, действующие на основании опыта, достигают даже большего успеха, нежели те, которые владеют общим понятием, но не имеют опыта»⁹. Приобретение опыта позволяет человеку постигать сущность вещей, воспринимаемых чувственно, сопоставлять между собой признаки этих вещей, искать общие основания, иными словами, анализировать, сравнивать, синтезировать знание. Именно приобретение опыта, по Аристотелю, обуславливает возникновение науки и искусства, поскольку искусство появляется тогда, «когда в результате ряда усмотрений опыта установится один общий взгляд относительно сходных предметов»¹⁰. Данный процесс есть сущность идентификации, где в основе лежит изучение объекта, многократное восприятие его с тем, чтобы приобрести о нем опыт и выявить его сходство с другими объектами, т. е. установить тождество.

Можно сказать, что идентификация у Аристотеля сродни искусству, где установление общего позволяет идентифицировать не один объект, а целый класс объектов. Более того, способность обучать возможности установления тождества или различия преобразует искусство уже в науку. Возможность человека мыслить, анализировать обуславливает способность искать причины и следствия тех или иных процессов. Философ делает вывод, что значимость науки значительно выше искусства, но первопричиной остается память, формирующая опыт. Аристотель отмечает, что познавательная активность может быть направлена как вовне субъекта, так и внутрь его, а потому ценность метафизики — в ее способности постигать всеобщее как в человеке, так и в мире, неизмеримо выше практических наук, таких как этика или политика, и тем более выше эстетики, служащей лишь наслаждению человека миром. Индивид может быть идентифицирован как мудрец только в случае обладания представлением о всеобщем: «Мудрый знает все, насколько это возможно, не имея знания в отдельности о каждом предмете»¹¹.

Гносеология Аристотеля тесно связана с онтологией, поскольку человек познает не ради познания, но для самоопределения, нахождения своего места в мире, назначения, он ищет первоначала мира не ради них самих, а для постижения причин и сущности бытия. Все это в конечном итоге приводит его к тому, что индивид занимается самоидентификацией, иными словами, постигает себя как существо биологическое, сродни животному, обладающему телом, инстинктами, чувственным восприятием, как существо психическое, одухотворенное, обладающее душой, которая предопределяет поступки человека, его поведение, способность осознавать себя как части чего-то большего, чем он сам, как элемент мира и материального, и духовного одновременно. Вместе с тем способность к познанию у Аристотеля предопределяет самоидентификацию человека как существа политического, обладающего социальным статусом, играющего социальные роли, способного устанавливать правила поведения в обществе на основе имеющихся у него ценностей, убеждений, разделяемых им норм. Следовательно, процессы идентификации продиктованы не только способностью к познанию самого себя и мира вокруг, но и стремлением к пониманию истинной ценности бытия, поиска благ. Ведь человека определяют не только биологические и психологические аспекты его сущности, но и его мировоззрение, основа которого есть социальное начало бытия.

Итак, каждый человек идентифицирует себя и других по социальной принадлежности. Идентификационными признаками в данном случае будут гражданственность, национальность, происхождение

ние, сословная принадлежность и пр. В аксиологическом аспекте философского осмысления проблемы идентификации Аристотелем идентификационными определяющими станут, таким образом, те ценностные ориентиры, которые формируются у человека как части конкретного социума под влиянием внешних факторов — законов и социальных норм. Бесспорно, ценностью у Аристотеля является гражданственность в широком смысле как принадлежность к государству и в узком — как отношение к власти, т. е. социальный статус, определяемый занимаемой должностью и местом в социальной иерархии. Важное место в системе ценностей занимает понятие добродетели. Так, «добродетель дельного гражданина и хорошего мужа вообще не одна и та же», поскольку ценности дельного правителя состоят в практическом умении заниматься делами государственной важности, а простого государственного мужа — в рассудительности¹². При этом и тот и другой могут быть идентифицированы друг другом как сходные субъекты по иным основаниям, например, честность, воспитанность и пр.

Таким образом, ценности формируются у Аристотеля только под влиянием социально-политических факторов, их источником для человека является его общественное положение, статус, предназначение. Идентификация здесь имеет источником внутреннюю потребность человека в самосознании и самоопределении, но осуществляется под влиянием внешних социальных факторов — общественных идеалов и ожиданий, всего того, что именно социумом признается как имеющее ценность. «Добродетель хорошего мужа есть способность властвовать, а добродетель гражданина... по-видимому и заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться»¹³, из чего следует, что понимание ценности для различных категорий граждан также неодинаково. Основания для идентификации себя как добродетельного человека, справедливого, честного, умелого также различны, их дифференциация опирается на место человека в социальной иерархии. Так, для правителя нужно быть справедливым, но ценность справедливости в том, что она неодинакова для тех, кто равен друг другу по статусу, и для тех, чей статус различен. Указывая на индифферентные основания для социальной идентификации, можно указать и на гендерные различия. Женщина, идентифицируя себя как храбрую, в то же время не может сравниться в храбрости с мужчиной. Такая добродетель, как хозяйственность, присуща и женщинам, и мужчинам, но «его дело — наживать, а ее — сохранять»¹⁴. Единственной добродетелью, присущей всем слоям населения, Аристотель считает рассудительность. Каждый из членов общества, идентифицируя себя как человека рассудительного, при этом

использует различные критерии рассудительности. Так, правитель должен подумать о всеобщем благе и рассудительно отбросить честность или быть по-разному справедливым для различных социальных слоев, в то время как рассудительность раба ценна тем, что дает ему мотивацию жизни, труду и надежду на возмездие своим господам. Таким образом, аксиологические основания идентификации как процесса отождествления личности с иными объектами действительности у Аристотеля имеют под собой лишь социальную основу. Они возникают изнутри как необходимость к самоидентификации, но в процессе своего осуществления преломляются под воздействием окружающей человека социальности. Человек воспринимает самое себя не так, как в процессе познания, а с позиции ожиданий общества. В противном случае происходит рассогласование образов «Я».

Итак, основания идентификации и самоидентификации личности в социальной философии Аристотеля заключены в социальном контексте бытия. Более того, именно в нем сама идентичность приобретает действительную ценность, поскольку способствует формированию самосознания, развитию адаптивности к меняющимся общественно-политическим и культурным условиям. Идентификация и самоидентификация у Аристотеля — не изолированные процессы, напротив, в их протекание активно вмешивается манипуляция, целью которой является внедрение в индивидуальное сознание определенных идентификационных доминант, определяющее деление людей на «дельных» и «массу». Идентификация осуществима лишь в контексте процессов познания, поскольку формированию идентификационных конструктов предшествует опыт как результат восприятия и мышления. Аксиологические основания идентификации у античного мыслителя также детерминированы социально-политическим контекстом жизни. Человек в своей системе ценностей имеет лишь те ориентиры, которые соответствуют общепринятым представлениям о должном на конкретном историческом этапе развития общества. Стоит отметить, что исследование Аристотелем проблемы идентификации и самоидентификации личности во многом предопределило направления дальнейшего изучения данного вопроса в социальной философии Средневековья (Ф. Аквинский, Н. Кузанский) и Нового времени (Дж. Беркли, Д. Юм и др.).

¹ Мухина В. С. Личность, ее развитие и бытие на пересечении внешних реалий и внутренней позиции // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете : сб. мат-лов юбилейной конф. : в 5 т. М., 2015. Т. 3. С. 55.

² Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 454.

³ Полежаева Н. П. Социально-философский аспект осмысления идентификации и носителей идентификационных практик // Омский научный вестник. 2006. № 6. С. 42.

⁴ Аристотель. Указ. соч. С. 455.

⁵ Там же. С. 463.

⁶ Петракова А. С. Пределы манипуляции сознанием личности: социально-философский анализ : монография. Краснодар, 2012. С. 30.

⁷ Аристотель. Указ. соч. С. 480.

⁸ Левашкина А. О. Трактовки понятия идентификации в отечественных и зарубежных исследованиях // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки. 2013. № 3, т. 2. С. 209.

⁹ Аристотель. Метафизика: переводы, комментарии, толкования. СПб–Киев, 2002. С. 29–30.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 32–33.

¹² Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. Т. 4. С. 450.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 451.

УДК 101.1:316 © М. А. Антипов, 2017

Философско-методологические основы развития экологического сознания М. А. Антипов

В статье представлен социально-феноменологический подход к проблеме формирования экологического сознания. Предложено авторское понимание уровней формирования когнитивных установок личности относительно природной среды, среди которых выделяются биологический, коллективно-архетипический и институциональный.

Ключевые слова: экологическое сознание, социальная феноменология, социальные типизации, жизненный мир, когнитивные установки, хабитуализация.

Проблема формирования экологического сознания более чем полвека не утрачивает своей актуальности, так как от ее решения зависит успешность преодоления комплекса противоречий во взаимоотношениях человечества с природой, относящихся к разряду глобальных проблем. Несмотря на развитие экологии как профессии и науки, ее институционализацию в обществе и совершенствование экологического законодательства, а также стремительное продвижение по пути развития все более совершенных технологий природоохранной деятельности и ресурсосбережения, многие экологические проблемы остаются нерешенными. Причина этого нам видится в недостаточном формировании экологически ориентированных установок в сознании людей. Для того чтобы наметить пути развития экологического сознания в обществе, считаем целесообразным определиться с понятием данного феномена и закономерностями его формирования у индивидов.

Трудности с интерпретацией экологического сознания обусловлены размытостью еще одного широкого понятия — сознания, которое насчитывает мно-

жество трактовок. Можно определять данный феномен как способность человека к целенаправленному, активному и творчески-преобразовательному психическому отражению, необходимую для проектирования и осуществления действий в повседневной и других сферах жизни. Так, природа и ее явления приобретают в сознании человека, имеющего свойство интенциональности, определенные смысловые оттенки, становясь уже не объективными фактами, а субъективными феноменами, на которые накладывают отпечаток индивидуальные особенности личности.

Мы считаем, что поведенческие и когнитивные установки относительно природы можно разделить на врожденные и приобретенные. К врожденным установкам относятся биологически обусловленные инстинкты, а также архетипические элементы коллективного бессознательного, выражающие первоначальный опыт взаимодействия социума с природой и вкрапленные в психику каждого с его рождения. Приобретенные установки формируются в ходе социализации индивида и интеграции его в социум.

На первоначальном, общем для человека и животных биологическом уровне осуществляется генетическая передача инстинктивных форм реагирования на окружающую среду, роль которых в поведении людей незначительна (чаще всего они проявляют себя при попадании человека в экстремальные ситуации). Животные проявления в поведении человека являются предметом этологии, что требует отдельного рассмотрения, поэтому мы сосредоточимся на уровнях, имеющих социокультурные основания.

Формирование когнитивных установок относительно природы как важнейшего компонента экологического сознания личности осуществляется в социуме посредством знаково-символических средств: от устного и письменного языка до знаков и образов национальной культуры и традиционного искусства. Утверждение о врожденных когнитивных установках может отослать нас к платонизму или теории врожденных идей Р. Декарта, но нам представляется более значимой теория коллективного бессознательного К. Г. Юнга, в соответствии с которой базовыми образцами знаковой апперцепции выступают архетипы как психические атавизмы, составляющие наиболее глубинный слой субъективного мира личности¹. Имеющие символическое выражение архетипические образы вызывают определенную познавательную и эмоциональную реакцию. Так, образы, относящиеся к архетипу тени («колдун», «демон», «черт», «смерть»), вызывают у нас одинаковые чувства — страх, отторжение, неприятие, желание изолироваться и закрыться от них. А, например, архетип героя выступает «наиболее эффективной и эффективной формой репрезентации властной элиты различных времен, народов и стран»².

Сферу архетипических когнитивных структур К. Г. Юнг считал наиболее глубинным уровнем психики человека, которые определяют отношение к миру и поведение³. На уровне коллективного бессознательного проявляются и архетипические образы отношения к природе. Например, вода как архетип знаменует собой первичное лоно, место зарождения жизни, источник энергии и душевных, а также физических сил. Именно поэтому созерцание чистой и прозрачной воды, а тем более соприкосновение с ней сопровождается у большинства из нас положительными эмоциями и улучшением самочувствия.

Что касается приобретенных в ходе социальных взаимодействий установок относительно природы, то их формирование происходит в процессе прохождения личностью социализации как стихийной, так и управляемой, которая осуществляется как значимыми для человека близкими людьми, так и разли-

чающимися по степени формализации социальными институтами.

На усваиваемые установки и типизации относительно природы, составляющие ядро экологического сознания, накладывают отпечаток менталитет, особенности психологии народа, а также социокультурные условия. Так, при сравнении условий традиционного общества и условий индустриального или постиндустриального можно выявить четкие различия и в формировании, и в содержании экологического сознания.

Раскрыть закономерности формирования экологического сознания на третьем из выведенных нами уровней — институциональном, на наш взгляд, поможет обращение к социально-феноменологической парадигме общественной жизни. Социальные феноменологи опираются на постулат, согласно которому человеку свойственно интерпретировать происходящие вокруг события посредством аппрециации и типизации. Сформированный в сознании индивида образец знаковой апперцепции как элемент его субъективного жизненного опыта служит когнитивным образцом для интерпретации (понимания, осмысления) последующих аналогичных событий индивидом. Таким образом, факт аппрецируется через те свои черты, которые уже знакомы субъекту. Подобная закономерность распространяется на познание природной действительности и социальной жизни.

Отражение и преломление природной действительности в общественном сознании, что составляет динамику экологического сознания, происходит при общении (взаимодействии) людей, в ходе которого они выражают свои мысли и чувства, что проявляется в продуктах их деятельности. Благодаря таким объективациям существует реальность повседневной жизни. Существующие в социуме традиции, стереотипы, нормы и ценности, касающиеся взаимодействия человека с природой и закрепленные в нормативных актах, философских и научных работах, художественных произведениях, относятся к объективациям наиболее значимых для социума элементов коллективного опыта. Важнейшим видом объективации, согласно классикам социальной феноменологии, является сигнификация — создание человеком знаков, выражающих чувства, желания и намерения по отношению к другим и к природе. Знаки, с помощью которых поддерживаются общие объективации повседневной жизни, объединяются в системы, важнейшей из которых является язык (знаками здесь выступают слова). Реальность повседневной жизни существует в языке, и лишь благодаря языку один индивид разделяет ее с другими. Знаки и символы выступают важнейшей формой бытия коллектив-

ных представлений, на основании усвоения которых у индивида формируется соответствующий набор повседневных знаний о природе и взаимодействии с ней. Таким образом, в основании формирования и развития экологического сознания лежат знаково-символические системы, важнейшей из которых представляется язык.

На основании усвоенных образцов знаковой апперцепции индивид интерпретирует воздействующие на него знаки и символы окружающей действительности и совершает релевантные своим экологическим представлениям действия относительно природной среды.

Рассматривая человека феноменологически, мы трактуем его как мыслящего субъекта (не зря основатель феноменологии Э. Гуссерль так много взял в картезианстве, центральной установкой которого является знаменитое «*cogito ergo sum*») ⁴. Итак, индивид — это мыслящий субъект, на основании формирующихся чувств и представлений реализующий свои жизненные проекты, спонтанные действия, аффективные акты и всем этим создающий свой жизненный мир и делающий свой вклад в конструирование социальной реальности как реальности интерсубъективной.

Воспринимаемую индивидом действительность можно представить как «мир, светящийся смыслом», т. е. подвергаемый совместной интерпретации и формируемый за счет взаимных типизированных действий. В осознании действительности и формировании и обогащении мировоззрения субъекта можно выделить ряд сфер или субмиров, одним из которых является мир повседневной жизни. Ему уделялось большое внимание в рамках классической социальной феноменологии. Наряду с ним можно выделить философский, научный, мифологический, религиозный компьютерно-виртуальный и иные субмиры, с которыми имеет дело сознание индивида в силу присущей ему интенциональности. Каждый субмир — это получающая реальность для индивида в конкретный момент времени область сферы его сознания, которую он актуализирует, одновременно приостанавливая активность остальных.

На уровне повседневного мышления вырабатываются, распределяются и обогащаются повседневные знания, носящие рецептурный характер и выступающие базовыми для каждого человека. Именно здесь, по нашему мнению, и вырабатываются исконные представления об отношении к окружающей среде, которые затем определяют их характер в реальности, и в то же время реальная практика взаимодействия с природным миром формирует представления о нем и отношение человека к его составляющим.

С миром повседневной жизни в феноменологии тесно связано понятие жизненного мира. «Жизненный мир — это сцена и одновременно объект наших действий и взаимодействий» ⁵. Жизненный мир — это все то, что дано человеку в опыте, то, с чем он непосредственно взаимодействует, модифицируя и модифицируясь. Другими словами, человек адаптируется к жизненному миру, изменяясь сам и изменяя мир согласно своим потребностям.

Неотъемлемой частью жизненного мира личности выступает природа, которая также воспринимается, осознается и наделяется целым набором смыслов. Природа существует как объективно и как часть объективной реальности может подвергаться непосредственному восприятию, так и в сферах индивидуального и общественного сознания. При этом смыслы, которыми наделяются те или иные природные факты, процессы и явления, также объективируются, т. е. интегрируются в общественное сознание с помощью знаково-символических средств, наиболее универсальным из которых является язык. В сознании индивида природа может представлять в различных ракурсах, каждый из них соответствует одному из упоминаемых У. Джеймсом и А. Шюцем субмиров, составляющих сферу индивидуального сознания ⁶.

Что касается экологического сознания, то нас интересуют не только когнитивные установки относительно природы, но и практические, которые в рамках социально-феноменологического подхода могут быть рассмотрены как типизированные образцы социальных действий. Подобные практические типизации являются результатами многократного повторения похожих действий в однообразных ситуациях и рассматривались П. Бергером и Т. Лукманом как основания социальных институтов ⁷. Коллективные действия, реализуемые в обществе относительно природы, основаны на «опривычивании», т. е. стандартных образцах поведения человека в природной среде. Данные типизации усваиваются каждым новым поколением, являясь частью того запаса культуры, накопленного человечеством, который не утратил своей актуальности и используется в социальной практике. При этом мы учитываем, что каждое новое поколение в большей или меньшей степени меняет определенные фрагменты общественного сознания, что в полной мере относится и к такому сегменту коллективного духа, как экологическое сознание.

Возможное объяснение взаимодействия индивидуального и общественного сознания мы усматриваем в плоскости двух направлений современного социогуманитарного знания — феноменологии и семиотики ⁸. Если следовать им, то познание человеком мира в целом и природы в частности ин-

терпретируется как процесс раскодировки знаков, т. е. извлечения из них заключенных в них смыслов, и тем самым обогащение сознания. Но человек не только познает через знаки, он и сам способен к семиозису, созданию знаково-символических форм, наделению предметов определенными смыслами и тем самым реализации себя в социуме. Значениями и смыслами, которые формируются в сознании, человек делится с другими, за счет взаимной трансляции значений осуществляет общение между людьми, поддерживается реальность повседневной жизни. Во взаимосвязанных процессах восприятия и интерпретации субъектом знаков и символов на основе усвоенных образцов апперцепции, с одной стороны, и трансляции значений и участия в создании знаков и символов — с другой, раскрывается диалектика индивидуального и общественного сознания, взаимное влияние индивидуального и коллективного разумов. Так и установки общества относительно природы, запечатленные в семиосфере, эволюционируют по мере развития общества под воздействием ряда факторов. Большинство из членов социума застают их такими, какие они есть, адаптируя к ним свое видение природы и свое поведение относительно естественного мира.

Намеченный концептуальный подход может служить методологической основой формирования и развития экологического сознания с опорой на основные положения экологической этики⁹.

Например, введенное социальными феноменологами понятие хабитуализации позволяет интерпретировать многие (и экологосообразные, и антиэкологистские) способы поведения человека в природе как выработанные и ставшие привычными, а поэтому прочно укоренившиеся в сознании общества. Соответственно, их изменение требует воздействия на обыденный уровень сознания людей, близкой по содержанию к которому является общественная психология. Этот уровень выступает базовым первичным слоем осмысления действительности. Классическая социальная феноменология, выделяя в качестве базового обыденное мышление, тем самым наглядно иллюстрирует, что результаты духовной деятельности профессионалов, направленной на постижение природы и выработку норм взаимодействия с ней (к ним можно отнести научные и философские идеи, теории, концепты, принципы, художественные образы, эколого-этические

нормы), не разделяются всем обществом, так как не являются востребованными у большинства его членов, ориентированных прежде всего на установки и принципы обыденного мышления, в рамках которого основным критерием ценности знания выступает возможность получения практической пользы. Знания, в том числе и знания о природе и поведении относительно нее, распределяются между индивидами по зонам релевантности (личной значимости и востребованности), они же определяются биографической ситуацией каждого и формируемыми в ней когнитивными запросами¹⁰.

Поэтому в формировании экологически ориентированного сознания целесообразно опираться на социализирующий потенциал тех институтов общества, которые непосредственно воздействуют на обыденное сознание индивидов. К таким институтам мы склонны относить семью, СМИ и образование. Что касается образования и реализующих его организаций, то здесь особую важность приобретает не столько учебная, столько воспитательная работа, субъекты которой должны ориентироваться не только на формирование основанной на достижениях современного естествознания научной картины мира и философского мышления, но и на выработку в обыденном мышлении соответствующих экологистских установок, выступающих для них ориентирами поведения по отношению к природе в повседневной жизни.

¹ Юнг К.-Г. Человек и его символы. М., 2011. 352 с.

² Дорошин Б. А. Основные архетипы социальной элиты в мифологических представлениях народов Поволжья // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 2. С. 210.

³ Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. С. 216.

⁴ Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2010. 232 с.

⁵ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 132.

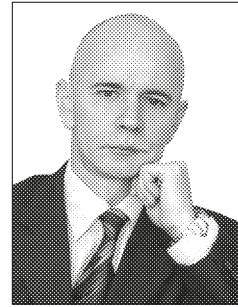
⁶ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 2–34.

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

⁸ Шюц А. О множественности реальностей. С. 2–34 ; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. С. 51.

⁹ Олдо Л. Календарь песчаного графства. М., 1980. 216 с. ; Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. 344 с.

¹⁰ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 268–273.

Язык права. Статья II. Терминологический ажиотаж^{*} Г. Ч. Синченко^{**}

Термин — это слово или словосочетание особого рода. Его непосредственным значением выступает понятие, а целевым значением — интенционально заданный в понятии объект. Слова базисного лексического слоя используются для образования терминов, однако сама по себе общеупотребительная лексика не подчиняется законам терминологических систем. Непонимание этого принципиального момента приводит к тому, что, в отличие от трудов русских юристов конца XIX — начала XX вв. и актуальных зарубежных публикаций по правовым наукам, в современной российской научно-юридической литературе осуществляется искусственная терминологизация, которая выглядит как важный аспект научного подхода, но в действительности означает квазинаучную деформацию научного мышления.

Ключевые слова: дефиниция, наука, понятие, право, слово, термин, язык.

Обманчивая ясность может принести больше вреда, чем честная, открытая неопределенность.

Л. Фуллер. Мораль права

Термин — это слово или словосочетание. Словам присуща номинативная функция, они что-то обозначают. Отсюда легко прогнозируемая словарная характеристика: слово служит «для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности»¹. Резонно ожидать, что указанное родовое свойство слов будет перенесено и на термины. Но нет: «Термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности»². Причем если по вопросу, что все-таки именуется словом: предметы или понятия, или и то и другое, между словарями ощутимо некоторое трение, то в трактовке термина как обозначения *понятия* они единодушны³.

Как на это реагировать? Абстрактно говоря, ничто не мешает указать на известную недосказанность, провоцирующую наивное мышление на ошибку смешения типов (отождествления несовпадающих лингвокогнитивных слоев). Иллюстрации наивного подхода далеко искать не приходится. Еще в 70-е годы филологом В. П. Даниленко была опубликована монография, в которой приведено девятнадцать

определений понятия «термин». Сразу вспоминается И. Кеплер, вычисливший девятнадцать теоретически возможных орбит планет Солнечной системы. Но из девятнадцати только одна траектория правильная. И несмотря на то что язык, пожалуй, сложнее самой сложной физики, трудно представить, что все девятнадцать дефиниций равноценны. По крайней мере, дефиниция из книги В. П. Даниленко смущает: «Термин — это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка... обладающая... специальным терминологическим значением, которое... достаточно точно и полно отражает основные, существенные признаки соответствующего понятия»⁴. Рассредоточенный ум не отдает себе отчета в том, что признаки понятия как определенной формы мысли принципиально не тождественны признакам мыслимого в понятии предмета, иначе мыслить слона мог бы лишь мыслитель с немислимо большой головой.

И все же как карта местности не заменяет местности, так отраслевой словарь не заменяет научной отрасли и работает по принципу *sapienti sat*. Поэто-

^{*} Первая статья цикла «Язык права» опубликована в предыдущем номере журнала (Синченко Г. Ч. Язык права. Статья I. Призрак многослойности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4. С. 63–70).

^{**} Автор выражает благодарность доктору юридических наук, профессору А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России), под влиянием критики которого текст избавился от небесполезных, однако необязательных подробностей, и кандидату философских наук, доценту В. М. Шкаруле (Омский государственный университет), сделавшему несколько ценных замечаний частного научного и редакционного характера.

му, на наш взгляд, продуктивнее расценить неполную концептуальную «пригнанность» вида к роду, терминов к словам, в качестве свидетельства особого статуса терминов, конкретнее, особой роли понятийного посредника между словом и объектом при условии, что слово (словосочетание) выступает термином. Если термин служит именем понятия, то *непосредственным* значением первого служит второе. В то же время понятие есть определенный способ мыслить объект, этим оно и ценно. Поэтому когда дан термин, тогда в позиции его *целевого* значения задан отражаемый понятием объект, но задан он не прямо, а косвенно, через закрепленную в содержании понятия информацию об этом объекте, или, другими словами, через смысл. Собственно, так бывает всегда⁵, но не всегда это важно, поскольку важность зависит от контекста.

Далее. Слова путешествуют по стилям и регионам языковой практики, отказом во въездной визе их не остановишь. Самое ординарное слово из разряда общеупотребительной лексики может осесть в приглянувшемся ему терминологическом пространстве и начать двойную жизнь: в качестве просто слова — на родине, в естественном языке; в качестве термина — так сказать, за рубежом. В первой статье была приведена превосходная иллюстрация С. С. Алексеева: «сделка».

В древнеримской мифологии имя Термин носил бог, охранявший межи, пограничные столбы и камни. Предлагаем воспринять «божественное» происхождение как аллегорический завет предков контролировать границу между терминами и нетерминами. Системность, тенденции к моносемичности и наличию дефиниции, другие свойства термина «реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики — детерминируется... Процессы детерминологизации... и терминологизации... свидетельствуют о взаимопроникновении терминологической и нетерминологической лексики»⁶. Стоит добавить, что, по утверждению маститого лингвиста В. Н. Топорова, «если бы слово исчерпывалось жесткой схемой заданных смыслов... его моделирующая функция была бы серьезно скомпрометирована... потенциалы слова, направленные на будущее (новое), сведены к минимуму»⁷. Надо привыкнуть к мысли, что терминосистемы — это как бы архипелаг, возвышающийся над океаном языка за счет его глубинной нетерминологической энергии. Иначе очутимся в пустыне, где «Произрастают мысли саксаулы, / Боясь, чтоб в уши термин не надуло»⁸.

К сожалению, с опасностью иссушения речи считаются все реже. Понаблюдаем, как неоправданная смелость проявляется на практике, в учебной и научной литературе, и чем это оборачивается.

Прием первый. Гипертерминологизация. Постоянный читатель академических юридических текстов не раз скользил глазами по фразам наподобие следующих:

а) *советское законодательство использовало термин «кассация» («кассационное производство»), однако в ином значении, не совпадающем полностью со смыслом кассационного производства по Уставу уголовного судопроизводства;*

б) *согласно толковому словарю термин «презумпция» трактуется двояко: в философии это — предположение, основанное на вероятных предпосылках; в юриспруденции — предположение, которое считается истинным, пока его правильность не опровергнута;*

в) *в русском языке термины «гласно», «публично», «открыто» понимаются как синонимы.*

К высказыванию (а) замечаний нет: речь идет об особой (специалисты называют ее исключительной) стадии, интегрированной в организм судопроизводства и пропитанной его спецификой; появление «кассации» в неюридическом контексте маловероятно, если вообще мыслимо.

Фраза (б) уже уязвима для ремарки⁹. Философ вправе презюмировать, не связывая себя нюансами юридического словаря; перед юристом открыты симметричные возможности. А поскольку термин стремится к однозначности внутри своего терминологического поля, постольку единственного термина «презумпция» нет — есть одно иностранное слово, прижившееся в книжной речи (именно с такой пометой оно дается в словаре С. И. Ожегова), имеющее в среде интеллигенции ограниченное, однако не замкнутое на философию и право обращение, и участвующее в образовании юридических терминов («презумпция авторства», «...отцовства», «...невиновности»...).

Предложение (в) неприемлемо. Названные три слова не термины, они из разряда базисной лексики, строго не привязаны ни к определенной области научной, технической и прочей деятельности, ни к конкретному функциональному стилю речи. Поэтому их появление в юридической работе неудивительно, но в то же время не прогнозируемо; по самой третьей фразе, в противовес первой, вообще невозможно установить, в контекст какого рода она входит.

Впрочем, один юридический маркер все же просматривается — неуместное использование слова «термин». В эту категорию зачисляют все, что по тем или иным причинам попадает в фокус внимания: древнерусские слова из Церковного устава Ярослава при изучении истории борьбы с половым насилием; арготические «винчестер», «логи», «взлом» при освещении вопросов информационной безопасности; «порядок» при критике нарушений порядка ознакомления с материалами уголовного дела; «форми-

рование» в отличие от «составления» при исследовании разработки проекта бюджета; «зёмли» в отличие от «земли» при анализе правового режима земель сельскохозяйственного назначения...

«Термин» все чаще эксплуатируется как надуманный синоним «слова»: так якобы лучше звучит, прогрессивнее, солиднее, научнее. Но научность от этого не прибывает, а убывает, потому что обращаться с терминами научно — значит обращаться с ними в соответствии с их природой, т. е. в терминологическом ключе, контролировать, как было сказано выше, терминологические границы. Слово «термин» не есть заклинание, заклинание не есть научный метод.

Прием второй. Дефинитивная экспансия. На основании того, что терминология стремится к наличию дефиниций, вслед за приписыванием словам статуса терминов их чаще всего истолковывают и определяют. Иногда ограничиваются точечным указанием этимологии, обычно латинской, иногда этот подход простирают на слова-аналоги из восточных языков — китайского, японского, корейского... Последнее уже экзотика, но редкий современный юрист, пишущий о признаках А (коммерческой тайны, контрабанды, коррупции, косвенного умысла... в принципе, чего угодно), удержится от искушения призвать на помощь словарь: «Признак — показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь»¹⁰. Затем на почву раскрытых первоначальных и лексических значений «термина» накладываются определения, выработанные законодателем и научными предшественниками, а венчается вся конструкция авторской дефиницией, нередко претендующей на окончательность и универсальность.

Бывает, что названные типовые блоки скреплены комментариями, критическими репликами и логическими переходами. Вместе с тем не составляет труда найти работы, авторы которых обходятся совершенно без «аналитического клея» и просто накладывают определения друг на друга, с тем чтобы в конце концов водворить над ними дефинитивный продукт, полученный в собственной творческой лаборатории. За всем этим легко угадывается клип — мозаичное, минимально логизированное соединение осколков информации. Негласное утверждение клипа в роли прогрессирующего принципа организации языкового сознания и коммуникации подтверждается обилием текстов, одна часть объема которых занята длинными перечнями (законодательных актов, функций властных инстанций и т. п.), а другая напоминает перечень в том отношении, что заполнена короткими, в одно-два простых предложения, абзацами, в пределах которых нельзя развернуть умозаключения. Что тут поделаешь, если даже такой мэтр,

как известный историк и писатель У. Эко, рекомендует студентам: «Почаще делайте абзацы. Делайте их, когда меняется тема, когда требует ритм, и вообще чем чаще, тем лучше»¹¹. Какковы дипломы, таковы на следующем этапе научного становления статьи, книги, диссертации.

Вершина дефинитивного наваждения — отождествление термина, понятия и определения: «...дефиниции „обвиняемый“, „предъявление обвинения“, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ, неприменимы к производству по делам об административных правонарушениях», «...понятие А может быть использовано, во-первых, как понятие науки А, во-вторых, как правовая дефиниция...». Раньше мы наблюдали, как словесная золушка преобразалась в терминологическую принцессу, стоило ей попасть на бал в юридический дворец, теперь становимся очевидцами нового превращения: когда слова захватываются юридическим дискурсом, тогда мыслимые под ними понятия в мгновение ока перескакивают в ранг собственных определений.

Описываемый речесмысловый шаблон пустил цепкие корни. Несколько лет назад мы заключили два договора с независимыми, никак друг с другом административно не связанными контрагентами. В оба документа входит раздел «Определения» со стандартной формулировкой: «Нижеследующие определения имеют следующий смысл в рамках настоящего Договора, если из контекста не следует иное...». Определения, конечно, имеют смысл (если они осмысленные), но определения, несущие тот или иной смысл, даются для того, чтобы раскрыть смысл не самих себя, а определяемых понятий (и, соответственно, выражающих их терминов). Чтобы сделать последнее, надо построить определение; чтобы «раскрыть смысл» определения, надо дать его толкование. Между тем толкований в договорах нет — есть определения как таковые. Следовательно, речь идет о смысле терминов, т. е. о понятиях, которые составитель назвал определениями, потому что путаница в его голове зацементировалась в рефлекс.

* * *

Впрочем, может быть, все не так страшно? Сто лет назад П. Сергеич (юрист П. С. Пороховщиков) сетовал: «Наши отцы и деды говорили чистым русским языком, без грубостей и без ненужной изысканности; в наше время, в так называемом обществе, среди людей, получивших высшее образование, точнее сказать, высший диплом... мы слышим такие выражения, как: *позавчера, ни к чему, нипочем... выпивал*, вместо *пил*... В течение немногих последних месяцев в петербургском суде вошло в обычай вместо: пре-

ступление наказуется, карается, говорить: преступление таксирруется. Не знаю, почему. Мы не торгуем правосудием... Хуже всего то, что эти безобразные иностранные слова приобретают понемногу в нашем представлении какое-то преимущество перед чистыми русскими словами: *детальный анализ* и *систематическая группировка материала* кажутся более ценной работой, чем подробный разбор и научное изложение предмета»¹².

Ну и что? «Поколение — мода на существование», — говорил испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Добавим: на вербальное существование в том числе. «Третьего дня» уже получает маркировку разговорного (впрочем, мы бы отнесли его к устаревшим), «позавчера» — норма. Те, кому вместе с Сергеем претили «фиктивный», «мотивировать», «фигурировать», давно не с нами. «Фикции» пережили их и в отместку изживаются «фейками», все это *фигурирует* и, вопреки деликатным предостережениям филологии, *озвучивается*¹³. Третьего дня общались словами — начиная с позавчерашнего дня озвучиваем термины. Ничего не поделаешь, таков вербальный каркас эпохи. «...Выживает тот, — умудренно замечает М. А. Кронгауз, — кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде... И мне, раздраженному обывателю, надо будет с этим смириться, а может, даже этим и гордиться»¹⁴.

Гордиться хочется. Но сначала хорошо бы выяснить, почему сердце не рвется гордиться всем и сразу. С целью объективнее и точнее оценить изучаемые в статье явления рассмотрим их в синхроническом и диахроническом ракурсах, взяв за образец испытанные сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Базу сравнительного контент-анализа составили: 2 монографии, 3 учебных пособия и 2 статьи современных российских юристов (современная Россия, далее — СР), 5 публикаций из журналов «New York University Law Review» и «European Journal of International Law»¹⁵ и 4 объемных переводных труда иностранных юристов с громкими именами¹⁶ (зарубежный модерн, далее — ЗМ). Для исторического анализа были подобраны 8 сочинений, входящих в золотой фонд отечественной юридической классики¹⁷ (русская классика, далее — РК).

Следует признать, что валидность этого небольшого контент-исследования может быть оспорена ввиду нескольких причин: количественной ничтожности СР и ЗМ в общем потоке современной научной литературы и — в том, что касается изданий западных ученых на русском языке — фактора перевода. Выборка РК также не защищена от претензии: в ней представлен цвет дореволюцион-

ной правовой мысли, и еще вопрос, можно ли по нему однозначно судить о среднем уровне научно-литературной продукции столетнего прошлого. Всякий желающий вправе самостоятельно проверить наши результаты, а мы приступаем к их суммированию.

Тривиальный вывод состоит в том, что авторы всех категорий текстов оперируют терминологией и выполняют логические операции с соответствующими понятиями. В данном отношении наука вполне консистентна во времени и пространстве. Другого и не ожидалось, однако на этом трюизмы заканчиваются, поскольку в исследуемом лингвокогнитивном отношении РК и ЗМ друг от друга отличаются умеренно, а от современных российских публикаций (СР) — броско.

Единственное заметное расхождение РК с ЗМ — возросшая популярность «термина» (либо естественная склонность к нему английского языка, либо то и другое совместно). В монографии Г. Дж. Бермана (почти 44 печатных листа, п. л.) «термин» встретился свыше 70 раз, в статьях из англоязычных журналов (общий объем около 10 п. л.) — 22 раза¹⁸.

Для сравнения: его частота в «Основных проблемах гражданского права» И. А. Покровского (22,5 п. л.) и «Курсе уголовного судопроизводства» И. А. Фойницкого (35,5 п. л.) колеблется от 6 до 11¹⁹, обсчет текстов категории СР общим объемом 56 п. л. дал показатель более 150.

Остальное очень похоже. Частые обращения к лексическим значениям, этимологический декор, неуверенная ориентация в треугольнике «термин — понятие — дефиниция» не выявлены. Не научная проблема служит поводом завести разговор о словах, а слова подчинены решению проблемы. Представляя антропологическую школу в криминологии, Д. А. Дриль не разменивается на древнегреческие «ἀνθρώπος» и «λόγος», у И. А. Покровского в строках о зарождении гуманизма не найти латинского «homo»²⁰. Когда Л. Фуллер пишет: «Там, где речь идет о наказаниях и лишениях, мы окружаем решение процедурными гарантиями надлежащего процесса...», он не отвлекается на вопрос о гарантиях вообще и месте в их системе процедурных гарантий в частности. У Д. Ллойда в предложении «Разочарование в чисто индивидуалистической и рационалистической концепции общества проявилось уже в работах Руссо...» не приводятся сведения об истории и значении «концепции»: проще и выгоднее пожертвовать нюансами различий между концепцией, теорией, учением, доктриной и т. п., чем артикулировать их²¹. Все по существу.

Наконец, авторы РК охотно вовлекали в оборот выражения из других новоевропейских языков и латинского, причем не всегда крылатые, и давали

§ 44.

Дальнейшее изучение римского права.

Къ началу XVI столѣтія схоластическіе приемы комментаторовъ окончательно утрачиваютъ общественныя симпатіи. Огромная задача, рисовавшаяся основателю этого направленія, Раймунду Луллию,—привести положительное право въ согласіе съ правомъ естественнымъ—теоретически расплылась въ безконечныхъ діалектическихъ тонкостяхъ, лишенныхъ живого духа, а практически выродилась въ неприкрытый судейскій субъективизмъ. Комментаторская юриспруденція начинаетъ вызывать всеобщее неудовольствіе. Юристовъ осыпаютъ насмѣшливыми прозвищами—*juris perditii* вмѣсто *juris periti*, „*Juristen böse Christen*“ и т. д. По свидетельству французскаго юриста XVI в. Hotman'a (Franciscus Hotomanus) въ в его любопытномъ сочиненіи „*Antitribonian*“, господство комментаторовъ привело правосудіе къ такому состоянію, что общество возненавидѣло юристовъ, какъ крючкотворовъ, софистовъ и обманщиковъ („*sophistes, chicaneurs, abuseurs et imposteurs de justice*“). Снова, какъ нѣкогда предъ началомъ болонской школы, чувствовалась необходимость, съ одной стороны, оградить правосудіе отъ непомѣрнаго судейскаго субъективизма, прикрывающагося громкими фразами о *jus naturale* и *aequitas*, а, съ другой стороны, выработать новые приемы, новый методъ изученія права.

Кризисъ разрѣшился водвореніемъ *гуманистическаго направленія*. Какъ въ свое время схоластическая школа

Рис. 1. Фрагмент страницы из учебника «История римского права» русского юриста И. А. Покровского

их без перевода, в том числе игру слов (рис. 1). То же самое, хотя и с меньшей интенсивностью, наблюдается в ЗМ (рис. 2). Поэтому в современных переизданиях РК и русских изданиях ЗМ перевод ложится на плечи редактора (в ЗМ — редактора либо переводчика).

Не будет ошибкой сослаться на то, что, во-первых, западные ученые находятся в более простой, чем россияне, лингвистической ситуации, поскольку как романские языки, так и английский ближе к латыни, чем самый «продвинутый» русский, и, во-вторых, поколения Фойницкого и Новгородцева, Кони и Кистяковского получили другой образовательный профиль, чем мы, штудировали язык древних греков и римлян еще в гимназии и писали книги для читателей с такими же подготовкой и кругозором. Но правдой остается и то, что англосаксонская правовая семья стоит дальше от римского права (значит, и его тезауруса), чем континентальная, недаром же последняя называется *романо-германской*. Кроме того, остается вопрос, почему в научных произведениях мы занимаемся нудными толкованиями слов давно «обрусевших» и исконно русских.

Наметим два ответа: мягкий и жесткий.

Если «усмотрение», «критерии», «условия» — действительно *термины* в моем исследовании, причем термины основные, то я, не полагаясь, что и так всем ясно, обязан дать им вербальные определения: я понимаю критерии так-то и так-то, кто не согласен — критикуйте, но мою мысль не искажайте. Но если это не ключевые термины, если я пишу в монографии либо научной статье, т. е. пишу как ученый ученым, о критериях оценки готовности такой-то категории лиц к такой-то деятельности, и при этом втолковываю читателю, что означают «критерии», «признак» и «условие» просто как слова русского языка, то я не только разжижаю информационную плотность текста. Я, получается, исхожу из того, что мой ученый читатель находится, перефразируя братьев Стругацких, на уровне лингвистического кругозора «научного сотрудника младшего дошкольного возраста». Если русскоязычный ученый не знает, что означает имя существительное «условие», то он не ученый. Если же он все-таки ученый, а я этого не учитываю, то не-ученый — это не он, а я, поскольку

Главный судья Маршалл признал это в своем решении по знаменитому делу «Марбери против Мэдисона»¹, когда Верховный суд впервые заявил о своем праве пересматривать законодательные решения на основе конституционных стандартов. Судья привел тот довод, что по Конституции именно она является высшим законом страны, поэтому суды вообще, а в конечном счете и Верховный Суд, должны обладать властью объявлять недействительными законы, нарушающие Конституцию. Многие правоведы расценивают его доводы как *non sequitur*², потому что, утверждают они, хотя конституционные ограничения и являются частью закона, совсем не обязательно, что именно суды, а не сами законодатели полномочны решать, имело ли место нарушение этого закона в конкретных случаях³. Но этот довод не является *non sequitur*, если мы считаем принцип, согласно которому никто не должен быть судьей в своем собственном деле, столь фундаментальным для нашей идеи законности, что Маршалл был бы вправе пренебречь им, только если бы Конституция четко запрещала судебный пересмотр.

¹ Имеется в виду ставшее эпохальным решение Верховного суда от 24 февраля 1803 г., когда впервые закон, принятый Конгрессом США, был объявлен неконституционным. Госсекретарь Мэдисон отказался подтвердить назначение Уильяма Марбери, одно из последних «полночных назначений» президента Адамса перед его уходом в отставку. Марбери обратился в Верховный Суд, но Суд под председательством главного судьи Маршалла отклонил иск на том основании, что принятый Конгрессом в 1789 г. закон, на который ссылался Марбери, является неконституционным и, следовательно, не имеет юридической силы. — *Прим. пер.*

² Вывод, не соответствующий посылку; нелогичное заключение (*лат.*). — *Прим. пер.*

Рис. 2. Фрагмент страницы из книги «О правах всерьез» американского и британского юриста Р. Дворкина

я коммуникативно нерационален в деле рационализации смыслов. Коммуникативная некомпетентность — это и есть мягкий ответ.

Жесткий ответ прозвучит, разумеется, жестче. РК текстуально не застревала на «la foule criminelle», «mutual aid», «jus strictum» и пр. потому, что свободно в них ориентировалась, они были беспроблемными элементами ее языкового опыта, *as sensible as a dictionary*²². Следовательно, те, кто увязает в «признаке» и «ошибке»²³, лингвистически инфантильны, что незаметно для них проговаривается в их текстах, когда дискурс о проблемах сводится на дискурс о вербальном инструментарии решения проблем. Как обронил Б. Спиноза, «слова Петра о Павле больше говорят о Петре, чем о Павле».

Мягкое решение является частичным, поскольку дело не ограничивается коммуникативным аспектом, жесткое слишком жестко, чтобы быть истиной. Оба предложены с целью очертить диапазон, в котором ее надо искать. Диктор, оглашающий прогноз погоды, не объясняет, что такое прогноз и откуда взялось это слово. Люди легко воспринимают сообщение, их интересует, во что одеться с утра, а не «фамильное» родство «прогноза» с «диагнозом» и «гностицизмом». Поэтому, когда некоторые из них после прослушивания прогноза погоды пишут, допустим, в статье по криминологическому прогнозированию, что этот «термин» имеет греческое происхождение и означает предвидение, они пишут так не потому, что слово «прогноз» якобы лишь сейчас впервые обозначилось на их языковом горизонте. Причина лежит в иной плоскости.

Говоря вслед за немецким философом Ю. Хайнрихом, у человеческого разума имеется глубокая потребность в предельном объяснении сущего. Наука — максимально рационализованная форма ее удовлетворения, немислимая без терминологии: «...научный термин не просто слово, а выражение сущности данного явления», и «благодаря специальным терминам достигается возможность в краткой и экономной форме дать развернутые определения и характеристики научных фактов, понятий, процессов, явлений»²⁴. Сказанное следует помножить на специфику права. Оно моделирует и программирует поведение, авторитетно вмешивается в общественные отношения, поэтому отточенность языка правового регулирования приобретает, наряду с теоретическим, чрезвычайно весомое практическое значение. Исходя из этого, ученые стремятся к прозрачной однозначности формулировок. Это логично и правильно, но только если не забывать о том, что язык многослоен и критерии, адекватные одному слою, нельзя навязывать другим его ярусам.

Конкретизируем эту мысль с помощью специалиста по квантовой физике. Е. В. Широков пишет,

что специфичность явлений, происходящих в микромире, заключается в невозможности напрямую получить информацию о происходящих процессах. Степень воздействия света на макрообъект (пусть это будет статуя) несопоставима с его параметрами. Поэтому «бессмысленно рассуждать на тему того, как падающий световой фотон может повлиять на... координату статуи в пространстве. Другое дело, когда объектом воздействия становится микрообъект. Энергия электрона в атоме составляет десятки... электронвольт, и степень воздействия вполне соизмерима с этой энергией. Таким образом, при попытке *точно измерить* какой-либо параметр микрообъекта... мы столкнемся с тем, что сам процесс измерения будет изменять измеряемые параметры, причем очень сильно. Тогда необходимо признать, что при любых измерениях в микромире мы никогда не сможем провести точные измерения — *всегда* будет иметь место ошибка в определении основных параметров системы». Однако на макроуровне квантовые эффекты как бы схлопываются, становятся «пренебрежимо малыми, и в большинстве случаев мы рассматриваем их как нулевые. При этом происходит так называемый предельный переход, т. е. принципы классической физики можно рассматривать как предельный вариант физики квантовой, когда огромные по масштабам микромира массы, размеры и другие параметры макрообъектов сводят к нулю те взаимодействия, которые являются значимыми в микромире»²⁵.

Термины — это языковой аналог макрообъектов. Поэтому термины могут быть (вернее, считаться) однозначными и равнозначными. В романе Н. К. Чуковского «Балтийское небо» советские летчики времен Великой Отечественной войны тренируются ментально пересчитывать скорость с миль в час на километры в час, ожидая поступления в полк ленд-лизовских самолетов из США или Англии. То обстоятельство, что одна миля *лишь приблизительно* равна 1609 метрам, не помеха, так как боевые задачи не требуют от них вычислений с точностью до долей миллиметра в долю секунды.

Термины обычно (в социальных и гуманитарных науках — практически всегда) «монтируются» из элементов естественного языка: не непременно родного, но все же естественного. Как ни парадоксально, из этого не вытекает, что материал, из которого состоят термины, подчиняется тем же законам, что и сами термины. Кстати, в физике аналогично: «Принцип неопределенности приводит к выводу о невозможности точно задать какой-либо параметр системы, например, бессмысленно говорить о точном местоположении частицы в пространстве. В связи с этим необходимо заметить, что широко распространенное представление атома как совокупности электронов, вращающихся по заданным орбитам

вокруг ядра, является просто данью человеческому восприятию окружающего мира, необходимости иметь перед собой какие-либо зрительные образы. В действительности никаких четких траекторий-орбит в атоме не существует»²⁶.

Блоки семантики слов, из которых возводятся стены семантики терминов, ведут себя не в стиле привычных нам «больших» тел с четкими границами (минералы, растения, животные...), а в стиле атомов и электронов, они образуют не макро-, а микроуровень глоттореальности, языковой вселенной. Так, естественный язык не терпит абсолютных синонимов, в чем сказывается принцип экономии, но не процессуальной, а лингвистической (французский филолог А. Мартине). Это означает не только то, что ни одно слово не равно ни одному другому слову по смыслу, но и то, что ни одно слово *не эквивалентно самому себе* «экспериментально». При измерении меняются параметры микрообъекта, при толковании слово погружается в тот или иной контекст. Контексты не совпадают, в результате чего слово всякий раз предстает в обновленной перспективе. Так модница освежает наряд к каждому выходу в общество.

Видимо, известная часть читателей уже укоряет нас в увлечении физическими и филологическими абстракциями, которые могли найти точку соприкосновения единственно в философии и не играют никакой научно-юридической роли. Попросим отложить приговор на несколько минут.

Выше мы критически отозвались о безобидном на первый взгляд высказывании «в русском языке термины „гласно“, „публично“, „открыто“ понимаются как синонимы», вводящем в параграф «Принцип гласности» одного из уголовно-процессуальных учебников СР. Откроем все карты и покажем отрицательные последствия ошибочного приравнивания терминов к словам.

В качестве наречий русского языка перечисленные слова синонимичны — суждение, с которым нельзя не согласиться при условии, что синонимия трактуется гибко, под знаком принципа лингвистической экономии. Ко многим объемлющим их контекстам можно безбоязненно применять логическое правило подстановки, т. е. заменять их друг на друга, не рискуя получить ложь из истины. «Господин N выступил с публичным заявлением». Разве это не то же самое, что он выступил открыто, огласил то-то и то-то *urbi et orbi*, городу и миру? Вопрос, как говорится, риторический.

Однако заявлено нечто более сильное: «гласно», «публично», «открыто» равнозначны (синонимичны) как *термины*. Стало быть, предполагается (должна предполагаться) определенная терминологическая система. Единственной терминосистемы не существует ни в русском, ни вообще в каком-либо языке.

Остается считать, что имеется в виду терминология уголовного судопроизводства. Посмотрим, что получается.

Слова, родственные двум из названных трех, участвуют в построении уголовно-процессуальных терминов «принцип гласности» и «принцип публичности». Это разные вещи²⁷. Принцип публичности можно выделять или не выделять, предоставим данный вопрос ученым, которые не могут не знать о различии между публичным, частно-публичным и частным обвинением. Не могут они упускать и то, что суть здесь не в гласности или открытости, а в том содержании, которое вкладывается в понятие публичного права в его исконном, от римской юриспруденции идущем сопоставлении с правом частным. И что остается от тезиса о синонимичности терминов? Голая фраза, что они синонимичны.

Итак, стремление к точности само должно быть точно выверенным и расчетливо нацеленным. Чтобы язык считался с правом, право и правоведение должны считаться с языком, а он многолик и многослоен. Попытки выстроить все слова в единую терминологическую шеренгу заканчиваются не оптимизацией — они заканчиваются деформацией конкретных познавательных моделей и самой способности создавать их научным способом. Терминологический ажиотаж — это своеобразный лингвокогнитивный вектор, отклоняющий науку права в сторону квазинаучных форм²⁸. Безусловно, она нуждается в терминологическом аппарате и «системе фраз». Но наука, свернувшаяся в систему фраз о собственных терминах, заинтересует, пожалуй, одну лишь «ментальную» археологию будущих времен.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. Ст. «Слово».

² Там же. Ст. «Термин». Для целей нашей статьи этого определения достаточно.

³ Ср.: Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2006; Комплексный словарь русского языка. М., 2005; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2010; Семенова Н. М. Новый краткий словарь иностранных слов. 2-е изд., стереотип. М., 2007 (во всех перечисленных изданиях см. ст. «термин»).

⁴ Даниленко В. П. Русская терминология (опыт лингвистического описания). М., 1977. С. 136.

⁵ Или почти всегда, однако детализация потребовала бы углубиться в слишком специальную дискуссию.

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. Ст. «Термин». Терминологически внимательные ученые, в том числе юристы, отчетливо это осознают. См.: Жмуров Д. В., Поклад И. В. Новые термины в криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 460–465. На необходимость гибкой трактовки критериев терминологичности также обращается внимание. См.: Барабаш О. В. Юридический термин: проблемы изучения // Юрислингвистика. 2013. № 2. С. 5–11; Мушени-

на М. М. О содержании некоторых основных понятий в специальных языках (на основе права) // Юрислингвистика. 2012. № 1. С. 43–50.

⁷ Топоров В. Н. Ведийское *Ṛtá*:- к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология 1979. М., 1981. С. 141.

⁸ Двустышие автора.

⁹ Здесь и далее критикуемые за лингвокогнитивные aberrации современные российские источники не раскрыты отчасти по этическим соображениям, отчасти из нежелания искусственно увеличивать количество их цитирований. Подозрения в плагиате это не может навлечь, а подозрение в фабрикации «доказательств» рассеивается легко: терминологические перегибы — явление массовое, чтобы его не видеть, надо смотреть в другую сторону.

¹⁰ Пристрастие к толковым и прочим словарям — отдельное ответвление темы «Язык права», заслуживающее самостоятельного осмысления.

¹¹ Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки. М., 2003. С. 171.

¹² Сергеев П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 14, 18–19.

¹³ См., напр.: Варлакова Т. В. Лингвистические особенности научных юридических текстов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3. С. 60.

¹⁴ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. С. 13.

¹⁵ Loveland K. Death and its Dignities // New York University Law Review. Vol. 91, No 4. October 2016. P. 1279–1315 ; Washington E. T. State Courts and the Promise of Pretrial Justice in Criminal Cases // Ibid. Vol. 91, No 5. November 2016. P. 1087–1103 ; Seifter M. Complementary Separations of Power // New York University Law Review Online. Vol. 91. December 2016. P. 1282–1288. URL: <http://www.nyulawreview.org/> (дата обращения: 03.01.2017) ; McCrudden C., O’Leary B. Courts and Conso-ciations, or How Human Rights Courts May De-stabilize Power-sharing Settlements // European Journal of International Law. 2013. Vol. 24, No 2. P. 479–481 ; Warren C. N. John Milton and the Epochs of International Law // Ibid. P. 557–581. URL: <http://www.ejil.org/issue.php?issue=116> (дата обращения: 04.01.2017).

¹⁶ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. 624 с. ; Дворкин Р. О правах все-рвез. М., 2004. 392 с. ; Ллойд Д. Идея права. 2-е изд. М., 2004. 416 с. ; Фуллер Л. Мораль права. М., 2007. 308 с.

¹⁷ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. 464 с. ; Дриль Д. А. Преступность и преступ-

ники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006. 770 с. ; Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. 800 с. ; Кони А. Ф. Уголовный процесс: нравствен-ные начала. 3-е изд. М., 2008. 150 с. ; Новгородцев П. И. Исто-рическая школа юристов. СПб., 1999. 192 с. ; Покровский И. А. История римского права. 4-е изд. Пг., 1918. 430 с. ; Его же. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М., 2001. 354 с. ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. I. 552 с. ; СПб., 1996. Т. II. 607 с.

¹⁸ Учитывались только случаи употребления слова «a term», в которых, во-первых, по нашему мнению, русский переводчик, скорее всего, прибег бы к «термин», во-вторых, когда по контексту «термин» и в оригинале, и в возможном переводе адресует к конкретным словам или группам слов. Выражения типа «in ethical terms», «in terms of autonomy» иг-норировались, как и ситуации, в которых «a term» использу-ется в значении условия.

¹⁹ Двухтомник Фойницкого практически достигает 50 п. л., но бумажный вариант наукометрически неудобен, а в имеющемся в нашем распоряжении электронном файле часть текста купирована. Подчас Фойницкий использует «термин» в трактовке, придаваемой ему традиционной сил-логистикой. Такие случаи в расчет не принимались.

²⁰ Ср.: Дриль Д. А. Указ. соч. С. 3 и Покровский И. А. История римского права. С. 200.

²¹ Ср.: Фуллер Л. Указ. соч. С. 43 и Ллойд Д. Указ. соч. С. 229.

²² Разумными, как толковый словарь (слова Черной Ко-ролевы из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»).

²³ В СР находим: по словарю Даля автор устанавливает, что современники составителя «Живаго Великорусского» под ошибкой разумели неправильность, погрешность, про-мах... и благодаря этому приходит к заключению, что «пра-вотворческая ошибка трактуется как негативный результат субъектов правотворческой деятельности».

²⁴ Кузин Ф. А. Диссертация: Методика написания. Пра-вила оформления. Порядок защиты. М., 2000. С. 133.

²⁵ Широков Е. В. Физика микромира. URL: <http://nuclphys.sinp.msu.ru/cur/microcosm.htm> (дата обращения: 07.01.2017).

²⁶ Там же.

²⁷ Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 50–52.

²⁸ Подробнее о квазинауке см., напр.: Денисов С. Ф., Де-нисова Л. В. Феномен околонучного знания // Научный вест-ник Омской академии МВД России. 2016. № 4. С. 55–56.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Т. А. Прудниковой «Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы)» *

Диссертация Т. А. Прудниковой посвящена востребованной и чрезвычайно интересной теме — административно-правовому регулированию миграционных процессов. На современном этапе существования Российского государства вопросы, касающиеся миграции населения, имеют особую важность. Острота миграционных проблем, а также их влияние на перспективы дальнейшего развития России обуславливают насущную необходимость формирования надежной системы правового регулирования миграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Для нашей страны регулирование миграционных процессов — одно из центральных и стратегически значимых направлений. Миграция — это долговременный экономический, социальный, культурный и даже политический фактор существования России, чему есть несколько причин.

Первая причина — экономическая. Внутренняя демографическая ситуация в России такова, что потребность страны в иностранной рабочей силе, по экспертным оценкам, составляет не менее 1 млн человек в год. Это необходимые условия стабильного экономического роста. В настоящее время около 30 тыс. юридических лиц России ежегодно привлекают иностранную рабочую силу. В стране работают около 2 млн граждан из других государств, в том числе более 1,7 млн — из стран СНГ.

Вторая причина — геополитическая. Россия — страна огромных пространств. При обеспечении ее целостности и безопасности необходимо в полной мере учитывать миграционный фактор.

Третья причина — культурная, связанная с решением комплекса вопросов сохранения русской идентичности на всей территории, на всем пространстве страны.

Очевидно, что эти проблемы тесно связаны, и их решение может быть только комплексным и системным. Для повышения эффективности управления миграционными процессами одной из актуальных задач являются совершенствование российского законодательства и модернизация системы правового регулирования миграционных процессов в целом. При решении этой задачи несомненный практический и теоретический интерес представляет исследование как особенностей миграционных отношений, так и зарождающегося правового явления — миграционного права Российской Федерации, его роли и места в системе российского права.

Отметим, что вопросы регулирования миграционных процессов, организации и деятельности уполномоченных органов по реализации миграционных функций, обеспечения прав и свобод мигрантов уже давно находятся в фокусе внимания отечественной юридической науки, и по данной проблематике имеются разнообразные монографические труды. Вместе с тем актуальность исследованных проблем, лежащих в основе диссертации Т. А. Прудниковой, не вызывает сомнения, поскольку административно-правовое регулирование миграционных процессов и деятельность органов исполнительной власти в этой сфере в научной литературе рассматривались лишь фрагментарно и без учета тех политико-правовых изменений, которые произошли в российском обществе и мировом сообществе в последние годы.

* Прудникова Т. А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 — Административное право, административный процесс. М., 2016. 457 с.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы. Не вызывает возражений архитектура рецензируемой работы. Перечень проблем, последовательность их изложения и анализ логически выдержаны.

В исследовании на высоком научно-теоретическом уровне раскрыты понятие, сущность и современное состояние миграционных процессов (с. 36–55); дана характеристика административно-правового регулирования существующих миграционных процессов (с. 108–121); выявлены особенности закрепления административно-правового статуса уполномоченных органов по вопросам миграции в Российской Федерации и ряде зарубежных государств (с. 170–200, 336–369); показаны роль органов внутренних дел в административно-правовом механизме регулирования миграционных процессов и пути его совершенствования (с. 258–285, 314–330); сформулированы научно-практические предложения и рекомендации совершенствования административно-правового регулирования в сфере миграционных процессов (с. 106–107, 146–148 и др.).

Диссертация Т. А. Прудниковой — самостоятельное научное исследование, в котором решаются административно-правовые проблемы, освещаются общетеоретические вопросы, сопряженные с использованием знаний теории и истории государства и права, конституционного и международного права.

Основные выводы и положения, выносимые на защиту, получили соответствующее обоснование и апробированы автором в различных публикациях. Они могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти, а также в процессе преподавания курсов административного права и государственно-правовых основ миграции и миграционных отношений.

Следует поддержать позицию диссертанта о необходимости исторического анализа теории и практики административно-правового регулирования миграционных процессов. Т. А. Прудникова показывает, что реализация права каждого на свободу передвижения зависит от ряда факторов: характера и структуры составных частей территории государства и взаимоотношений между ними и государством в целом; развития институтов гражданского общества и их взаимодействия с государством; сущности политических режимов и его основных типов; мирового политического процесса и геополитической обстановки; проблем межнациональных отношений и т. д., и это, на наш взгляд, верно.

Положительно можно оценить исследование автором теоретико-правовых аспектов разграничения таких понятий, как «право на свободу передвижения» и «право на свободу выбора места пребывания и жительства». Под правом на свободу передвиже-

ния Т. А. Прудникова понимает гарантированную государством с помощью закона субъективную возможность человека передвигаться (перемещаться) в необходимом направлении, используя все допустимые пути и средства, не нарушая при этом права и свободы других субъектов права. Право на выбор места пребывания и жительства формулируется им как гарантированная государством субъективная возможность человека по своему усмотрению свободно выбирать место временного или постоянного проживания, не нарушая при этом права и свободы других лиц. По мнению соискателя, это позволит не только разграничить указанные понятия на законодательном уровне, но и обеспечить системный подход к регулированию свободы передвижения.

Проведенный анализ представленной диссертации свидетельствует, что в ней предпринята попытка сформулировать авторскую концепцию административно-правового регулирования миграционных процессов, которая, являясь составной частью национальной безопасности, может быть направлена на обеспечение прочного гражданского мира, основанного на соблюдении закона, прав и свобод человека и гражданина (в том числе мигрантов), равенстве возможностей и солидарности людей; надежную охрану и защиту жизни, здоровья человека, собственности; интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств; развитие способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

В работе обоснован вывод о том, что государственно-гражданское партнерство в сфере миграции как совокупность публично-общественных интересов определяет характер и содержание реализации государственной власти в Российской Федерации и государствах-членах Европейского Союза и характеризует деятельность уполномоченных органов в сфере миграции как субъектов по контролю, надзору и оказанию услуг каждому в реализации им прав и свобод и включает в себя: общественно-ориентированные принципы деятельности уполномоченных органов в сфере миграции и их сотрудничество с органами государственной власти, обществом, гражданами; всестороннюю и многоуровневую систему общественного контроля над уполномоченными органами в сфере миграции и ответственность всех субъектов за уровнем административно-правовой защиты и соблюдением прав трудящихся-мигрантов; высокую степень активности каждого в сфере миграции; сведение к минимуму методов административного принуждения в деятельности уполномоченных органов в сфере миграции (с. 320–322).

Автор избегает абстрактного теоретизирования, стремится детально и последовательно проследить сущность административно-правового регулирова-

ния миграционных процессов, обобщить и оценить опыт ранее проведенных исследований по данной проблематике. Наиболее показателен материал первой главы «Общетеоретические проблемы общественных отношений, возникающих в связи с миграционными процессами» (с. 36–107), в которой удалось отразить, что данный механизм распространяется на широкую сферу общественных отношений, справедливо подчеркнуть позитивную роль научных взглядов на эту проблему.

Соискатель теоретически обосновал направления, обеспечивающие позитивную роль государства в административно-правовом регулировании миграционных процессов, и на основе анализа практического опыта разработал рекомендации и предложения по совершенствованию функций уполномоченных органов по вопросам миграции в современных условиях.

Диссертантом определены сущность и содержание авторского понимания административно-правового статуса МВД России в сфере миграции, включающего в себя оформленное нормативным правовым актом ее положение по отношению к другим субъектам, с которыми вступает в административно-правовые отношения по регулированию миграционных процессов, и содержащее такие императивные элементы, как роль МВД России в выполнении миграционной функции государства, место и назначение в системе органов государственной власти, их взаимоотношения; правосубъектность по вопросам миграции как правовая конструкция, проявляющаяся в ее юридической легитимации.

Т. А. Прудникова делает вывод, что административно-правовые основы организации МВД России и уполномоченных органов по вопросам миграции ряда зарубежных стран (в частности, в соответствующих государствах-членах Европейского Союза) характеризуются общностью установлений. Но в формально-юридическом отношении МВД России имеет более полную административно-правовую основу деятельности и существенные отличия в механизме их реализации.

Импонирует обращение автора к ранним трудам ученых, в которых поднимались смежные проблемы правового регулирования миграционных процессов, и уважительное отношение к иной точке зрения.

Не осталось без внимания рассмотрение соискателем субъектов административно-правового регулирования миграционных процессов, дана их общая характеристика; представлены основы взаимоотношений структурных органов МВД России по вопросам миграции между собой и их гарантии устойчивости в реализации конкретных миграционных правоотношений.

Привлекательной с научной точки зрения является предпринятая в работе попытка системного

анализа правовых источников, регламентирующих деятельность федеральных органов исполнительной власти в сфере миграции. Это позволило ему в ряде случаев найти проблемные моменты как в нормотворческой деятельности государства, так и в правоприменительной.

Отмечая достоинства проведенного исследования, значительную работу, проделанную автором, необходимо высказать ряд замечаний.

1. Соискателю следовало больше использовать имеющуюся практику Европейского Суда по правам человека, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по теме диссертационного исследования.

2. Как известно, федеративное устройство России предопределяет участие ее субъектов в регулировании миграционных отношений. Между тем в работе этому направлению уделено недостаточно внимания.

3. В новейшей истории России государственная система управления миграционными процессами подвергается перманентным реформированиям. Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 ФМС России упразднена, а ее функции возвращены МВД России. Считаю, автору необходимо было сформулировать свое отношение к проходившим изменениям в области миграционной политики.

4. В последние годы по различным аспектам миграционной проблематики в вузах страны успешно защищено несколько диссертаций, но они не нашли отражения в тексте исследования. Среди них докторская диссертация А. А. Мишуниной «Система правового регулирования иммиграционных процессов в федеративном государстве: конституционно-правовое исследование» (Тюмень, 2010); кандидатская диссертация О. Н. Шерстобоева «Административно-правовое обеспечение порядка пребывания иностранных граждан в РФ (на материалах Сибирского федерального округа)» (Челябинск, 2009) и др.

Данные замечания должны стать предметом дискуссии, они не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования. В целом содержание диссертации, автореферата и публикаций позволяет сделать вывод о том, что исследование Т. А. Прудниковой является актуальной, самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, имеющей важное значение для науки административного права.

*Официальный оппонент
Уполномоченный по защите предпринимателей
в Омской области Заслуженный юрист
Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор Ю. В. Герасименко*

Отзыв официального оппонента на диссертацию К. П. Семенова «Животные как предмет и как средство совершения преступления»^{*}

Проблемы уголовно-правовой охраны животных (а также вопросы, возникающие в случаях их использования в качестве средства совершения преступления) незаслуженно обходятся стороной в отечественной уголовно-правовой доктрине. Данной теме посвящено незначительное количество работ, в рамках которых поднимаются лишь частные вопросы юридической оценки того или иного аспекта. Между тем животные, и как предмет и как средство совершения преступления, все чаще фигурируют в общественно опасном поведении виновных, значительно усложняя его содержание, что делает обязательной разработку критериев, необходимых правоприменителю для квалификации деяний подобного рода. Уголовно-правовая теория должна находиться в авангарде этого процесса, не только решая проблемы частного свойства, но и определяя концепцию развития сферы уголовно-правового регулирования исследуемой в рецензируемой работе группы общественных отношений. Из сказанного следует, что избранная соискателем тема исследования весьма своевременна, а неизбежность постановки и решения в диссертации большинства вопросов является логичным следствием высокого уровня их сложности в правоприменительной деятельности.

Актуальность исследуемых проблем обеспечила научную новизну диссертационного исследования К. П. Семенова, которая заключается в представленной им идее механизма уголовно-правовой охраны животных, выступающих в качестве предмета преступного посягательства. В этом отношении позиция соискателя имеет максимально последовательный характер, находит свое подтверждение в положениях, выносимых на защиту, в рамках которых в работе формулируется собственный вариант уголовно-правовой нормы, направленной на правовую регламентацию ответственности за жестокое обращение с животными. Результатом творческого и самостоятельного исследования К. П. Семенова также стали полученные им результаты анализа возможностей по использованию животных в качестве средств совершения преступления. Данные результаты, включая самостоятельную норму (ст. 245¹ УК РФ), нашли соответствующее выражение в основных положениях,

выносимых на защиту, определяя научную новизну рецензируемого диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что основные положения, выводы и рекомендации, сформулированные диссертантом, научно обоснованы. Соискатель избрал соответствующие поставленным задачам аспекты и уровни разработки заявленной темы. К ним относятся: исследование исторических этапов развития средств уголовно-правовой охраны животных, положений законодательства, регламентирующих ответственность за посягательства, совершаемые с использованием животных; анализ современного уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за умышленные преступления, совершаемые при помощи животных и в отношении таковых; обобщение опыта других стран в части правовой регламентации ответственности и противодействия умышленным посягательствам на объекты животного мира; исследование объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ; определение путей совершенствования российского законодательства, регламентирующего ответственность за совершение умышленных преступлений в отношении объектов животного мира.

Достоверность выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, обусловлена обращением соискателя к трудам ученых, разрабатывающих методологические и теоретические проблемы ответственности за неправомерное воздействие на животных. Особое внимание следует обратить на данные собственных исследований, которые были получены соискателем в процессе работы над диссертацией. Так, изученные автором 54 уголовных дела, возбужденные по признакам ст. 245 УК РФ, наряду со 100 материалами по этой же статье УК РФ, многочисленными опросами, проведенными автором (654 респондента, среди которых 479 сотрудников правоохранительных органов, 32 судьи и 143 представителя общественности), свидетельствуют об убедительности аргументов и сделанных им выводов. Практическая направленность обоснования полученных результатов указывает на перспективность их использования в законотворческой деятельности и высокий уровень

^{*} Семенов К. П. Животные как предмет и как средство совершения преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. СПб., 2015. 227 с.

восприятия в деятельности правоохранительных органов, а также суда. Важно отметить и качество использования полученных данных в изложении материала, которое носит не фрагментарный, а системный характер, позволяя автору в ряде случаев быть категоричным в своих суждениях и предположениях. При этом диссертант показывает хорошее знание специальной литературы (в том числе дореволюционного и советского периодов), уважительно относится к высказанным в ней научным позициям, корректно ведет полемику с оппонентами, в том числе высказывая свое несогласие с ними по тем или иным вопросам проблемного характера.

Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, приложений и списка использованных источников, а ее объем составляет 227 страниц. В первой главе диссертации «Историко-правовой и сравнительно-правовой анализ законодательства, регулирующего обращение с животными» раскрывается взаимосвязь современного состояния и тенденций развития отечественного законодательства в части правовой регламентации уголовной ответственности за жестокое обращение с объектами животного мира. Полагаю, что указанные соискателем основные направления развития российского законодательства, регламентирующего правовой статус животных и ответственности за жестокое обращение с ними или нарушение безопасности их содержания, а также использование, в полной мере соответствуют реальному положению вещей. Выделение тенденций позволило автору в дальнейшем формулировать собственные предложения и дополнения современного уголовного законодательства в части исследуемой проблематики в строго заданных направлениях.

Следует отметить, что соискателю удалось убедительно продемонстрировать актуальность исследуемой проблематики не только в историческом контексте, но и на современном этапе, включая законодательный уровень реакции на жестокое обращение с животными в различных странах.

Диссертант удачно анализирует зарубежный опыт правовой регламентации статуса животных в обществе и ответственности за его нарушение. В частности, К. П. Семенов установил, что ответственность за исследуемые преступления свойственна всем современным государствам, и принимаемые ими меры отражаются в национальных актах на основе многочисленных ратифицированных международных соглашений. В то же время автор отмечает, что исторически процесс уголовно-правовой охраны животных за рубежом не всегда был однородным. На основе этого в работе отмечены страны, в которых особое (гуманное) отношение к животным длительное время не культивировалось (Португалия, Испа-

ния, Греция и др.), а также указаны государства, законодательство которых, наоборот, данному вопросу традиционно уделяет пристальное внимание (Бельгия, Италия, Англия, США и др.). Все перечисленное позволило автору сделать вывод об исторической обусловленности, имеющей при этом международно-правовой характер, проблематики противодействия преступлениям, которые посягают на правовой статус животных, необходимости их охраны средствами именно уголовно-правового характера. Уголовная ответственность таким образом выступает главным фактором повышения эффективности охраны объектов животного мира, а совершенствование правовой регламентации ответственности за исследуемые посягательства — важной предпосылкой эффективности ее реализации.

Вторая глава диссертации посвящена уголовно-правовой характеристике и совершенствованию правовой регламентации ответственности за жестокое обращение с животными. В ее рамках дается развернутый анализ состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, за счет чего диссертантом формируются предпосылки для последующих предложений по совершенствованию данного предписания уголовного закона, которые в полной мере реализуются во втором параграфе главы. В частности, среди таких нововведений К. П. Семенов предлагает отнести хулиганские, корыстные и садистские мотивы совершения данного посягательства к категории отягчающих обстоятельств жестокого обращения с животными. То же самое касается и переноса признака основного состава в виде присутствия малолетних лиц при совершении исследуемого общественно опасного деяния в число квалифицирующих, с изменением терминологии и замены категории «в присутствии малолетних лиц» на «в присутствии малолетнего лица».

Следующее за сформулированными в диссертационном исследовании предложениями по совершенствованию признаков ст. 245 УК РФ усиление репрессии за жестокое обращение с животными носит вполне обоснованный характер, и позицию автора в этом отношении следует поддержать. Важно, что необходимость реализации такого шага подтверждается позицией практических работников, а также анализом уголовных дел, возбужденных по признакам преступления ст. 245 УК РФ, и материалов, находящихся в производстве следственных органов и оперативных подразделений. Наличие данных эмпирического характера в ходе формулирования предложений по совершенствованию уголовного законодательства в этой части делает сами предложения максимально аргументированными, а их реализацию вполне осуществимой как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях.

В заключительной главе исследования «Животные как средство причинения вреда (социально-правовая обусловленность отнесения животных к средствам совершения преступления)» объекты животного мира рассматриваются с позиции средств совершения преступления. Анализу подвергаются наиболее значимые аспекты проблемы, включающие в себя опасное поведение самих животных, их использование человеком в процессе совершения преступления, а также нарушение условий безопасности содержания животных, способных повлечь за собой опасные последствия для окружающих. В качестве недостатка действующего УК РФ соискатель считает отсутствие в нем самостоятельной нормы, регламентирующей ответственность за нарушение правил безопасности содержания животных. При этом статья УК РФ о халатности из-за специального субъекта преступления, который в ней предусмотрен, далеко не всегда является применимой даже в случаях наступления общественно опасных последствий в результате невыполнения лицом тех или иных обязанностей. В связи с этим автор делает вполне обоснованный вывод о необходимости выделения самостоятельной уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за наступление таких последствий в результате нарушения правил безопасности содержания животных, проект которой предлагается по итогам данной части работы.

Импонирует при этом способ обоснования нововведения, избранный соискателем. В данной части работы им активно используются результаты эмпирических исследований, которые были получены в ходе работы над диссертацией. Появление проекта нового законодательного предписания сопровождается выяснением мнения экспертов, среди которых фигурируют не только судьи, но и сотрудники правоохранительных органов, анализом уголовных дел и материалов предварительных проверок, а также данными статистической отчетности, подтверждающими сложность рассматриваемой проблематики. Поэтому сформулированный вывод о необходимости криминализации нарушения правил безопасности содержания животных, повлекших последствия строго определенного рода, выглядит убедительным и заслуживает внимания законодателя. С учетом дальнейшего обсуждения вопросов законодательной техники предложенного варианта статьи УК РФ и незначительной ее корректировки идея, выдвинутая К. П. Семеновым, в последующем вполне может быть реализована.

В то же время представленное диссертационное исследование создает предпосылки для полемики по отдельным его положениям.

1. Несмотря на позитивное отношение к проделанной диссертантом работе в части анализа за-

рубежного уголовного законодательства, следует отметить, что из сделанных автором выводов остается непонятным, каким образом положительный опыт решения проблемы уголовно-правовой охраны объектов животного мира в законодательстве различных правовых систем может быть реализован в УК РФ. Отсутствие предложений о возможности использования такого опыта в отечественном уголовном законодательстве делает данную часть рецензируемой работы весьма абстрактной. Хотя она и информативна по своему содержанию, в то же время несколько отстранена от российской действительности. Полагая, что в процессе публичной защиты диссертационного исследования позиция соискателя по этому вопросу вполне может быть дополнительно аргументирована.

2. Вызывает сожаление воспринятый К. П. Семеновым подход законодателя, демонстрируемый им применительно к институту соучастия, который особенно активно реализуется в последние несколько лет. Речь идет об уравнивании между собой различных видов соучастия — «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа», упоминание которых в рамках одного квалифицирующего признака состава преступления становится нормой. В предложенном соискателем варианте ст. 245 УК РФ эта позиция также находит свое подтверждение, что, по моему убеждению, неверно. Дело в том, что общественная опасность совершаемого преступления в составе группы лиц по предварительному сговору и в составе организованной группы различна, и такая разница должна определяться не на уровне индивидуализации наказания, а на уровне дифференциации уголовной ответственности, т. е. не правоприменителем, а законодателем. В связи с этим более логичным выглядит включение признака «группа лиц по предварительному сговору» во вторую часть предлагаемой статьи, а «организованная группа» — в ее третью часть, сам факт которой может быть обусловлен наличием лишь данного вида соучастия.

3. Обращает на себя внимание первый параграф третьей главы работы, посвященный общественно опасному поведению животных. Проблематика данной части исследования носит исключительно постановочный характер. Несмотря на то что сам автор указывает на «законодательный хаос с регулированием отношений, связанных с безопасным содержанием животных» (с. 144), каких-либо предложений в направлении устранения такого хаоса по итогам параграфа не предлагает. Все предложения, но уже по итогам третьего параграфа этой же главы связаны с необходимостью устранения безответственного поведения человека в части содержания животных, что вполне понятно, так как к самим животным каких-либо требований предъявлено быть не может.

Невольно возникает вопрос относительно предназначения параграфа, посвященного общественно опасному поведению животных, а также о том, может ли такое поведение вообще обладать свойством общественной опасности в отрыве от поведения людей, например, ответственных за их содержание, которое в конечном итоге и признается общественно опасным.

4. Полагаю, что в предложенном варианте квалифицированного и особо квалифицированного составов ст. 245¹ УК РФ возможности дифференциации ответственности остались реализованы не до конца. В частности, автору следовало поставить вопрос об усилении ответственности за случаи наступления общественно опасных последствий в результате ненадлежащего исполнения виновным своих служебных обязанностей (полномочий). Данное обстоятельство приобретает особую важность с учетом того, что лица, исполняющие обязанности по содержанию животных, часто не относятся к категории должностных, на них не может распространяться ответственность, предусмотренная ст. 293 УК РФ. В то же время невыполнение или ненадлежащее выполнение таким лицом тех или иных обязанностей по содержанию животных как раз может быть связано с его службой, что должно оказывать влияние на объем применяемой к нему репрессии.

Указанные замечания обусловлены преимущественно сложностью научно-практической задачи, поставленной перед соискателем, в большей мере носят дискуссионный характер и не оказывают существенного влияния на общий вывод о положительной оценке представленной работы.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в двадцати пяти публикациях, пять из которых включены в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России для публикации основных научных результатов диссертаций. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации, отражает ее ключевые идеи и выводы, степень научной новизны. Сформулированные положения и рекомендации являются обоснованными и значимыми для науки. Автором представлен уголовно-правовой анализ проблем, возникающих в ходе охраны животных, когда они выступают в качестве предмета преступного воздействия, а также их использования в качестве средств непосредственно в процессе совершения преступлений. В представленном диссертационном исследовании определены направления совершенствования

российского законодательства по противодействию умышленным преступлениям против экологической безопасности, в качестве предмета которых выступают животные.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация на тему «Животные как предмет и как средство совершения преступления», подготовленная Константином Петровичем Семеновым, представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, которая содержит решение задачи, имеющей существенное значение для уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, и соответствует критериям, установленным пп. 9–14 Раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Рецензируемое диссертационное исследование отвечает требованиям самостоятельности, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора в науку.

Результаты и выводы, сформулированные в диссертации К. П. Семенова, могут быть использованы при проведении дальнейших исследований проблем уголовно-правовой охраны экологической безопасности, рассмотрении вопросов, возникающих в связи с использованием животных в процессе совершения преступных посягательств. Реализация отдельных предложений автора по совершенствованию законодательства способна повысить эффективность противодействия такому преступному посягательству, как жестокое обращение с животными, а также совершенствованию правовой регламентации ответственности за нарушение правил безопасности в ходе содержания животных. Разработанные соискателем решения проблем квалификации указанных посягательств могут послужить надежным ориентиром для совершенствования российского уголовного законодательства и оптимизации правоприменительной практики.

Учитывая изложенное, считаю, что Константин Петрович Семенов заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

*Официальный оппонент
начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент М. В. Бавсун*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки.

Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;
- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;
- материалы по актуальным вопросам философии и методологии научных исследований;
- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;
- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования;
- рецензии монографий, учебников, иных книжных изданий, ставших явлением в юридическом мире.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать следующие условия:

1. Полностью указывать фамилию, имя и отчество автора, его должность и место службы (работы), ученые степень и звание, почтовые реквизиты, контактные телефоны, адрес электронной почты (с отметкой, какая контактная информация может быть размещена в бумажной и электронной версиях журнала).

2. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статей, оформлять библиографический аппарат в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

— Все цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать ссылку на официальный источник опубликования. При ссылке на Собрание законодательства Российской Федерации следует указать страницы. Например:

О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 26 февраля 2006 г. // Рос. газета. 2006. 10 марта ; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146. С. 3639-3652.

— При ссылке на книгу указываются фамилия, инициалы автора; название книги; город; год издания; страница (либо общее количество страниц). В повторной ссылке приводят фамилию, инициалы автора; название книги (в случае если данной ссылке предшествуют ссылки на другие работы этого автора); страницу. В повторной ссылке, не следующей за первичной, указывают фамилию, инициалы автора, а заглавие и последующие элементы заменяют словами «Указ. соч.» (указанное сочинение), «Op. cit.» (opus citato — цитируемый труд) — для документов на языках, применяющих латинскую графику. Например:

Борков В. Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов : монография. Омск, 2010. 272 с.

Бабурин В. В. Концепция риска в уголовном праве. С. 51.

Борков В. Н. Указ. соч. С. 51.

Bolle P.-H. La police de proximité : notion, institution, action // *Eguzkilore*. 1998. № 12. P. 172.

Bolle P.-H. Op. cit. P. 170.

— В статьях из сборников, журналов и продолжающихся изданий выходные данные указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, название статьи, название источника, редактор (ответственный редактор, редколлегия) и город — для сборников, год, том (номер), страницы. Название статьи отделяется от источника двумя косыми чертами. Например:

Холодный Ю. И. Получение информации в ходе опроса с использованием полиграфа // *Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Кузнецов*. Омск, 2009. Вып. 7. С. 39-44.

Старилов Ю. Н. Милицейская помощь в структуре административной деятельности милиции // *Полицейское право*. 2006. № 3. С. 41-49.

— При оформлении ссылок на материалы, извлеченные из Интернета, следует указывать сведения, необходимые для их поиска (полный адрес в Интернете, включая название сайта и дату обращения), а также использовать для обозначения электронного адреса аббревиатуру «URL» (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса). Например:

Жилищное право : актуальные вопросы законодательства : электронный журнал. 2007. № 1. URL: <http://www.gilpravo.ru> (дата обращения: 20.08.2007).

3. Набирать текст через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль), не используя знаков ручного переноса и двойных пробелов.

4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте. Направляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

5. Прилагать к рукописи:

- список ключевых слов (не более семи речевых единиц);
- аннотацию.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:

- быть перифразом заглавия статьи;
- включать малоинформативные формулировки.

Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.

Вместе с электронными версиями статей высылаются цифровые или сканированные фотографии авторов. Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 dpi.

Объем рукописей, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л., включая рисунки, графики и таблицы. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

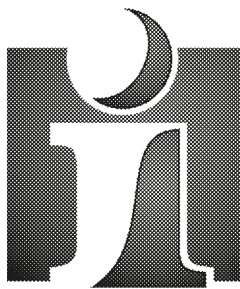
Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ. Более подробно порядок рецензирования описан в Положении о рецензировании рукописей статей в научно-практическом журнале «Научный вестник Омской академии МВД России», с которым можно ознакомиться на интернет-сайте академии.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Клоковым Евгением Александровичем. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России» (с пометкой: «Клокову Е. А.»). Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Синченко Георгий Чонгарович). Адрес электронной почты: gsinchenko@rambler.ru.

Журнал представлен на интернет-сайте академии, размещенном по адресу: <https://oma.mvd.ru>. Все номера журнала, вышедшие в свет начиная с 2005 г., выложены в открытом доступе Научной электронной библиотеки по адресу: <http://elibrary.ru>.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем к сотрудничеству.

INFORMATION FOR AUTHORS

The Editorial Office considers manuscripts corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;
- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;
- materials on the current issues of philosophy and methodology of science research;
- researches devoted to foreign scientific juridical thought;
- materials on the milestones of history of law, juridical science and education;
- reviews of monographs, textbooks and other book publications significant for juridical world.

To fasten the process of publishing the manuscript the following requirements should be observed:

1. Give the detailed information about last name, first name, middle name, position, place of work, scientific degree and academic title, postal details, contacts, e-mail (note which of the contacts should be given in printed version and in electronic versions of the journal).

2. Literature cited for the manuscript should be numbered in order of appearance in the manuscript and listed at the end of the article. The list of literature should be made according to State Standard R 7.0.5-2008.

— All the cited legal acts must contain the reference to the official resource of publishing. When referring to the Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation, remember to specify the pages.

For example:

О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 26 февраля 2006 г. // Рос. газета. 2006. 10 марта ; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146. С. 3639-3652.

— When referring to the book, give the author's last name and initials; the title of the book; city; year of publishing; page (or the whole number of pages). If repeating the reference, specify the author's last name and initials; the title of the book (if the reference follows the references to the author's other works); page. When repeating the reference which doesn't follow immediately its first mentioning, give the author's last name and initials; as for the title and following elements they are replaced by «Op. cit.» (opus citato — cited paper) — for the documents written in Roman type. For example:

Борков В. Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов : монография. Омск, 2010. 272 с.

Бабурин В. В. Концепция риска в уголовном праве. С. 51.

Борков В. Н. Указ. соч. С. 51.

Bolle P.-H. La police de proximite : notion, institution, action // Eguzkilore. 1998. № 12. P. 172.

Bolle P.-H. Op. cit. P. 170.

— In the articles from collections, journals and periodicals the data are given as follows: the author's last name and initials, the title of the article, the title of the resource, editor (chief editor or editorial board) and the city – for collections, year, volume (number), pages. The title must be separated from the resource by double slash. For example:

Холодный Ю. И. Получение информации в ходе опроса с использованием полиграфа // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Кузнецов. Омск, 2009. Вып. 7. С. 39-44.

Старилов Ю. Н. Милицеская помощь в структуре административной деятельности милиции // Полицеское право. 2006. № 3. С. 41-49.

— When giving references to the materials from the Internet, give the data for their search (the detailed address in the Internet including the title of the website and date of reference), and use «URL» (Uniform Resource Locator). For example:

Жилищное право : актуальные вопросы законодательства : электронный журнал. 2007. № 1. URL: <http://www.gilpravo.ru> (дата обращения: 20.08.2007).

3. Line spacing — 1,5; «Times New Roman» and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark.

4. Manuscripts should be sent either in electronic along with the printed version (format Win Word or rtf) or by e-mail. Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

5. To the manuscript should be attached:

- keywords (the number should not exceed 7 keywords);
- abstract.

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should contain up to 500 characters (with spaces). The abstract may not:

- be the periphrasis of the title;
- contain statements of little information value.

The translation of metadata is the responsibility of the editorial board.

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 dpi resolution.

The manuscript must contain up to 0,5 author's sheet including pictures, graphs and tables. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names. The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions. Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC).

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manuscript's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given. The Guidance on review of manuscripts of articles submitted to scientific and practical journal "Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA" comprises further details of reviewing. The Guidance is posted on the website of the Academy.

The manuscripts are accepted by Klokov Yevgeniy Aleksandrovich, the Assistant Editor of the editorial board. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia" (subject: "to Klokov Ye. A."). Telephone: (8-3812)31-34-83 (the chief editor Sinchenko Georgiy Chongarovich). E-mail: gsinchenko@rambler.ru.

The journal is on the Academy's website (<https://oma.mvd.ru>). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>.

Publication of articles is free of charge.

Welcome to cooperate!

CONTENTS

Scholarly Provisions for Counteracting Offences

- *Murav'ev K. V.* Criminal Procedure as the Form of Applying Criminal Law 3
- *Urda M. N.* Means of Criminal Law Used for Tackling Sham Migration Registration: Problems of Legislation and Law Enforcement 8
- *Pichugin S. A., Petrov A. M.* Criminal Liability for Battery: Problems and Prospects under Federal Law No. 323 Dating July 3, 2016 14
- *Dyadyun K. V.* Review of Mitigating and Aggravated Circumstances in Respect to Protection of Reproductive Sphere 18
- *Ovchinnikov Yu. G.* Procedure of Supervision over House Arrest as a Measure of Restraint 22
- *Propastin S. V.* Module System for Establishing Circumstances on Cybercrimes 26
- *Tambovtsev A. I.* Collisions in Norms of Federal Laws Regulating Public Cooperation with Law Enforcement Agencies 31

Law and Society

- *Gorev A. I.* Adoption of a New Doctrine of Information Security as a Stage in Development of Information Society in Russia 37
- *Kashkarov A. A.* The Structure and Powers of Public Authorities in the Crimean Federal District 40

Philosophical Toolkit

- *Yarkeev A. V.* Production of subjectivity on the edge of human rights 45
- *Petrakova A. S.* Constructing personal identification and self-identification in Aristotle's social philosophy .. 49
- *Antipov M. A.* Philosophical methodological foundations for ecological consciousness development 53
- *Sinchenko G. Ch.* The language of law. Article II. Agitation for Terminology 57

Dissertation process

- *Gerasimenko Yu. V.* Official opponent's review of T. A. Prudnikova's dissertation «Regulation of migration processes under administrative law (presence and prospects)» 65
- *Bavsun M. V.* Official opponent's review of K. P. Semenov's dissertation «Animals as the subject and means of committing a crime» 68

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Murav'ev K. V. Criminal Procedure as the Form of Applying Criminal Law

The main theoretical views on correlation of criminal (substantive) law and criminal procedural law are under study. As it is noted criminal law and criminal procedure are characterized by their own content and form. The author makes a distinction between the categories of “application” and “implementation”, and the conclusions made refer to criminal procedure as the form of applying criminal law necessary to state the observance and determine legality of usage or further implementation of norms of criminal law. *Keywords:* criminal procedure, form, application, implementation, criminal law.

Urda M. N. Means of Criminal Law Used for Tackling Sham Migration Registration: Problems of Legislation and Law Enforcement

The article discusses the problems of interpretation and application of objective and subjective features of crimes provided for by Articles 322² and 322³ of the Criminal Code of the Russian Federation as well as the problems related to their distinguishing from similar administrative offences and related crime provided for by Article 322¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The emphasis is given to the low law enforcement potential of special grounds for excusing from liability set in the comments to the norms. The author suggests some solutions to the outlined problems. *Keywords:* migration registration, sham registration, problems of interpretation and application of norms, administrative prejudice, grounds for excusing from liability.

Pichugin S. A., Petrov A. M. Criminal Liability for Battery: Problems and Prospects under Federal Law No. 323 Dating July 3, 2016

The article contains the study of problems of criminal liability for battery under Federal Law No. 323 dating July 3, 2016. The conclusion made reads as follows: Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation worded in the Federal Law No. 323 dating July 3, 2016 contradicts with criminal law principles and is a potential threat to the institution of family and juvenile rights. *Keywords:* Criminal Code of the Russian Federation, battery, close people, decriminalization.

Dyadyun K. V. Review of Mitigating and Aggravated Circumstances in Respect to Protection of Reproductive Sphere

The author analyzes the problems of interpretation and application of norms concerning circumstances described in Articles 61, 63 of the Criminal Code of the Russian Federation and determined by the reproductive factors. The article contains the comparison of the legislative approach used in CIS countries to the field under study. The conclusions and proposals made aim to elaborate the Criminal Code of the Russian Federation in the field examined. *Keywords:* mitigating and aggravated circumstances, reproductive sphere, immaturity of the guilty person, childcare responsibilities, pregnancy, special subject.

Ovchinnikov Yu. G. Procedure of Supervision over House Arrest as a Measure of Restraint

The author examines a new interdepartmental normative act that regulates the mechanism of monitoring the suspect or accused under house arrest and their compliance with the court injunctions and (or) restrictions. In regard to the supervision the aspects directly connected with preliminary investigation organs are focused on. The emphasis is made on certain disadvantages in the content of the examined document related to comprehension of informing, setting its terms and forms. *Keywords:* measure of restraint, house arrest, control, penal inspection, preliminary investigation organs.

Propastin S. V. Module System for Establishing Circumstances on Cybercrimes

The author specifies the laws of the mechanism of committing cybercrimes and shows possible ways to optimize investigations according to these laws. The article contains modules, each including the list of typical circumstances significant for qualification given under criminal law and methods of investigation of the mentioned crimes. Matching these modules with a particular crime makes it possible to list the circumstances specifying the usage of the internet technologies in committing a particular crime. *Keywords:* cybercrimes, investigation, internet technology, laws.

Tambovtsev A. I. Collisions in Norms of Federal Laws Regulating Public Cooperation with Law Enforcement Agencies

The article dwells on certain provisions of federal laws which regulate public cooperation with law enforcement agencies. It is stated that the articles of several federal laws determining the concept and status of individuals who cooperate with law enforcement agencies contain legal collisions. The author gives his own solution to the revealed problems. *Keywords:* citizens' cooperation with law enforcement agencies, law enforcement agencies, crime detection agencies, operational units, the Ministry of the Interior units.

Gorev A. I. Adoption of a New Doctrine of Information Security as a Stage in Development of Information Society in Russia

The problem of information security in the society has gained a crucial importance. The leadership of information resources and technologies in society sets the tasks to tackle, these are of personal security, public security and national security in informational sphere. The basic provisions of the Doctrine of information security of Russia (2016) are discussed, its continuity with the previous document (2000) is outlined, the advantages of the new approach are revealed. *Keywords:* information security, information resources and technologies, information rights and freedoms.

Kashkarov A. A. The Structure and Powers of Public Authorities in the Crimean Federal District

The problems of formation and development of public authorities in the Crimean Federal District are under consideration. The current legislative provisions and norms serve the basis for a consistent examination of the legal status, structure, functions and powers of public authorities established in the Crimean Federal District. The author attempts to conduct a brief legal and historical analysis of the Crimean public authorities. *Keywords:* public authorities, parliament, government, municipal authorities, law, the Constitution of the Russian Federation, the Crimean Federal District, the Republic of Crimea, a federal city of Sevastopol.

Yarkeev A. V. Production of subjectivity on the edge of human rights

The article focuses on the problem of human rights relevant due to their enforcement in a modern society. With regard to socially philosophical concern the problems of human rights are considered as an attempt to redefine the essence of human existence under current conditions. A universal discourse of human rights narrows human being to a bare fact of “bare life”, typical for every individual as the initial “zero” basis. Within the present-day “life policy” an individual as the subject of management is empowered with the rights only according to certain government stratagems. A solution can be found in subjectivity which is based on thinking as a universal feature of human plurality and authentic human right. *Keywords:* human rights, thinking, subjectivity, social evil, biopolitics.

Petrakova A. S. Constructing personal identification and self-identification in Aristotle’s social philosophy

The article examines the Aristotle’s comprehension of the problem of personal identification and self-identification. The author touches upon ontological, gnosiological and axiological aspects of the issues under study. It is revealed that identification and self-identification are connected with the social context of being. The conclusions made show that Aristotle’s identification is able to form self-consciousness and can be established only within cognitive activity. *Keywords:* identification, self-identification, social context, identification dominants, identity, manipulation, self-consciousness.

Antipov M. A. Philosophical methodological foundations for ecological consciousness development

The article describes a socially phenomenological approach to the problem of developing ecological consciousness. The author presents his own vision of levels of developing person’s cognitive attitudes to the natural environment, biological, collective-archetype and institutional ones specified among them. *Keywords:* ecological consciousness, social phenomenology, social standardization, lifeworld, cognitive attitudes, habitualization.

Sinchenko G. Ch. The language of law. Article II. Agitation for Terminology

A term is a word or a word-combination of a peculiar kind. Its immediate meaning is expressed by the concept and intentional meaning is an object intensionally set by the concept. The words of the basic lexicon are used to build terms, however, general vocabulary itself is not subjected to the laws of terminological systems. Misunderstanding of this crucial point causes the situation when apart from late 19th — early 20th century Russian lawyers’ works and relevant foreign publications on juridical disciplines the modern Russian scholarly juridical works are distinguished by artificial term formation, which seems an important aspect of a scientific approach, but, actually, means quasi-scientific deformation of scientific thinking. *Keywords:* definition, science, concept, law, word, term, language.

Сведения об авторах

Антипов Михаил Александрович — кандидат философских наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии Пензенского государственного технологического университета
E-mail: 210483@inbox.ru

Бавсун Максим Викторович — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России
E-mail: kafedramvd@mail.ru

Герасименко Юрий Васильевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, уполномоченный по защите предпринимателей в Омской области
E-mail: omsk@ombudsmanbiz.ru

Горев Александр Иванович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
E-mail: gorev_a@inbox.ru

Дядюн Кристина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, докторант СПбГУ
E-mail: kristina.dyadyun@yandex.ru

Кашкаров Алексей Александрович — кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)
E-mail: kashkarov79@ya.ru

Муравьев Кирилл Владимирович — кандидат юридических наук, докторант Омской академии МВД России
E-mail: murki@list.ru

Овчинников Юрий Георгиевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: yur147@yandex.ru

Петракова Анна Сергеевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новорос-

сийского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: anvsch@mail.ru

Петров Антон Михайлович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России
E-mail: antosharusin@rambler.ru

Пичугин Сергей Андреевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России
E-mail: penalcode@yandex.ru

Пропастин Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Омской академии МВД России
E-mail: propastin@yandex.ru

Синченко Георгий Чонгарович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, заместитель начальника — главный редактор редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России
E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Тамбовцев Андрей Иванович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: bestcopat@mail.ru

Урда Маргарита Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)
E-mail: urda.ru@rambler.ru

Яркеев Алексей Владимирович — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Ижевск)
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям

- индекс выявления лиц, совершивших тяжкие преступления
- правовые суррогаты и принуждение в оперативно-розыскной деятельности
- оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»
- злоупотребление доминирующим положением

Право и общество

- карательные меры обеспечения достоверности волеизъявления народа

Философский и методологический инструментарий

- категория «конструирование» в праве
- методология диссертаций по криминалистике

а также

- «экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве
- анонимность в глобальных сетях
- размер незаконно заготовленной древесины как криминообразующий признак
- административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения
- другие материалы

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

